

Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати
и информации
Российской Федерации
Свидетельство
о регистрации
№ 0110347
от 27 октября 1993 г.

РОССИЙСКАЯ · АКАДЕМИЯ · НАУК
RUSSIAN · ACADEMY · OF · SCIENCES

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

INSTITUTE FOR SCIENTIFIC INFORMATION
IN SOCIAL SCIENCES

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ

INSTITUTE OF ECONOMY

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Ю. И. ИГРИЦКИЙ
кандидат исторических наук,
член-корреспондент МАИ,
главный редактор

Л. Н. ВЕРЧЕНОВ
кандидат философских наук

В. И. ГЕРАСИМОВ
кандидат филологических
наук, член-корреспондент
МАИ, зам. главного редактора

Л. П. ДЕЛЮСИН
доктор исторических
наук, профессор

Е. Б. КАЛОЕВА
кандидат исторических наук,
зам. главного редактора

А. Д. НЕКИПЕЛОВ
доктор экономических
наук, академик РАН

Б. С. ОРЛОВ
доктор исторических
наук, профессор

Т. Г. ПАРХАЛИНА
кандидат исторических наук

Ю. С. ПИВОВАРОВ
доктор политических наук,
академик РАН

Л. В. СКВОРЦОВ
доктор философских наук,
профессор, академик МАИ

Б. А. ХЕЙФЕЦ
доктор экономических наук

Л. Н. ШАНШИЕВА
кандидат философских наук

В. М. ШЕВЫРИН
кандидат исторических наук,
зам. главного редактора

Ответственный секретарь
А. А. ХАЛАТОВ

Редактор-консультант
И. Л. БЕЛЕНЬКИЙ

Художник обложки
Г. И. КОЗУБОВ
Макет
Н. В. СМЕРНОВА

© ИНИОН РАН

РОССИЯ
и современный
МИР
RUSSIA AND
THE CONTEMPORARY
WORLD
2(51)

В НОМЕРЕ

In This Issue:

**Великая трансформация
в Центрально-Восточной Европе**
The Great Transformation in Central Eastern Europe

**Качество власти и стратегия
развития России**
*Quality of Authority and the Strategy
of Development for Russia*

Выборы по-русски
Elections, Russian Style

Постсоветская Центральная Азия
Post-Soviet Central Asia

**Как издавалось полное собрание
сочинений Льва Толстого**
*Leo Tolstoy's Full Collection of Works: The Story
of Publication*

МОСКВА
2006

Академику В.А. Виноградову – 85 лет	5	85 Years of Academician V.A. Vinogradov
--	---	--

РОССИЯ И МИР
В НОВОМ ВЕКЕ

RUSSIA AND THE WORLD
IN THE NEW CENTURY

Корнаи Я. Великая трансформация Центрально-Восточной Европы: Успех и разочарование	7	Kornai J. The Great Transformation of Central Eastern Europe: Success and Disappointment
---	---	---

С.М. Миронов Качество власти и стратегия развития России	48	S.M. Mironov Quality of Authority and the Strategy of Development for Russia
--	----	--

В.Я. Гельман Выборы по-русски: Правила игры в российской электоральной политике	54	V.Ya. Gelman Elections in the Russian Manner: Game Rules in the Russian Electoral Politics
--	----	---

А.С. Беспалов Польша и «оранжевая революция» на Украине	68	A.S. Bespalov Poland and the «Orange Revolution» in Ukraine
---	----	---

А.В. Гордон Опыт аграрных преобразований в КНР	83	A.V. Gordon The Experience of Agrarian Transformation in the People's Republic of China
---	----	--

ПРОБЛЕМЫ СНГ

- З.А.Дадабаева
Таджикистан в системе
межгосударственных отношений
на постсоветском пространстве **101**

*Z.A.Dadabaeva
Tadjikistan in the System
of State Relations
in the Post-Soviet Space*

- Тхён Ки Ком
Взаимоотношения России
с Казахстаном и Узбекистаном **110**

*Tkhen Ki Kom
Russia's Relations with
Kazakhstan and Uzbekistan*

- Г.Ю.Ситнянский
Центральная Азия перед лицом
«цветных» революций **126**

*G.Yu.Sitnyansky
Central Asia Facing
«Flower» Revolutions*

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

REFLECTIONS, COMMUNICATIONS, COMMENTS

- О.И.Бородина
Россия, век XIX: Путь к
революциям XX века **136**

*O.I.Borodina
Russia, 19th Century: The Road
to the 20th Century Revolutions*

- Л.А.Остерман
Полное собрание сочинений
Л.Н. Толстого: История
публикации **154**

*L.A.Osterman
Leo Tolstoy's Full Collection
of Works: The Story
of Publication*

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

FACTS, EVENTS, PEOPLE

- Брам Х., Любин В.
Аденауэр и СССР: Неизвестные
страницы истории **164**

*Brahm H., Lyubin V.
Adenauer and the USSR:
History's Unknown Pages*

- А.М.Филитов
Московский визит
Аденауэра 1955 г. **177**

*A.M.Filitov
Adenauer's Moscow
Visit in 1955*

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

SCHOLARLY AND CULTURAL LIFE

- Ю.В.Бельчич
Информационно-культурный
центр «Русская эмиграция» **188**

*Yu.V.Belchich
The «Russian Emigration»
Information and Cultural Center*

Ю. М. Хильчевский	Yu. M. Khilchevsky
Центр-музей истории российской	The Center and Museum of History
дипломатической службы	of Russian Diplomatic Service
192	

В. Л. Кушпель	V. L. Kushpel
О музее истории	The Museum of History
Дипломатической	of the Diplomatic Academy,
академии МИД РФ	Russian Foreign Ministry
198	

КЛАССИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

CLASSICAL HERITAGE

Бринкман А. А. фон	A. von Brinkman
Недоверие (предисловие	Mistrust (foreword
И. Л. Беленького)	by I. L. Belenkiy)
203	

ОБЗОРЫ, РЕФЕРАТЫ

SURVEYS, DIGESTS

Л. Н. Шаншиева	L. N. Shanshieva
Объединенная Германия:	Social Asymmetry
Социальная асимметрия	in the Unified Germany
215	

Риш-Флор В.	Riches-Flores V.
Демографический шок:	Choc demographique:
Грядущие изменения	Les mutations a venir
226	

Круз-Кастро Л.,	Cruz-Castro L.,
Санз-Менендес Л.	Sanz-Menendes L.
Испанская программа	Bringing Science and Technology
возвращения научных	Human Resources Back: The Spanish
и технических кадров	Ramon y Cajal Programme
229	

АКАДЕМИКУ В.А.ВИНОГРАДОВУ - 85 ЛЕТ

В журнале «Россия и современный мир» нет традиции чествовать ученых, сколь бы велики ни были их заслуги, иными способами, кроме предоставления им права выступить на страницах журнала с печатным словом. Но этот случай – особый. Владимир Алексеевич Виноградов является отцом-основателем Института научной информации по общественным наукам, в стенах которого журнал родился и продолжает выходить. Юбилей Владимира Алексеевича – огромная радость для всех нас, особенно для тех, кто работал с ним в ИНИОН РАН с начала 1970-х годов.

По большому счету это значимое событие для всей РАН – ведь жизненный путь В.А. Виноградова неотделим от Академии наук, в которую он пришел еще в 1948 г. За плечами у него были участие в Великой Отечественной войне, ранение, госпиталь, демобилизация и учеба в МГИМО. Восемнадцать лет спустя, в 1966 г., он был избран членом-корреспондентом АН СССР, а в 1984 г. стал ее действительным членом. Фронтовик-орденоносец, крупный ученый, талантливый организатор науки, мудрый наставник, горячий патриот своей страны – таковы главные слагаемые личности Владимира Алексеевича Виноградова.

Как историк-экономист, В.А. Виноградов пережил, можно сказать, два рождения. Изучая экономическую историю советского общества первых послеоктябрьских лет, он защитил в 1954 г. кандидатскую диссертацию по теме обобществления средств производства и рабочего контроля в СССР, опубликовал монографию, посвященную теории и практике национализации промышленности, и защитил ее в качестве докторской диссертации в 1964 г. Возглавив ИНИОН, Владимир Алексеевич продолжал исследование этих проблем, но по понятным причинам сконцентрировался на исследовании теоретических и практических вопросов информатизации общества на современном этапе, которым посвятил ряд книг.

Радикальная общественная трансформация в нашей стране поставила на повестку дня экономической истории множество новых проблем, требующих углубленного изучения. С начала 1990-х годов академик Виноградов уделяет особое внимание анализу процесса приватизации и его особенностей в различных государствах мира. Он внес большой вклад в теоретическую разработку приватизации как глобального явления; в этой области ему принадлежат более 30 публикаций. Всего же из-под его пера вышло свыше 300 работ, в том числе 12 монографий; в 25 крупных коллективных трудах он является соавтором. Его книги и статьи переведены на десять иностранных языков.

Мировая научная общественность знает академика Виноградова не только по этим работам. Занимая ответственные должности в Президиуме АН СССР

(в том числе будучи в течение одиннадцати лет заместителем Главного ученого секретаря), он много сделал для развития международных научных связей Академии, участвовал в подготовке соглашений о сотрудничестве с крупнейшими научными центрами США, Франции, Великобритании, Германии и других стран. В 60–80-е годы В.А. Виноградов принимал деятельное участие в работе многих международных научных организаций. Он был вице-президентом Международной ассоциации экономической истории, Международного совета социальных наук, Европейского центра по координации исследований и документации в области социальных наук. На протяжении тридцати лет принимал участие в деятельности национальной Комиссии по делам ЮНЕСКО.

Более трети жизни В.А. Виноградова связаны с Институтом научной информации по общественным наукам. Его роль в становлении и развитии ИНИОН РАН трудно переоценить. Еще тогда, когда здание Института стояло в стропилах и сотрудники во главе с ним, директором, месили грязь на стройке во время субботников, он видел будущее Института как головного центра общественно-научной информации в стране. Под его руководством была создана уникальная система информационных изданий в области социальных и гуманитарных наук, базирующаяся на применении самых современных информационных технологий. В эту систему вписался и созданный в 1993 г. журнал «Россия и современный мир».

За боевые и трудовые заслуги В.А. Виноградов награжден 8 орденами (в том числе «За заслуги перед Отечеством» IV и III степени) и 23 государственными медалями (включая медаль «За Отвагу»). Он – лауреат Государственной премии СССР и премии имени Н.Г. Чернышевского, имеет многие другие отечественные и зарубежные награды. В 2005 г. Попечительский совет Фонда содействия отечественной науке признал В.А. Виноградова победителем в номинации «Выдающиеся ученые РАН» в области социальных и гуманитарных наук.

Опубликовав в 2003 г. свои мемуары, Владимир Алексеевич имел полное право назвать их «Мой XX век». Насколько бурным и динамичным был этот век, настолько ярка и полна внутреннего динамизма биография В.А. Виноградова. Его жизненный и творческий путь – пример неустанного служения своему народу. В свои 85 лет он полон энергии и готовит новые интересные научные проекты. Как никто другой, он знает – на основе своего организационно-практического и творческого опыта, – насколько значима для России наука, как важно вернуть ей ту роль, которую она всегда играла в развитии страны. В нынешнюю эпоху общественной трансформации его идеи и опыт обретают особую ценность.

Мы, коллеги и последователи Владимира Алексеевича Виноградова, горячо поздравляем его со славным юбилеем и от всего сердца желаем ему долгих лет жизни, воплощения всех творческих замыслов.

Редколлегия

РОССИЯ И МИР

В НОВОМ ВЕКЕ

Корнаи Я.

ВЕЛИКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: УСПЕХ И РАЗОЧАРОВАНИЕ*

Янош Корнаи – профессор Гарвардского университета, Коллегиум Будапешт и Центрально-Европейского университета.

1. Введение

В данной работе рассматривается развитие восьми стран, ставших в 2004 г. членами Европейского союза: Венгрии, Латвии, Литвы, Польши, Словакии, Словении, Чешской Республики и Эстонии. Я возьму на себя смелость объединить эту группу стран, обозначив ее как Центрально-Восточная Европа, или Центрально-Восточноевропейский регион, хотя с географической точки зрения это не совсем точно. Европейский союз переживает непростые времена и невозможно предугадать, что принесет будущее. Но какое бы влияние последующая судьба ЕС ни оказала на восьмерку рассматриваемых стран, подобные прогнозы не входят в предмет рассмотрения данного исследования. В то же время этот регион заслуживает отдельного анализа, поскольку каждая из входящих в него стран послужила предметом самого пристального изучения перед их принятием в ЕС со стороны различных его органов. Их членство в ЕС может служить свидетельством признания в этих странах как демократических политических систем, так и функционирующих рыночных экономик.

* Выступление Президента Международной экономической ассоциации (*International Economic Association*) на 14 Всемирном Конгрессе в г. Марракеш, Марокко, 29 августа 2005 г.

Выражаю свою благодарность Зденеку Кудрне за помощь, выразившуюся в тщательном сборе данных и полезных комментариях, Филипу Агиону, Жуже Даниел, Жан-Полю Фитусси, Стефану Хаггарду и Жерару Ролану за замечания к первому варианту рукописи, а также Тамаре Гендлер, Нозми Петер, Каталин Н. Сабо, Ласло Симонису, Ласло Тоту, Иштвану Тоту и Яношу Варге за помощь в проведении основного исследования, редактировании и переводе рукописи.

После 1990 г. диктатура коммунистических партий пришла к концу в десяти странах, а именно в СССР и странах, входивших с ним в военный и экономический союз – Болгарии, Венгрии, ГДР, Монголии, Польше, Румынии и Чехословакии, а также в бывшей Югославии и Албании, которые уже в то время не имели с ним столь тесных связей. Я бы не решился охватить в данной работе весь этот регион хотя бы по причине громадных различий между отдельными входящими в него странами, прежде всего с точки зрения их политических структур. Именно с этой точки зрения восемь стран, являющихся предметом моего анализа, более однородны. Эти страны, хотя и имеют ряд существенных общих черт со всей группой в целом, не могут служить для нее в качестве «репрезентативной выборки». Уточняя предмет анализа, я сделал сознательный выбор: сосредоточиться на регионе, в котором реформы были наиболее последовательными и далеко идущими. Рассматривая восемь новых членов ЕС, я ограничился анализом их общих черт, не углубляясь в описание и объяснение значительных различий между ними.

Давайте перенесемся на пару десятилетий назад и вспомним настроения и ожидания жителей этих стран, находившихся в оппозиции коммунистической системе. В то время мысль о том, что в обозримом будущем их страны превратятся в демократии с рыночной экономикой, казалась им несбыточной мечтой. Но сегодня, когда это стало реальностью, многие из них испытывают разочарование и горечь.

На данную тему уже опубликован ряд исследований, проведенных как правительственными, так и научными учреждениями. Они содержат важные статистические данные, раскрывающие картину текущей политической и экономической ситуации в каждой из рассматриваемых стран и в их сравнении между собой. Были опубликованы также заслуживающие внимания исследования, содержащие анализ причин сложившихся ситуаций¹. Я не буду пытаться суммировать весь этот богатый и ценный массив публикаций, в мою задачу не входит также подтверждение или опровержение результатов предшествующих исследований. Вместо этого я надеюсь дополнить их, сосредоточив внимание на тех аспектах трансформации, которые еще не получили должного внимания.

В процессе дальнейшего обсуждения я буду уделять особое внимание тому, чтобы отделить мое описание фактов от нормативных оценок этих фактов и от системы ценностей, лежащей в основе этих оценок. Внимание к подобным вещам необходимо как для понимания фактических данных, так и для точного определения пунктов расхождения мнений.

Данная работа разделена на две части: первая часть посвящена историческому рассмотрению процесса трансформации; во второй части этот процесс будет рассмотрен с точки зрения сегодняшней повседневной жизни человека.

2. Трансформация в контексте мировой истории

Прежде всего, взглянем на длительные исторические периоды. Это будут довольно крупные отрезки времени, измеряемые десятилетиями и даже столетиями. И хотя в центре внимания будет Центрально-Восточная Европа (ЦВЕ), посмотрим и на другие регионы мира в целях сравнения. Методология этой первой части может быть кратко резюмирована названием книги Чарльза Тилли (Charles Tilly, 1984): «Большие структуры, масштабные процессы, гигантские сравнения».

2.1. Основное направление экономической трансформации в рамках западной цивилизации

На протяжении последнего тысячелетия различные формы капиталистической экономики постепенно завоевывали все большее и большее пространство в рамках западной цивилизации². Признаки этого проявились уже в античности и составили важные элементы средневекового общества с самого его зарождения. Характерные институты капитализма – частная собственность, наемный труд, рыночный обмен, кредит и правовая система, защищающая неприкосновенность частной собственности и контрактные отношения – развивались в различных странах различными темпами. Институциональная трансформация была неотделима от таких глубинных процессов, как урбанизация, индустриализация и коммерциализация. Все это в совокупности составляло то, что известно как капиталистическая экономика³.

Среди историков нет единого мнения относительно того, когда закончились Средние века и началось Новое время⁴. Более того, нет даже согласия по вопросу о том, возможны ли какие-либо критерии конца и начала, и, следовательно, следует ли их искать в экономической, политической или религиозно-идеологически-интеллектуальной сфере. Однако существует весьма широкое согласие по поводу того факта, что в период, который большинство историков определяют как Новое время, или Modernity, преобладает именно капиталистическая экономика. Экономика находится в постоянном процессе движения и трансформации. Соответственно, этот процесс имеет характерное *основное направление*, состоящее в экспансии капиталистического экономического порядка. Экспансия сопровождается углублением ее последствий.

Распространение капитализма протекало медленно и сложно. В одних случаях капиталистические и докапиталистические формы стабильно сосуществуют. В других за стагнацией следует быстрое ускорение или наоборот. Ускорение может вызываться многими причинами: политической революцией; появлением выдающегося политика, склонного к инновациям; новыми нормами регули-

рования, создаваемыми той или иной политической группой; географическими открытиями (такими как открытие Нового Света); великими изобретениями (например, паровой машины, железных дорог или электричества).

Коммунистические партии под влиянием марксистской теории до своего прихода к власти придерживались доктрины о существовании основного направления экономической истории. Однако это положение, согласно марксизму, распространяется за пределы капитализма. Фундаментальной программной целью коммунистических партий явилось создание системы, *превосходящей* капитализм. Они предложили четкие критерии для сравнения двух систем: рост производительности труда и его последствия, прежде всего, рост производства и повышение уровня жизни.

Грандиозная попытка подтверждения этих положений, закончившаяся в конечном счете неудачей, длилась более 70 лет в СССР и около 40 лет в Восточной Европе. В состязании между социалистической и капиталистической системами были моменты, когда даже среди поборников капиталистической системы имела место некоторая неуверенность. Вспомним, что в годы, следовавшие за Великой депрессией 1929 г., большинство развитых стран находились в глубоком кризисе, тогда как в СССР первая пятилетка дала высокие темпы роста и другие впечатляющие результаты. Вспомним также, что когда был успешно запущен первый спутник, многие восприняли это событие как начало эры советского технического и военного превосходства. Однако, если оценивать эти события в более длительной перспективе и в масштабе всего периода существования социалистической системы, то становится очевидным, что капитализм более продуктивен, более инновационен, дает более высокие темпы роста, ведущие к более значительному повышению уровня жизни. В табл. 1* дано сравнение роста социалистических и капиталистических стран за последние перед концом социализма 40 лет. Социалистические страны представлены Советским Союзом и тремя новыми членами ЕС (Венгрия, Польша и Чехословакия), а капиталистическая экономика – 13 старыми членами ЕС⁵. Данные таблицы показывают растущее превосходство капиталистической экономики.

Говоря это, я, разумеется, не утверждаю, что мы подошли к концу истории или что капитализм никогда не уступит место превосходящей системе в тот или иной момент будущего. Я не занимаюсь предсказаниями. Однако неопровержимый факт состоит в том, что *существующий* (или существовавший до сего времени) социализм проиграл гонку *существующему* (или существующему до сего времени) капитализму. И это не субъективная оценка; это наблюдаемый, статистически подтверждаемый факт: до настоящего времени в мире за-

* Эта и другие таблицы приведены в конце статьи в качестве приложения.

падной цивилизации основная историческая тенденция развивается в направлении экспансии капитализма.

Серия болезненных и резких акций при создании социалистической системы была отклонением от основного направления. Теперь страны ЦВЕ совершили поворот. Дав 15 лет назад задний ход из тупика, мы теперь полностью встали на основной путь.

Это лишь свободная от оценочных суждений констатация факта. Ответить на тесно связанный вопрос о том, обоснованно ли считать этот факт *успехом*, можно лишь предложив оценочное суждение, к чему я вернусь позже.

Более высокий уровень производительности и высокие темпы роста не возникли немедленно: переход к новой экономической системе начался с серьезного замедления. К настоящему времени, однако, темпы роста ускорились. Как показано в табл. 2, в шести из восьми стран темпы роста за последние десять лет были значительно выше по сравнению с десятилетием, предшествующим 1990 г. За период 1995–2003 гг. в регионе новых членов ЕС показатели ВВП на душу населения, производительности труда (ВВП на одного занятого) и реального потребления на душу населения росли значительно более высокими темпами, чем в других странах ЕС (табл. 3). Разрыв особенно заметен по показателю производительности труда; его динамика в новых странах – членах ЕС более, чем в четыре раза выше, чем в старых странах-членах.

Интерпретация этих цифр требует осторожности. На данном этапе анализа мы хотим лишь сравнить одну *систему* с другой *системой*, *долговременные* характеристики одной системы с *долговременными* характеристиками другой. С точки зрения исторического масштаба прошел слишком короткий период времени. Мы не знаем, в какой мере быстрый рост может быть отнесен на счет использования новой системой скрытых в прошлом резервов, не использовавшихся предшествовавшей неэффективной системой. Высокие темпы роста могут быть в определенной мере связаны с тем фактом, что за глубокими спадами обычно следуют быстрые подъемы. Эти явные, легко мобилизуемые резервы рано или поздно будут исчерпаны. Было бы неверным делать окончательные выводы на основе данных одной декады. Нужно длительное время, чтобы новая капиталистическая система доказала свое превосходство несомненно и с полной убедительностью. Однако, если бы перед нами стояла задача оценить уже имеющийся опыт, мы могли бы оптимистично оценить потенциал роста новой системы.

2.2. Основное направление политической трансформации в западной цивилизации

На протяжении нескольких последних столетий основное направление трансформации западной цивилизации ощущалось не только в сфере экономики, но

и в политической сфере. Наряду с почти неограниченной монархической властью, освященной церковью, можно было видеть зарождение элементов демократии в виде различных самоуправляемых организаций, форм представительства городских средних классов, некоторых церковных институтов. В ряде стран были приняты законы, ограничивающие абсолютную власть монархии, возникли первые элементы парламентаризма – «просвещенные» варианты монархии. В дальнейшем парламенты приобретали все больший спектр прав, избирательное право распространялось на все более широкие слои населения. Постепенно сформировались и укрепились институты современной парламентской демократии. На протяжении веков все большее число стран становились демократиями.

Изменение политических структур сопровождалось ростом доли населения, пользовавшегося основными правами человека, свободой слова, свободой объединений, правом участия в процессе принятия решений. Постепенно устранялась дискриминация по различным признакам – половым, расовым, религиозным и т.п.

Многие авторы описывали «волны» демократизации, происходившей во второй половине XX в.⁶ Третья такая волна охватила в 1970–1980-х годах Южную Европу, Латинскую Америку и Азию; четвертую волну мы наблюдали вслед за крушением советского и восточноевропейских коммунистических режимов⁷.

Разумеется, каждая страна проходит свой исторический путь. Как я отмечал выше, движение на пути к демократии может прерваться или изменить направление на обратное. Но даже такое безмерно катастрофическое событие, как приход Гитлера к власти, повлекший гибель миллионов людей, в исторической перспективе есть краткосрочное отклонение от основного пути. В конечном счете, основное направление побеждает.

В целях нашего анализа необходимо тщательно исследовать восхождение коммунистических партий к власти. Это явление неизбежно перекликается с такого рода «отклонением» в том смысле, что в странах, где к власти пришли коммунисты, они столкнули экономическую систему с основного пути и навязали обществу свою социалистическую программу. Такое принуждение стало возможным благодаря захвату политической власти и образованию тоталитарной диктатуры.

В последние 15 лет регион ЦВЕ успешно выбрался из политического тупика и вернулся на основной путь аналогично тому, как это произошло в экономической сфере. Вопрос о достоинствах распространенной демократической системы и ее соответствия различным требованиям подвергался широким обсуждениям, но для целей данного анализа будет достаточным применить «минималистские» критерии демократии. «Демократический минимум» соблюден в том случае, если правительство страны приходит к власти в результате сопер-

ничества за голоса граждан и может быть отстранено от власти в рамках цивилизованного процесса⁸ без дворцового переворота, военного путча, убийства или революции. Выборы, проводимые на основе политической конкуренции, в сочетании с гарантией других гражданских прав создают механизмы и процедуры, обеспечивающие смещение должностных лиц и передачу властных полномочий. Все это гарантирует исключение авторитарного режима. Безусловно, однако, что в рамках утвердившейся и процветающей демократии помимо этого минимума справедливо требование выполнения целого ряда дополнительных условий. Тем не менее не будем забывать, что для личности, только что освободившейся из тисков тирании, даже демократический минимум значит многое. В данном исследовании мы применили следующий тест: процесс прихода к власти удовлетворяет требованию демократического минимума, если в результате выборов, проводившихся в период с 1989 г., произошла хотя бы двукратная смена действующего правительства. Регион ЦВЕ легко проходит такой количественный тест: в каждой из восьми стран было не менее трех выборов с последующей сменой правительств в результате цивилизованного избирательного процесса, ведущего к формированию нового, демократически избранного правительства. Как показывает табл. 4, из 38 избирательных кампаний, завершивших борьбу политических партий, 30 – привели к смене правящей политической власти, партии или коалиции.

Рассмотренные выше две категории исторических изменений взаимосвязаны асимметрично. Появление капиталистической экономической системы не гарантирует автоматического появления демократии; были и есть страны с капиталистической экономикой, но с политической структурой, не удовлетворяющей минимальным требованиям демократии. Действительно, капиталистическая экономическая система может быть совместимой с частично и даже полностью диктаторскими политическими режимами. Но эта независимость не действует в обратном направлении: демократия может стать перманентной формой государственного управления только там, где экономика функционирует в рамках капиталистической системы. Без капитализма нет демократии⁹.

Теперь мы в состоянии признать следующий свободный от оценочных суждений исторический факт: новая политическая структура стран ЦВЕ отражает основное направление исторического прогресса последних двух тысячелетий. Достоин ли этот факт похвалы, и если да, то почему, – вопрос, к которому мы вернемся позднее.

Идея, согласно которой крупномасштабные политические и экономические изменения имеют определенные основные направления, признается одними школами исторической и других общественных наук и отрицается другими. Я стремился дистанцироваться от жестких и односторонних версий этой идеи; я не вижу подтверждений существования какого-либо простого, линейного и во все

времена однонаправленного движения. Я подчеркивал, что и в экономической, и в политической сферах возможны стагнация и обратное движение, а также длительное сосуществование различных экономических и политических систем¹⁰. Но эти оговорки не умаляют одну из главных идей данного исследования, состоящую в возможности наблюдать основное направление изменений экономических и политических институтов. Трансформация, происшедшая после крушения советского и восточноевропейских режимов, предоставляет новый и важный дополнительный аргумент в споре об основных направлениях.

2.3. Шесть характеристик трансформационного процесса

В качестве исходного пункта для последующего анализа я хотел бы в сжатом виде представить шесть наиболее важных характеристик трансформации в регионе ЦВЕ за прошедшие 15 лет.

1 и 2. Изменения следовали в русле *основных направлений* развития западной цивилизации: в направлении *капиталистической экономической системы* в сфере экономики и в направлении *демократии* в политической сфере.

3. Это была *полная* трансформация, прошедшая *параллельно во всех сферах*: в экономике, политической структуре, политической идеологии, правовой системе и стратификации общества.

4. Трансформация совершилась *ненасильственным* путем.

5. Процесс трансформации проходил в *мирных* условиях. Ему не предшествовала война. Изменения не навязывались обществу силой в результате иностранной военной оккупации.

6. Трансформация прошла с *невероятной скоростью*, в течение 10–15 лет.

Займствуя выражение Карла Полањи, можно сказать, что это не была первая «великая трансформация»¹¹ во всемирной истории. Он также подчеркивал тот известный в мировой истории факт, что другие «великие трансформации», стремительно менявшие один строй на другой, происходили в различное время и в различных регионах мира. Из перечисленных выше шести характеристик три или четыре свойственны и другим трансформационным процессам. Но *присутствие одновременно всех шести характеристик уникально в мировой истории*.

Сделав этот предварительный вывод, я намерен подкрепить его историческими сравнениями.

2.4. Исторические сравнения

Я сравню пять типичных «великих трансформаций» с тем, что произошло в ЦВЕ. Ясно, что поступив таким образом, мы далеко не исчерпаем все воз-

возможности сравнения; целый ряд интересных и важных примеров останутся вне поля зрения (например, изменения, происходящие последние 15 лет в России, трансформация диктаторских режимов Южной Европы в демократии, или совсем свежий пример – изменения, происходящие в Ираке после падения режима Саддама Хуссейна.) Тем не менее пять аспектов и одновременно примеров трансформации дают нам существенные уроки; ниже они будут обозначены литерами А, В, С, D, Е.

Прежде всего, исследуем интересующую нас сейчас трансформацию путем ее сравнения с предыдущим движением в противоположном направлении – с разрушением капиталистической системы и созданием социалистической системы. Для краткости я ограничусь только советской историей. Сходство есть в характеристике № 3: тогда параллельные изменения также преобразовали все сферы общества. Поразительное сходство в характеристике № 6 – скорости осуществления изменений. Коммунистическая партия захватила власть в 1917 г., а «великая трансформация» была завершена к концу 1932 г. с коллективизацией в сельском хозяйстве и ликвидацией частной собственности на средства производства. Потребовалось всего 15 лет для создания того, что мы называем «классическим социализмом»¹².

Разительные различия заключены в характеристиках № 1, № 2 и № 4. В конце Первой мировой войны Россия была близка к тому, чтобы встать на путь, ведущий к парламентской демократии западного типа. Кровавая революция свергла старую политическую власть, царь и его семья были казнены, элита старого режима была либо уничтожена, либо сослана в лагеря принудительного труда. Новый политический и социальный строй был навязан обществу путем террора и насилия. Это на 180° противоположно бархатным революциям 1989–1990 гг. и ненасильственному характеру нашей текущей трансформации.

В дальнейшем анализе я сосредоточусь только на тех примерах трансформации, которые имеют общую характеристику № 1 с процессом, происходящим в ЦВЕ, иными словами, на тех случаях, когда изменения в экономике соответствуют основному направлению (или по крайней мере не отклоняются от основного направления) изменений в экономической сфере.

Характеристику № 4 – ненасильственный характер трансформации – нельзя рассматривать как самоочевидную. Целесообразно проиллюстрировать это на двух исторических примерах.

После Первой мировой войны коммунисты под руководством Бела Куна захватили власть в Венгрии и провозгласили Венгерскую Советскую Республику. Через несколько месяцев под руководством адмирала Миклоша Хорти, позже ставшего главой государства, коммунистический режим был свергнут и восстановлен прежний капиталистический строй. В первые месяцы красный террор сменился белым террором. Расправы, виселицы, тюрьмы стали частью и эле-

ментом переходного периода; понадобилось несколько лет, чтобы достичь некоторой политической консолидации.

Второй пример – Чили. С. Альенде и его правительство вступили на путь, который, возможно, привел бы к формированию социалистической системы. Но подобное развитие событий было пресечено путем генерала Пиночета в 1973 г. Карательные меры, внесудебные расправы, политические убийства и пытки – вот характерные черты реставрации предшествующей экономической системы. Демократические институты в этой стране смогли развиваться лишь после огромных страданий и по прошествии многих лет.

Сравним эти два исторических эпизода с недавними событиями в ЦВЕ. В рассматриваемых нами восьми странах политики старого режима не были ни казнены, ни заключены в тюрьму, против них не велось никакой кампании мести. В некоторых странах при подготовке новых конституций проходили цивилизованные дискуссии между лидерами бывшей правящей партии и новыми лидерами оппозиции, готовящимися принять политическую власть. Смена власти произошла без кровопролития и без хаоса в высших эшелонах власти.

Здесь, как и в других случаях, описанных выше, моя цель заключается только в предоставлении фактов; оценка их значимости будет дана в последующих разделах.

Процесс ликвидации социалистической системы продолжается в регионах к югу и востоку от восьми рассматриваемых стран. Было бы вполне логичным в рамках моего анализа проследить один за другим все процессы трансформации и сделать соответствующие сравнения. Однако из-за ограничений места я сравню изменения в регионе ЦВЕ лишь с одной страной – Китаем. Разумеется, только будущее покажет, насколько продвинется развитие капиталистической экономики в Китае и насколько оно будет последовательным.

Фундаментальную важность имеет то обстоятельство, что по характеристике № 1 преобразования в Китае и в странах ЦВЕ идентичны: в обоих случаях трансформация совпадает с основным историческим направлением, двигаясь в сторону капиталистической экономической системы.

Важнейшее различие, однако, наблюдается в характеристике № 2. Если развитие политической структуры в странах ЦВЕ также совпадает с основным параметром западной цивилизации – движением от прежней системы к демократии и соблюдению прав человека, то в Китае, напротив, монополярная власть Коммунистической партии остается неизменной, что ведет к подавлению и свертыванию прав человека. Существенные изменения продолжают осуществляться практически во всех общественных сферах, но при этом не может быть и речи о параллелизме, определяющем характеристику № 3.

Резительный контраст проявляется в Китае также в отношении характеристики № 4, говорящей об отсутствии насилия. Здесь не идет речи о «бархатной

революции». После смерти бывшего диктатора Мао Цзэдуна его ближайшее окружение получило со стороны нового руководства удар железным кулаком. Когда требования пекинских студентов зашли слишком далеко с точки зрения порядка, установленного правителями страны, их протесты были подавлены военной силой. Те, кто придерживается взглядов, противоречащих партийным установкам, заключаются в тюрьму.

С точки зрения характеристики № 5, существенная разница не наблюдается: в Китае, как и в ЦВЕ, изменения не навязаны внешней военной интервенцией. Все имеющие место изменения произошли под воздействием внутренних сил.

Весьма существенное различие демонстрирует сравнение по характеристике № 6: темпы институциональных изменений в Китае были значительно более медленными, чем в ЦВЕ.

Наконец, рассмотрим трансформацию Западной Германии в период после Второй мировой войны. Начнем с характеристик № 1 и № 2. Во время правления нацистов капиталистическая экономическая система в своей основе продолжала функционировать, но политическая структура губительным образом свернула с основного направления. Что касается характеристики № 3, то не было нужды в полной трансформации, требовались лишь частичные изменения. Наиболее важные различия можно видеть в характеристиках № 4 и № 5. Очевидно, что эта трансформация не могла быть свободной от насилия. Прежде всего, для уничтожения власти нацистов потребовалась война с огромными жертвами. За ней последовало наказание лиц, совершивших военные преступления и преступления против человечности. Союзные державы сохраняли оккупационный режим в течение длительного времени. Создание базовых демократических институтов предписано положениями мирного договора и проведено в жизнь благодаря присутствию союзных войск. Это послужило отправным моментом реформ, осуществленных внутренними силами. Что касается характеристики № 6, то по историческим меркам темпы демократизации были очень высокими.

Завершая сравнения, вернемся к теме, с которой начали – к многовековому процессу, приведшему к изначальному формированию капиталистической экономической системы и демократии. В сущности, ряд характеристик этих основных трансформаций корреспондируют с некоторыми характеристиками текущей («малой» в сравнении с первыми) трансформации в регионе ЦВЕ. Характеристики № 1 и № 2 аналогичны по определению, поскольку само «основное направление» вытекает из основных исторических трансформаций. По характеристике № 3, взяв всю совокупность изменений, мы убедимся, что экономическая и политическая трансформация затронула все сферы общественно-го бытия. Однако, если мы рассмотрим эти явления с позиций не вековых, а значительно более коротких периодов времени, мы не сможем констатировать

тесный параллелизм изменений, характерный для региона ЦВЕ в последние 10–15 лет. События, меняя свою последовательность в различных странах и свою продолжительность по времени, ускорялись то в политической сфере, то в религиозно-интеллектуально-идеологической сфере, то в экономике. В отношении характеристик № 4 и № 5 отметим общемировые различия по странам и периодам в зависимости от того, насколько мирными и ненасильственными были изменения и ускорялись ли они кровавым восстанием, революцией, войной, иностранным завоеванием. Представители некоторых исторических школ утверждают, что Новое время началось с открытия (означающего покорение) Америки, другие датируют его Французской революцией 1789 г., превратившейся в царство террора.

Разумеется, наиболее значительные расхождения имеют место относительно характеристики № 6, касающейся темпов изменений. Понадобились века, чтобы капитализм превратился в господствующую экономическую систему в масштабах той или иной страны. Длившийся веками процесс предшествовал становлению парламентской демократии. Напротив, сейчас в регионе ЦВЕ все это совершилось с невероятной скоростью.

С точки зрения масштабных исторических процессов трансформация в регионе ЦВЕ действительно была чрезвычайно быстрой. Однако стоит напомнить, что некоторые политики и экономисты требовали еще более быстрых изменений. Страны призывались к соревнованию друг с другом. Шансы взвешивались как в состязаниях в беге: кто раньше закончит приватизацию? Пересекут ли чехи, венгры или поляки финишную черту к концу шестого или девятого года? Если мы проанализируем эти явления в исторической перспективе, мы увидим неестественный характер подобных соревнований.

Часть населения также смотрела на эту гонку с подозрением. В рамках международного исследовательского проекта по изучению индивидуальных иерархий ценностей гражданам ряда стран ЦВЕ задавался вопрос: что они предпочитают – радикальное преобразование общества путем крупных революционных акций или постепенное совершенствование общества путем реформ. Второй вариант выбрали 75% чехов, 82 – словенцев и 67% литовцев (см.: Halman, 2001. – Р. 170.)

2.5. Факторы ускорения трансформационного процесса

Сравнительный анализ всех шести характеристик заслуживает отдельного изучения. Я остановлюсь лишь на одной из них – шестой характеристике. Констатировав чрезвычайно высокие темпы последовательной трансформации прошедших 10–15 лет, зададимся вопросом: что сделало такие темпы возможными?

1. В первом приближении мы могли бы предложить простой ответ: делать что-либо во второй раз легче, чем создавать впервые. Можно привести хорошо известные примеры экономического роста. Восстановление разрушенных хозяйств всегда было более быстрым процессом, чем первоначальное строительство.

Однако аргумент «реставрации» справедлив лишь частично.

Начнем со знаний и опыта. Даже те, кто в молодости успел приобрести некоторый опыт в политике или экономике до прихода к власти коммунистов, в момент начала трансформации приблизились к пенсионному возрасту. Большинство из людей активно трудившихся в досоциалистическую эпоху, уже умерли или ушли на пенсию. Знания такого рода не передаются генетически; совсем немного семей, в которых старшее поколение, располагавшее знаниями в области экономики, бизнеса или политики досоциалистического периода, могло бы передать их своим потомкам. Никто не думал о «реставрации» старых знаний, речь шла скорее о приобретении новых.

Можно, однако, найти и много контрпримеров. В социалистическую эпоху были семьи, сохранившие старые ценности и передавшие их молодым поколениям. Есть примеры внуков, так или иначе продолживших дело своих дедов. Социалистическая система разрушила политические, экономические и общественные институты предшествующей эпохи, и они не могли возродиться моментально. Тем не менее можно привести и такие примеры.

Итак, можно отметить следующее: хотя трансформация ускорила благодаря тому, что во многих случаях имелась возможность вернуться к прежним традициям, институтам, образу действий и использовать их для старта, этот фактор отнюдь не был решающим.

2. Значительная часть людей проявляют естественный интерес к своему делу, демонстрируют предпринимательский характер. Множество ограничений, действовавших в средневековом обществе, сдерживали распространение таких спонтанных устремлений, и эти барьеры устранялись медленно и постепенно. Ослабление и ликвидация ограничений феодального строя, развитие частной собственности и рыночной координации – взаимосвязанные процессы. Социалистическая экономическая система содержала еще больше нарушающих равновесие ограничений, чем ее предшественники: она практически подавила склонность к инициативе и предпринимательству. В период постсоциалистической трансформации бюрократические запреты, установленные социалистическим централизованным управлением экономикой, не демонтировались медленно и постепенно, а ломались с головокружительной быстротой. По этой причине дух спонтанного предпринимательства, эта уникальная движущая сила капитализма, буквально ворвался на экономическую сцену.

3. Трансформация не испытала сильного сопротивления. В прежние века, когда капитализм и парламентская демократия формировались медленно и по-

степенно, существовали различные слои, группы и классы общества, боровшиеся против них. Новый строй побеждал в борьбе против тех, кто пользовался привилегиями старого строя. После побед нового строя поборники старого вели против него политическую, идеологическую, а в некоторых случаях вооруженную борьбу.

На этот раз было иначе. Через шесть лет после начатых Горбачёвым реформ, ко времени падения Берлинской стены, коммунистические лидеры стран ЦВЕ уже сложили оружие. Не было движений, призывавших к борьбе против нового строя, его оппоненты не прибегали к оружию, не было никаких партизан или террористов. Большинство членов бывшей «старой гвардии» уже утратили иллюзии своих прежних идей. Более находчивые перешли на другую сторону, стремились стать бизнесменами (и многие успешно) и даже активными игроками на демократической политической сцене. Прочие устало ретировались.

4. Наиболее существенное объяснение быстроты трансформации может быть найдено во влиянии внешнего мира, окружающего страны ЦВЕ. Выражение «внешний мир» употреблено здесь в его самом широком смысле и означает различные внешние воздействия и условия.

Одно из воздействий состояло в освоении заграничных примеров. Практически не было такой области социальной активности, в которой не заимствовались бы иностранные образцы – от форм корпоративного управления и банковской системы до политических институтов, от информационных программ до рекламы, от организации образования до финансирования науки и культуры.

Эти образцы проникали в страны ЦВЕ с помощью многочисленных каналов. Люди знакомились с ними во время заграничных поездок, в том числе и до 1990 г., но гораздо больше после произошедших перемен. Они читали об иностранном опыте, смотрели фильмы, обучались этому опыту в школах, университетах, на специальных семинарах, его рекомендовали иностранные консультанты.

Я не утверждаю, что заимствование иностранных моделей является легким делом. Совсем недостаточно просто наблюдать, как работает Британский парламент или банк в Цюрихе, и ожидать, что все будет происходить таким же образом в парламенте Венгрии или Эстонии, в чешском или польском банке. Изучить модель более или менее легко, но гораздо труднее научиться пользоваться ею, адаптировать ее к местным условиям. Если бы обучение не было сложным и противоречивым процессом, реализация основных целей трансформации не заняла бы 15 лет, и мы не испытывали бы потребности в значительных дополнительных усилиях, чтобы научиться применять эту модель более эффективно.

Чрезвычайно мощное воздействие оказали также иностранные инвесторы. Они внесли не только капитал и технические ноу-хау, но и знания о том, как

управлять компанией, какая правовая система и какие поведенческие нормы необходимы для функционирования капиталистической экономики.

Восемь рассматриваемых стран присоединились к важным международным организациям, находящимся под западным руководством – таким как НАТО, ОЭСР, ВТО, стали поддерживать более активные связи со Всемирным банком и МВФ. Серия таких присоединений достигла кульминации во вступлении в Европейский союз. То, что на языке Брюсселя обозначается как процесс «гармонизации», затрагивает не только сферу законодательства. Страны ЦВЕ стремятся ассимилировать западные образцы во всех сферах. Это заимствование было вызвано и направлялось главным образом внутренними силами. Однако нет смысла отрицать, что замечен также определенный уровень внешнего политического давления. Характеристика № 5 верна в том, что не было иностранной военной оккупации. Ни какое-либо иностранное государство, ни даже великие державы не манипулировали небольшими странами ЦВЕ. Однако практика увязывания действительно имела место. Ее начали базирующиеся в Вашингтоне международные финансовые организации, и постепенно продолжил Европейский союз. В соответствии с этой практикой предоставление займов и грантов, развитие отношений, гарантирование различных дополнительных прав во все большей мере связывались с выполнением определенных предварительных условий. Верно, что формулировка этих условий, как правило, отвечала долгосрочным интересам соответствующих стран. Тем не менее многие изменения были навязаны этим странам с помощью внешнего давления или, по меньшей мере, это давление ускоряло реализацию изменений.

Географическая близость западного мира не могла не способствовать интенсивности внешнего давления. Самые быстрые из недавних значительных изменений произошли именно в тех странах, которые непосредственно граничат с развитыми европейскими странами.

5. Важным фактором ускорения процесса послужила доступность современной технологии. В этом отношении нельзя указать на какую-либо специфическую ситуацию, характерную для региона ЦВЕ. Высокие темпы европейской трансформации отчасти объясняются тем обстоятельством, что в наши дни *все* меняется быстрее. Сравним, например, темпы передвижения и коммуникации в конце Средних веков и в начале нового времени с возможностями, доступными нам сегодня. Компьютеры, Интернет, электронная почта, мобильные телефоны и многое другое экспоненциально ускоряют получение внешней информации теми, кто хочет воспользоваться ею. Новая технология ускоряет публикацию и распространение новых нормативных и регулирующих положений.

Темпы развития региона были существенно ускорены, несмотря на его огромное отставание в распространении высокой технологии до трансформации. Насыщенность компьютерами и пользование Интернетом здесь все еще нахо-

дятся на относительно низком уровне¹³. Однако не подлежит сомнению, что информация поступает к лицам, принимающим решения и формирующим общественное мнение, достаточно оперативно и средства информации способны быстро доставлять ее миллионам людей.

2.6. Первая оценка: Беспрецедентный успех

Я убежден, что то, что произошло в ЦВЕ за прошедшие полтора десятилетия, является успехом, не имеющим параллели в истории. Я так считаю, несмотря на то, что полностью осознаю связанные с ним бедствия и разочарования, которые намерен рассмотреть во второй части статьи. Итак, чтобы быть более точным, вот моя оценка: несмотря на серьезные проблемы и аномалии, произошедшее в этой части мира с точки зрения крупных исторических изменений является успехом.

Мое убеждение основано на конкретной системе ценностей. Те, кто строит свои суждения на иной системе ценностей, могут не согласиться.

В шкале ценностей на высокое место я ставлю демократию и права человека. Возможно, что для меня, как и для многих моих современников в странах ЦВЕ, причиной этого является то обстоятельство, что я пережил различные формы тирании с их полным лишением или унижительным ограничением гражданских прав и жестокой дискриминацией по различным критериям. Вот почему я никак не могу принять аргументы, сравнивающие результаты стран ЦВЕ с результатами, достигнутыми Китаем, поскольку эти аргументы тенденциозным и односторонним образом подчеркивают более высокие темпы китайского экономического роста. Действительно, темпы роста в регионе ЦВЕ значительно ниже, чем в Китае, хотя они вполне приемлемы и выше, чем в последнее десятилетие предшествующего режима. Я готов скорее примириться с более низкими темпами роста, если они неотделимы от заботы о демократии и правах человека, чем со стремительными скачками, продемонстрированными китайцами! Я признаю, что существуют и другие взгляды, что существует мнение о возможности отложить демократию на неопределенное время ради достижения быстрого экономического роста.

Демократические политические институты во многих случаях затрудняют концентрацию возможностей государства на решении задач ускорения роста или на энергичном завершении реформ, чреватом общественными возмущениями. С моей точки зрения эти недостатки значительно компенсируются преимуществами демократических прав и свобод. Для стран ЦВЕ интеграция с ЕС действует как фактор стабилизации и в политической сфере, и в экономике, чем способствует становлению демократии.

Я рассматриваю трансформацию в регионе ЦВЕ как успех, потому что она установила капиталистическую экономическую систему в исторически корот-

кий срок, снова придав нашим нациям курс развития, соответствующий основному направлению истории. Это не значит, что я «люблю» капитализм. Это не очень привлекательная система. Но я ценю те ее характеристики, которые являются условием реализации исповедуемых мною ценностей. В долгосрочном плане в регионе ЦВЕ также заявят о себе и экономические преимущества капитализма: устойчивые и более высокие, чем при социализме, темпы роста производства, производительности и потребления, технологические инновации, предпринимательский дух и, как следствие всего этого, рост благосостояния в обществе в целом. Кроме того, я рассматриваю экономический рост и приносимое им повышение уровня жизни в качестве важнейших ценностей. (Хотя и не с такой же категоричностью и односторонностью, как те, кто готов пожертвовать ради них демократией.) Помимо аргумента, связанного с ростом материальных благ, есть и другой аргумент, упомянутый выше: само существование капиталистической системы есть необходимое условие функционирования демократии. В этом состоят те выгоды, которые в соответствии с моей системой ценностей перевешивают недостатки капитализма. Я признаю также возможность существования иной системы ценностей для взвешивания относительных преимуществ и недостатков.

Наконец, я считаю трансформацию в регионе ЦВЕ успехом, потому что она совершилась мирным, ненасильственным путем. Мой собственный жизненный опыт сформировал эту точку зрения. Я пережил мировую войну, кровавые преследования, разные формы диктатуры, карательные кампании, казни и заключение в тюрьму друзей. Этого было достаточно! Для меня тот факт, что на этот раз не было кровопролития, что никто не был убит или арестован, свидетельствовал об исключительно благоприятном развитии событий. Я знаю, что есть и те, кто придерживается иного мнения об этих событиях. Они считают, что изменения могли произойти и раньше, если бы старый режим был свергнут быстрее даже с помощью силы оружия. Эти люди не удовлетворены тем, что не было наказания виновных, и считают, что справедливость не восторжествовала в должной мере.

Тот факт, что иностранное влияние сыграло важную роль как одна из движущих сил произошедших изменений, не меняет моего благоприятного мнения. Иностранное влияние в виде притока в страны ЦВЕ знаний, опыта, культуры и капитала позволило этим странам лучше интегрироваться в ЕС и в глобализированный мир. Я знаю, что некоторые люди раздражены этим обстоятельством, будучи озабочены сохранением национальных традиций. Они также могут быть возмущены тем, что все это, несомненно, приведет к ограничению национального суверенитета государств. Я признаю, что здесь мы сталкиваемся со сложной альтернативой.

Я попытался прямо и откровенно раскрыть систему ценностей, определяющую мое мнение. Я делаю это не ради его доказательства. Здесь нет места для

рациональной аргументации, чем мы, экономисты, постоянно пытаемся заниматься. За этими ценностями скрываются метарациональные идеи, убеждения и желания, и в этом смысле расхождения во взглядах между людьми с различным мировоззрением неизбежны. Даже если с точки зрения великих исторических событий мы пришли бы к согласию о том, что реально произошло в регионе ЦВЕ, мы не могли бы рассчитывать на достижение консенсуса в оценке результатов.

3. Трансформация с точки зрения повседневной жизни

3.1. Проблемы и тревоги

В переживаниях каждого человека, кто так или иначе участвовал или был заинтересованным свидетелем трансформации в странах ЦВЕ, смешались чувства успеха и неудачи. Я далек от того, чтобы заниматься низкопробной «пропагандой успехов». Перед нами не воображаемые трудности, и проблемы беспокоят не какую-то малую часть населения; мы имеем ряд весьма реальных и серьезных негативных явлений.

В начале новой эпохи реальные доходы большинства граждан стран ЦВЕ были значительно ниже среднего уровня стран – членов ЕС, и немалая доля населения существовала на уровне бедности. С тех пор, невзирая на все изменения, произошедшие в окружающем мире, реальные доходы значительной части населения не изменились, а многие из неимущих так и застряли на том же низком уровне жизни. В то же время количество людей, чей уровень жизни ощутимо ухудшился, вовсе не так незначительно. Мы не можем утверждать, что в каждом случае причиной ухудшения явились перемены в политической системе, но оно, несомненно, имело место в период после 1990 г. Это те люди, которые считают себя безусловными жертвами эпохи.

Разительные изменения произошли в области структуры распределения доходов и потребления. Хотя при социализме, как справедливо указывали его критики, действительно существовала система материальных привилегий, неравенство в распределении доходов и потребления в целом укладывалось в относительно узкие рамки. Как показывают табл. 5 и 6, прошедших с тех пор полутора десятилетий оказалось достаточно, чтобы заметно увеличилась степень неравенства. С одной стороны, бросается в глаза невиданный прежде уровень богатства, с другой – бедность, которая ранее была не столь заметна, а теперь глубже укоренилась и стала более явной. Это возмущает чувство социальной справедливости многих людей, которые ни в чем другом не пострадали от перестройки.

Перечисленные выше серьезные проблемы связаны с вопросами занятости. Социалистической экономике явная безработица была неведома; уровень занятости был очень высоким, каждый работник испытывал защищенность на своем рабочем месте. Разумеется, имело место обратное нарушение равновесия. Социалистическая экономика создавала хронические дефициты, в том числе хронический дефицит рабочей силы, по крайней мере, в более развитых и индустриализованных странах ЦВЕ. Как бы это ни влияло на эффективность производства, рабочие пользовались гарантией занятости. И вот этому пришел конец. Коэффициент занятости существенно снизился, появилась явная безработица. Ее уровень варьируется, в некоторых странах ЦВЕ он ниже среднего по Европе, в других выше. Безработица становится разрушительной, реальной травмой для общества (табл. 7 и 8).

Гарантия занятости исчезла в то время, когда сама жизнь стала менее безопасной во многих отношениях. В социалистическом обществе те, кто не участвовал в рискованной политической деятельности, находились в относительно прочных и предсказуемых условиях материального достатка. Теперь вдруг все пришло в движение, ничто не известно заранее. В прошлом предприятия существовали постоянно и вечно, сегодня они возникают и исчезают со дня на день. Раньше потребительские цены длительное время оставались постоянными, сейчас они находятся в постоянном изменении. Средний гражданин не в состоянии разобраться в процентных ставках или валютных курсах. Было невероятно трудно получить квартиру, но если вы ее получили, будь то во владение или в аренду, выселение вам практически не грозило. Сегодня вас могут выселить просто за неуплату. После демонтажа полицейского государства общественная безопасность стала более зыбкой (табл. 9). Под влиянием рыночных сил, конкуренции, гражданских прав и свобод все то, что укреплялось и ужесточалось деспотической властью и бюрократией, стало податливым, рискованным и непрочным.

Коррупция существовала и при старом режиме, главным образом в форме взаимной протекции на основе политических и личных связей. Были и случаи взяточничества, но не столь распространенные и, как правило, в целях «подмазки» на нижних уровнях «дефицитной» экономики. В основном коррумпированные действия оставались закулисными и невидимыми. Сегодня коррупция вездесуща, она присутствует в крупных и малых масштабах в несчетном числе сделок в сфере политики, экономики и культуры, в частном секторе, на высшем и низшем уровнях правительственной и общественной иерархии. Многие случаи коррумпированного поведения делаются достоянием общественности. Все недовольны, и многие – зачастую против собственного желания – вовлекаются в грязные дела. Практически невозможно оказаться всепричастным к сделкам, в которых какая-либо из сторон не совершала бы теневых операций, где гражда-

нин, клиент, продавец или покупатель не пытался бы дать взятку или не участвовал в той или иной незаконной схеме уклонения от налогов.

Люди, кроме того, расстроены беспорядком в политической сфере. Многие видят в многопартийной системе не условие для здоровой политической конкуренции, а источник разнузданной борьбы за власть, обмана, пустых обещаний и постоянных нападок оппозиции на любую власть. Значительная доля населения не испытывает достаточного доверия к своему парламенту. Как следует из табл. 10, в этом отношении разница между 15 старыми и восемью новыми странами – членами ЕС огромна. Политиков подозревают в коррупции в одних случаях из-за нарушения ими законов или, по меньшей мере, неписаного закона этики, в других – потому что они оказываются оклеветанными политическими соперниками.

Я отметил лишь некоторые из наиболее серьезных проблем. Я мог бы продолжить, но думаю, что и этого достаточно, чтобы показать, что речь идет не о мелких неудобствах, а о действительно огромных и острых проблемах.

3.2. Общественное мнение

Многочисленные обследования общественного мнения и настроений граждан стран ЦВЕ показали их неоднородность. На (очевидно) простой вопрос: «Довольны ли вы своей жизнью?» ответили утвердительно значительно больше респондентов в старых странах – членах ЕС, чем в восьми новых (табл. 11). Доля отрицательных ответов варьируется по странам (табл. 12). В среднем приблизительно каждый третий житель региона либо в значительной, либо в какой-то мере неудовлетворен своей жизнью¹⁴.

3.3. Когнитивные проблемы

Интенсивность человеческой реакции на неприятности или степень огорчения – это не только результат реальных трудностей, связанных с самой проблемой. Когда человек испытывает невзгоды или сопереживает попавшим в беду, многое зависит от того, как он воспринимает проблему и как ее решает. Попытаемся, имея в виду нашу тематику, рассмотреть некоторые из наиболее важных *когнитивных проблем*.

1. Прежде, чем что-нибудь произойдет, мы испытываем определенные надежды и ожидания. После того, как это произойдет, мы часто испытываем разочарование¹⁵. По мере того, как рассеивались иллюзии относительно социализма, ожидания становились более определенными, появилась надежда, что изменение системы решит все проблемы быстро и поголовно.

Справедливые надежды смешались с неправильными представлениями и ложными иллюзиями. Такие выражения, как «Запад», «рынок», «конкуренция»,

«демократия», породили мифические образы, обещавшие сплошной свет и никакой тени. Благоразумные слова звучали редко, особенно в устах заслуживающих доверие людей. (Когда сторонники старого режима бранили капитализм, все меньше и меньше людей прислушивались к ним.)

Первые большие надежды были остужены холодным душем в 1990-х годах с наступлением глубокого трансформационного спада. Едва люди успели прийти в себя, как возникли новые нереалистичные ожидания, на этот раз связанные со вступлением в ЕС. Они были спровоцированы различными заявлениями о «конвергенции» и обещаниями многосторонней помощи со стороны ЕС. Многие предвкушали явные и близкие выгоды с наивным нетерпением.

Проблемы велики, но они возрастают до еще больших размеров в результате разочарования.

2. В социальной психологии хорошо известно, что ощущения человека по тому или иному поводу зависят не только от реальных обстоятельств, но также и от того, *с кем он сравнивает себя*. В период ослабления социалистической системы люди, жившие на западной периферии советской империи, обнадеживали себя тем, что они, тем не менее, живут лучше, чем жители Советского Союза. В таких странах, как моя родина – Венгрия, где уже имелся некоторый опыт экспериментов с рыночными экономическими реформами, подобное самоободрение звучало достаточно достоверно. Когда же границы этих стран открылись, и особенно теперь, когда они стали членами ЕС, «точки отсчета» в целом изменились. Все стали сравнивать свои условия с Германией, Францией или Скандинавией. Естественно, что чем выше критерии для сравнения, тем больше неудовлетворенность собственной жизнью. Нетерпение понятно: теперь, когда мы уже члены ЕС, когда же мы догоним наших коллег по Союзу? Но оно ведет и к неосуществимым желаниям. Те, кто ориентируется на западные точки отсчета, вероятно, надолго останутся огорченными, нетерпеливыми и разочарованными.

3. Люди легко забывают; и индивидуальная, и коллективная память в высшей степени ненадежна. Десятилетия назад мы постоянно жаловались на отсутствие тех или иных потребительских товаров, нужно было много лет стоять в очереди на автомобиль, квартиру или телефонную линию. Сегодня кажется, что я, автор книги под названием «Экономика дефицита» (*Economics of Shortage*, 1980), останусь единственным человеком в Восточной Европе, который еще помнит дефицитную экономику и искренне рад ее окончанию. Хронические дефициты сменились обильным предложением. Сегодня люди жалуются на то, что мы завалены невероятным количеством продуктов, на запретительно высокие цены, на мучения «общества потребления».

Из-за плохой памяти умаляется значение фундаментально важных достижений, материальных и нематериальных выгод (таких как свобода слова, объединений, передвижений, свободное состязание идей, право на протест и т.д.),

несмотря на то, что они четко различимы в повседневной жизни людей. Относительно больший вес придается текущим проблемам.

В обследовании, проводившемся в 2004 г., респондентов просили отметить на шкале (от -100 до +100) их оценку действующего правительства в сравнении с правительством, находившимся у власти до смены политической системы (см. табл. 13 и ее интерпретацию в работе: Rose, 2005). Хотя действующие правительства получили более высокие оценки, обращает на себя внимание то обстоятельство, что рейтинги, выставленные предшествующей системе, отстали ненамного. Как ни абсурдно, но все это напоминает чувство ностальгии. Оказалось, что многие из тех, кто в коммунистическую эру ворчал и надеялся на перемены, думают, что, в конце концов, старый режим был не так уж плох.

Кроме того, я хотел бы отметить также ошибки в анализе причин.

3.4. Анализ причин

Проблемы и сложности, испытываемые людьми в странах ЦВЕ, имеют множество причин. Я подчеркну лишь некоторые из них.

Регион отстает от Запада по уровню развития. Это не новое явление, так было в течение столетий. Как видно из табл. 14, за период социализма этот разрыв еще больше увеличился. Существуют неплохие шансы на постепенную ликвидацию этого отставания, но в высшей степени маловероятно, что в социально-экономико-политической сфере произойдет что-либо, способное заполнить разрыв (скорее, пропасть!) в ближайшем будущем (табл. 15). Тот факт, что регион находится на среднем уровне развития, значительно позади передовиков, отчасти (но не исключительно) объясняет многие негативные явления, в том числе бедность, технологическое отставание, ограниченность ресурсов, необходимых для здравоохранения, образования и науки.

Частично проблема объясняется также состоянием переходного периода. Необходима реорганизация структуры производства, поскольку старые виды производства прекратили свое существование, а новые еще не заняли свое место. В процессе институциональных преобразований возникли такие явления, как новый вакуум, новые лазейки, отсутствие регулирования. Во многих местах старая гвардия была устранена, а новый менеджмент все еще не имеет опыта. Переходный характер этих трудностей не может успокоить, так как тяжело пребывать в ожидании, пока они будут преодолены.

Ряд проблем проистекает из самого характера капиталистической системы, которая, как и всякая другая система, имеет врожденные, специфические для нее отрицательные черты. Там, где капитализм, всегда будут безработица, неравенство в доходах, экономические победители и проигравшие, оглушающая реклама и т.д. Компетентная, дальновидная и последовательная политика прави-

тельства способна смягчить некоторые генетические дефекты, но не ликвидировать их. Серьезные и уравновешенные приверженцы капиталистической системы признают эти проблемы, поскольку считают, что весь набор в целом, несмотря на недостатки, более привлекателен, чем социалистическая система.

То же самое можно сказать о демократии. Множество граждан стран ЦВЕ, освобождающихся от чар демократии, подобны разочаровавшимся любовникам. Они раздражены зачастую бесплодными разглагольствованиями в парламенте, взаимными обвинениями политических партий, лживыми обещаниями и скандальными подковерными аферами. Но это не аномалии, характерные для молодых демократий! Те же явления можно часто наблюдать и в зрелых демократиях с длительной историей. Значение знаменитого афоризма Черчилля не ослабнет, несмотря на то, что он цитировался уже миллионы раз. Демократия со всеми ее недостатками по-прежнему является лучшей системой, чем любая форма тирании, независимо от того, насколько мудрым, просвещенным или честным может быть диктатор. К сожалению, в странах ЦВЕ так не думает отнюдь не ничтожная часть населения, и это вызывает беспокойство (табл. 16).

Ошибочные политические решения, принимаемые правительством, правящей партией или оппозицией, лидерами общественных групп, могут как создавать новые, так и обострять уже существующие трудности, вызванные внешними обстоятельствами. Один лишь пример. Нет сомнения, что капитализм порождает неравенство. Но налоговая политика, благоприятствующая богатым и ущемляющая бедных, или неудачное распределение государственных субсидий могут лишь еще больше ухудшить дело.

Я указал на пять причин существующих в настоящее время проблем (средний уровень развития; проблемы, вызванные переходным периодом; системные проблемы, характерные для капитализма; проблемы демократии; ошибочные решения, принимаемые политиками). Разумеется, есть и другие. Один из источников чувства общего социального недоумения состоит в путанице относительно всех этих причин в головах людей. Когда речь идет о явлении, вызываемом многими причинами, их объективное и четкое определение и классификация являются сложной задачей даже для профессиональных аналитиков. Неудивительно, что ошибки совершают люди, не являющиеся специалистами.

3.5. Еще раз о ценностных суждениях

Я старался избегать поспешных выводов. Поэтому снова повторяю, что, как уже подчеркивалось ранее, общественное мнение разделено, и спектр позиций широк: от удовлетворенности с небольшими оговорками до неудовлетворенности и жалоб вплоть до бурного возмущения. Позвольте мне сделать некоторые замечания относительно тех настроений, которые ближе к негативным оценкам.

У тех, кто занимает негативные позиции, мы, к сожалению, видим смесь полуправды и полулжи в оценке фактов, сочетание наполовину обоснованного и наполовину ошибочного анализа причин, а также систему ценностей, ставящую на первое место качество повседневного быта. Такой подход не учитывает долговременную историческую перспективу. Тех, кто придерживается подобных позиций, не интересуют результаты, которые принесут капиталистическая экономическая система и демократический политический режим в отдаленном будущем. У них есть проблемы *сегодня*, они страдают от этих проблем и им больно видеть, как страдают другие, и по этой причине их оценка произошедших изменений ближе к отрицательной, чем к положительной.

Ни у кого нет права игнорировать негативные оценки разочарованных людей. Ни у кого нет права обвинять их в недальновидности или в неспособности видеть масштабные исторические взаимосвязи. У каждого человека только одна жизнь. Того, кто, скажем, в 50 или 60 лет беден, а может быть еще и без работы, не удовлетворит обещание, что будущие поколения будут жить лучше, ведь у него нет шанса воспользоваться этим. Даже молодое поколение трудно убедить набраться терпения, ведь будущее, как бы оно ни было прекрасно, не восполнит мгновения, потерянные сегодня.

Должен ли я по этой причине взять назад заявление, сделанное в первой части статьи, о том, что великая трансформация в регионе ЦВЕ может быть принципиально оценена как беспримерный успех? Нет, я не хочу отказываться от него. Я не считаю возможным или допустимым составлять нечто вроде баланса успехов (с положительным знаком) и неудач (с отрицательным знаком) ради выведения общего итога.

Я веду два счета, а не один, и не смешиваю их. На одном я с радостью отмечаю большой успех в масштабе всемирной истории: создана система, превосходящая предшествующую, без кровопролития и в невероятно короткие сроки. На другом я веду перечень положительного и отрицательного опыта повседневной жизни, многих радостей и многих страданий. Считаю целесообразным и оправданным сделать вывод о том, что рассматриваемые события могут быть одновременно оценены как успех с точки зрения их глобального исторического значения и как неудача во многих важных аспектах, породивших страдания, горечь и разочарование многих людей.

4. О задачах экономической науки

Я не стал бы осуждать человека с улицы за неумение безукоризненно анализировать свой опыт и делать правильные выводы применительно к рассматриваемым проблемам. Но я не был бы столь же терпим к нам самим, занимающимся исследованиями в области экономики. Я отношу это не только

к тем, кто живет в странах ЦВЕ, но ко всем в мире, кто интересуется данным регионом или сходными проблемами.

Возможно, мы зашли слишком далеко в согласии с известным высказыванием Кейнса, из которого следует, что всем нам предстоит умереть в долгосрочной перспективе. Тот вид реального долгосрочного анализа, который я стремился провести в первой части статьи, отнюдь не стандартен. В наши дни многие аспирантские программы для экономистов даже не предполагают изучение истории. Одна из причин чрезмерно негативного отношения к великой трансформации, распространенного в общественном мнении стран ЦВЕ, заключается в том, что ученые, представители общественных наук, не смогли проанализировать ее результаты и дать им оценку с позиций необходимого в данном случае исторического подхода.

Различные общественные науки отделены не только от исторической науки, но и друг от друга. При подготовке данной работы я столкнулся с печальным явлением, практически не обнаружив в литературе по политологии, посвященной переходу от диктатуры к демократии, никаких ссылок на экономические исследования. В то же время экономисты буквально игнорируют работы по политологии. Без междисциплинарного подхода невозможно понять и оценить великие трансформации.

Экономическая теория мейнстрима отказывается от глубокой критики капиталистической экономики, оставляя ее представителям радикальных взглядов. Даже когда она признает наличие проблем, она успокаивает себя верой в то, что эти проблемы могут быть разрешены путем применения соответствующих мер. Она отрицает тот факт, что система может иметь врожденные, непреодолимые генетические дефекты.

В нашей профессии тщательное и добросовестное отделение установления фактов от их оценки — довольно редкое явление. Нет привычки откровенно указывать на систему ценностей, лежащую в основе заявлений экономиста. Мы считаем самоочевидным, что все разделяют безусловные ценности, являющиеся аксиомами для нашей профессии: эффективность, производительность, конкурентоспособность, рост, возможно также принцип справедливого распределения доходов; однако лишь немногие идут дальше и обращают внимание на другие ценности.

Есть ученые-экономисты, которые имеют счастливую возможность обращаться к широкой аудитории или читающей публике. Даже те, кто не стремится к этому, оказывают косвенное влияние. К ним обращено внимание политиков, государственных деятелей, бизнесменов, журналистов и аналитиков, формирующих общественное мнение. Мы можем не только сделать более успешными великие преобразования с помощью верных рекомендаций по экономической политике, но и внести вклад в более обоснованное и сбалансированное освоение опыта, а также помочь людям вынести правильную оценку переменам.

Великая трансформация в странах ЦВЕ закончена. Я не раз слышал по этому поводу иронический комментарий от моих коллег: «Раз так, то довольно и вашей таинственной науки “транзитологии”». Я так не считаю. Как будет продолжаться трансформация Китая и Вьетнама? Что будет происходить на Кубе? Каковы перспективы трансформации в Ираке под иностранной военной оккупацией? Как может быть преобразован Иран? Какая трансформация ожидает исламские страны?

Каждая трансформация особенна. Тем не менее есть общие элементы. Сравнение даст нам лишь лучшее понимание специфических черт каждой страны. «Транзитология» не только не закончена, необходимый ей всесторонний подход даже еще не начинался. Я надеюсь, что данная статья послужит стимулом к углубленному изучению всей накопленной по этой проблематике информации.

Примечания

1. Ряд документов был составлен по поручению Европейского союза в порядке анализа состояния кандидатов на вступление. Так, например, непосредственно перед принятием этих стран в ЕС был опубликован доклад «*Comprehensive Monitoring Report*» (European Commission, 2004). Хороший анализ этой проблематики содержится в ежегодных «*Transition Reports*» Европейского банка реконструкции и развития (см., например: EBRD, 2002). Стоит также упомянуть некоторые недавние работы представителей научных кругов, которые часто цитируются экспертами: Campos and Coricelli (2002), Csaba (2005), Kolodko (2000), Kornai (2000), Roland (2000), Stiglitz (1999), Svejnar (2002).

2. В задачу моего исследования не входит предлагать какие-либо определения термина «западная цивилизация» или перечислять ее характеристики и очерчивать границы. Я использую этот термин лишь условно и оставляю открытым вопрос о точной привязке к пространству «западной цивилизации» тех рассматриваемых тенденций, которые уже появились или появятся в будущем.

Исторические рамки капиталистической экономики подчеркиваются, прежде всего, в работах различных марксистских и неомарксистских школ (см., например: Brenner, 1976, а также литературу, посвященную обсуждению этой работы). Другие направления исторической науки, например представители французской школы «Анналов», также признают важность этой тенденции. Я опираюсь в основном на работы Фернана Броделя (Fernand Braudel, 1972–1973, 1992) и Иммануила Валлерстайна (Immanuel Wallerstein, 1974, 1979), который объединил идеи Броделя с выводами неомарксистских школ.

3. В некоторых моих работах, например, в «Социалистической системе» (*The Socialist System*, 1992), я попытался дать более сжатое определение. Здесь я довольствуюсь менее строгим определением «капитализма», достаточным, чтобы охватить различные характеристики и избежать концептуальных споров.

4. Вот примеры работ, рассматривавших проблему периодизации, особенно начала и конца Средневековья: Marc Bloch (1989), Jacques Le Goff (1982), Henri Pirenne (1937), Peter Raeds (2001).

Я благодарен Габору Кланичаи за его помощь в знакомстве с трудами историков по этой проблеме; его статья (Gábor Klaniczay, 2001) содержит глубокий анализ литературы, посвященной переходу от Средневековья к Новому времени.

Известный британский историк Питер Бэрк (Peter Burke, 1990) отмечал: «Никто не может точно сказать, когда начался период новой истории...» Возможно, что мы, современные экономисты и представители других общественных наук, слишком близки к рассматриваемым событиям, и по этой причине можем легко согласиться только с одним утверждением: падение Берлинской стены означало начало нового периода для этого региона. Возможно также, что в этих событиях отражается большая степень единообразия и синхронизации по сравнению с более ранними периодами истории.

5. Западная Германия и Люксембург не представлены из-за отсутствия данных.

6. Из этой богатой литературы я бы хотел выделить следующие работы: Haggard and Kaufman (2005), Huntington (1991), O'Donnel, Schmitter, and Whitehead (1988), Przeworski (1991).

7. См., например: Offe (1996), McFaul (2002).

8. Этот критерий, введенный Й. Шумпетером (Schumpeter, 1942), поставил процедуру приобретения и лишения власти на первый план, в сердцевину политической философии. Следуя концепции Шумпетера, я в своем исследовании (1998) смены пост-социалистических режимов выдвинул в качестве легко применимого теста смену правительства в результате парламентских выборов. Сьюзен Роуз-Аккерман в своей книге (Susan Rose-Ackerman, 2005) весьма удачно определила такой процедурный подход как «минималистскую» трактовку демократии. По этому вопросу см. также: Dahl (1971), Schmitter and Karl (1991).

9. По поводу связи демократии и капитализма имеется ряд резко противоречивых взглядов. С моей точки зрения, наиболее убедительный аргумент состоит в том, что капитализм является необходимым, но не достаточным условием демократии. Среди классических исследователей данного вопроса Ф. Хайек (Hayek, 1944) соглашался с этим тезисом, тогда как Й. Шумпетер (Schumpeter, 1942) считал, что демократия способна развиваться без капитализма. См. об этом также: Rueschemeyer, Stephens and Stephens (1992); Usher (1981).

10. Я хочу еще раз повторить, что мои идеи об основных направлениях относятся только к «западной цивилизации». Я не намерен механически применять эту концепцию к другим цивилизациям. Такой сравнительный анализ выходит за рамки данного исследования.

11. Это название наиболее известной работы Поланьи – *The Great Transformation* (Polányi, 1962).

12. В отношении характеристики № 5: в СССР революционные преобразования не были связаны с указаниями иностранных оккупантов, но диктовались внутренней струк-

турой политической власти. Иной была ситуация в Восточной Европе, где высшей инстанцией оказывалась воля советского политического руководства. Никто не мог ослушаться его приказов в присутствии советских оккупационных войск.

13. Широко используемые телевидение и сотовые телефоны являются исключением.

14. Данные табл. 12 и 13 взяты из различных источников и отражают результаты различных обследований. Следует отметить, что несмотря на расхождения в подходах, характерные различия между регионами вполне совпадают.

15. Альберт Хиршман (Albert O. Hirschman, 1982) указывал, что разочарование присуще состоянию человека. Он ссылается на Канта, который отмечал: «даже если бы вы предоставили человеку все, чего он пожелает, он, тем не менее, в тот же момент почувствует, что это *все* не есть *все*». Состояние постоянной неудовлетворенности и разочарования особенно присуще людям западной цивилизации. В нашем случае это общее чувство было обострено крушением конкретных ожиданий, связанных с отказом от социализма.

16. В списке не представлены публикации, использованные лишь как источники статистических данных в табл. и не являющиеся статьей или книгой.

Таблица 1

ТЕМПЫ РОСТА ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ И КАПИТАЛИЗМЕ

Страна	ВВП на душу населения (в долл. 1990 г., 1950 = 100)			Средние темпы роста ВВП на душу населения (%)			
	1950	1989	1990	1950-е гг.	1960-е гг.	1970-е гг.	1980-е гг.
Чехословакия	3501	8768	250	3,9	2,9	2,1	1,2
СССР	2841	7098	250	3,4	3,6	2,2	0,9
Польша	2447	5684	232	2,4	3,2	3,4	-0,4
Венгрия	2480	6903	278	4,0	3,8	2,1	1,0
4 страны социализма	2819	7013	239	3,3	3,5	2,3	0,8
Австрия	3706	16 369	442	6,3	4,2	3,9	2,0
Бельгия	5462	16 744	307	2,4	4,2	3,3	1,9
Дания	6943	18 261	263	2,9	3,8	2,0	1,8
Финляндия	4253	16 946	398	3,3	4,4	3,3	3,2
Франция	5271	17 730	336	3,7	4,6	3,0	1,7
Греция	1915	10 086	527	5,0	6,6	4,4	1,3
Ирландия	3453	10 880	315	1,7	4,2	3,2	2,7
Италия	3502	15 969	456	5,6	5,4	2,9	2,3
Нидерланды	5996	16 695	278	2,8	4,0	2,5	1,3

Продолжение табл. 1

Страна	ВВП на душу населения (в долл. 1990 г., 1950 = 100)			Средние темпы роста ВВП на душу населения (%)			
	1950	1989	1990	1950-е гг.	1960-е гг.	1970-е гг.	1980-е гг.
Португалия	2 086	10 372	497	3,1	6,0	4,5	3,0
Испания	2 189	11 582	529	3,5	7,1	4,2	2,5
Швеция	6 739	17 593	261	2,5	3,8	2,0	1,8
Великобритания	6 939	16 414	237	1,7	2,5	2,2	2,2
13 стран ЕС	4 688	15 519	337	3,2	4,3	2,9	2,1

Примечание: Данные по Люксембургу отсутствуют. Данные по Германии не включены, поскольку имеются только в границах 1991 г. (после объединения). По Польше отсутствуют данные за 1949 г.; поэтому вместо них приведены средние темпы в период 1951–1959 гг.

Источник: База данных ОЭСР; Maddison (2003).

Таблица 2

**РОСТ ДО И ПОСЛЕ 1989 Г. И ПОСЛЕ
ТРАНСФОРМАЦИОННОГО СПАДА**

Страна	Индекс ВВП/ЧПМП (1989 = 100)			Среднегодовые темпы роста (%)		
	1980	1990	1995	2003	1980–1989	1995–2003
Чешская Республика	85	99	94	106	1,8	1,5
Эстония	75	92	66	101	3,2	5,5
Венгрия	86	97	86	116	1,7	3,8
Латвия	69	103	51	79	4,2	5,6
Литва	65	97	56	81	4,9	4,7
Польша	91	88	99	135	1,1	4,0
Словакия	85	98	84	117	1,8	4,2
Словения	99	92	89	120	0,1	3,8
8 стран ЦВЕ	86	94	91	121	1,7	3,6
15 стран ЕС	–	103	111	132	–	2,2

Примечание: Темпы роста восьми стран ЦВЕ до 1990 г. рассчитаны по показателю чистой продукции материального производства (ЧПМП), использовавшегося в системе учета социалистических стран. В цифрах по Чехии и Словакии за 1980 г. использованы данные по Чехословакии.

Источники: UN Economic Commission for Europe (UN ECE) *Economic Survey of Europe* 2001, N 1, p. 254; UN ECE *Economic Survey of Europe* 1999, N 1, Table A.1.; UN ECE *Economic Survey of Europe* 2005, N 1, p. 117.

Таблица 3

СРЕДНЕГОДОВЫЕ ТЕМПЫ РОСТА В 1995-2003 ГГ.

Страна	ВВП на душу населения	Производительность труда	Потребление на душу населения
	(в %)		
Чешская Республика	2,2	2,6	3,0
Эстония	6,6	6,6	7,3
Венгрия	4,1	3,2	4,5
Латвия	7,3	8,2	7,6
Литва	6,3	6,6	7,1
Польша	4,2	4,8	4,5
Словакия	3,9	3,6	3,7
Словения	3,8	3,3	2,6
8 стран ЦВЕ	4,0	4,2	4,3
Австрия	2,0	1,7	1,3
Бельгия	1,9	1,3	1,7
Дания	1,7	1,5	1,0
Финляндия	3,4	2,3	3,0
Франция	1,8	1,2	1,8
Германия	1,2	0,9	1,0
Греция	3,6	2,5	2,7
Ирландия	6,0	3,6	4,2
Италия	1,3	0,3	1,7
Люксембург	3,9	3,4	2,6
Нидерланды	1,7	0,7	1,8
Португалия	1,8	0,2	2,1
Испания	2,8	-0,2	2,9
Швеция	2,4	2,0	2,1
Великобритания	2,5	1,7	3,2
15 стран ЕС	1,8	0,9	1,9

Источник: Economist Intelligence Unit – Country Data (www.eiu.com).

Таблица 4

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ

Страна	Выборы 1989–2004	«Электоральные перемены»	Годы произошедших перемен
Чешская Республика	5	3	1990, 1992, 1998
Эстония	5	4	1990, 1995, 1999, 2003
Венгрия	4	4	1990, 1994, 1998, 2002
Латвия	5	4	1990, 1995, 1998, 2002
Литва	5	4	1990, 1993, 1996, 2000
Польша	4	4	1991, 1993, 1997, 2001
Словакия	5	4	1990, 1992, 1994, 1998
Словения	5	3	1990, 1993, 2004
8 стран ЦВЕ	38	30	

Примечание: «Электоральные перемены» означают: 1) крупную реорганизацию правящей коалиции в результате выборов; 2) изменение в руководстве правительством; 3) изменения приоритетов политики. Подробное объяснение см. на веб-сайте Зденека Кудрны (ies.fsv.cuni.cz/~kudrna/MemoTable4.pdf).

Источник: Составлено на основе Economist Intelligence Unit – *Country reports* (www.eiu.com).

Таблица 5

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ДОХОДОВ (КОЭФФИЦИЕНТ ДЖИНИ)

Страна	До переходного периода 1987–1989	В середине переходного периода 1996–1997	После переходного периода 2001–2002	Изменение (до – после переходного периода) в %
Чешская Республика	19,8	23,9	23,4	18
Эстония	28,0	36,1	39,3	40
Венгрия	22,5	25,4	26,7	19
Латвия	26,0	32,6	35,8	38
Литва	26,3	30,9	35,7	36
Польша	27,5	33,4	35,3	28
Словакия	19,4	24,9	26,7	38
Словения	21,0	24,0	24,4	16
8 стран ЦВЕ	23,8	28,9	30,9	29
15 стран ЕС	26,9	27,8	28,6	7

Примечание: Коэффициент Джини – показатель, характеризующий неравенство в распределении доходов. В случае полного равенства (все получают одинаковые доходы) он равен «0», в случае абсолютного неравенства (все доходы концентрируются в одном домохозяйстве) он равен «100». Данные табл. получены на основании полученного интерполяцией распределения группированных данных различных обследований бюджетов домохозяйств за различные периоды времени. Они отражают распределение лиц в соответствии со средне-душевым доходом домохозяйств. При расчете средних величин по ЕС не учтены данные на некоторые даты по Бельгии (2), Испании (2) и Португалии (1).

Источники: UNICEF IRC TransMONEE 2004 Database; OECD Society at a Glance: OECD Social indicators 2005; World Bank World Development Indicators 2005.

Таблица 6

НЕРАВЕНСТВО В ПОТРЕБЛЕНИИ

Страна	Дата обследования	Доля доходов или потребления (%)				Богатейшие 10% к беднейшим 10%	Богатейшие 20% к беднейшим 20%
		Беднейшие 10%	Беднейшие 20%	Богатейшие 20%	Богатейшие 10%		
Чешская Республика	1996	4,3	10,3	35,9	22,4	5,2	3,5
Эстония	2000	1,9	6,1	44	28,5	14,9	7,2
Венгрия	1999	2,6	7,7	37,5	22,8	8,9	4,9
Латвия	1998	2,9	7,6	40,3	25,9	8,9	5,3
Литва	2000	3,2	7,9	40	24,9	7,9	5,1
Польша	1999	2,9	7,3	42,5	27,4	9,3	5,8
Словакия	1996	3,1	8,8	34,8	20,9	6,7	4
Словения	1998–1999	3,6	9,1	35,7	21,4	5,9	3,9
8 стран ЦВЕ	1996–2000	3,1	8,1	39,5	24,9	8,2	5,0
15 стран ЕС	1994–2000	2,7	7,4	40,2	25,1	9,6	5,6

Источник: UN Human Development Report 2004 database.

Таблица 7

ДИНАМИКА ОБЩЕЙ ЧИСЛЕННОСТИ ЗАНЯТОСТИ

Страна	(1989 = 100)							
	1990	1991	1992	1993	1996	1999	2002	2003
Чешская Республика	99,1	93,6	91,2	89,8	93,5	88,2	88,0	87,4
Эстония	98,6	96,3	90,9	83,5	74,0	69,2	70,0	71,0
Венгрия	96,7	86,7	78,1	73,1	69,8	72,9	74,1	75,1
Латвия	10,1	99,3	92,1	85,7	72,4	73,9	75,4	76,8
Литва	97,3	99,6	97,4	93,4	87,0	85,0	82,0	83,9
Польша	95,8	90,1	86,4	84,3	88,3	90,4	85,8	85,2
Словакия	98,2	85,9	86,9	84,6	85,5	82,3	82,1	83,6
Словения	96,1	88,6	83,7	81,3	78,7	80,1	82,8	82,1
8 стран ЦВЕ	96,9	90,9	87,0	84,2	85,5	85,8	83,5	83,4
15 стран ЕС	101,8	102,3	101,1	99,6	100,7	105,2	109,2	109,5

Источник: UN ECE *Economic Survey of Europe* 2005, N 1, p. 125.

Таблица 8

УРОВЕНЬ БЕЗРАБОТИЦЫ

Страна	(Доля рабочей силы в %)						
	1990	1992	1993	1996	1999	2002	2003
Чешская Республика	0,7	2,6	3,5	3,5	9,4	9,8	10,3
Эстония	–	1,6	5,0	5,6	6,7	6,8	6,1
Венгрия	1,7	12,3	12,1	10,5	9,6	8,0	8,4
Латвия	–	2,3	5,8	7,2	9,1	8,5	8,6
Литва	–	3,5	3,4	6,2	10,0	10,9	9,8
Польша	6,5	14,3	16,4	13,2	13,1	20,0	20,0
Словакия	1,6	10,4	14,4	12,8	19,2	17,4	15,6
Словения	–	13,3	15,5	14,4	13,0	11,3	11,0
8 стран ЦВЕ	4,4	10,6	12,4	10,6	12,1	15,4	15,3
15 стран ЕС	7,3	8,7	10,0	10,2	8,7	7,7	8,1

Примечание: Данные по Эстонии до 1999 г. отражают только ищущих работу.

Источники: UN ECE *Economic Survey of Europe* 2004, N 2, p. 85; 2005, N 1, p. 126.

Таблица 9

УРОВЕНЬ ПРЕСТУПНОСТИ

Страна	(1989 = 100)			
	1990	1994	1998	2002
Чешская Республика	180	309	355	313
Эстония	124	200	270	321
Венгрия	153	175	272	193
Латвия	117	146	137	190
Литва	118	189	260	247
Польша	161	163	192	253
Словакия	150	293	198	227
Словения	96	110	139	193
8 стран ЦВЕ	156	194	228	249

Примечание: Данные отражают только сообщенные и зарегистрированные преступления. Определения преступлений варьируют в зависимости от законодательства стран.

Источник: UNICEF IRC TransMONEE 2004 Database.

Таблица 10

ДОВЕРИЕ К ПАРЛАМЕНТУ И ДРУГИМ ИНСТИТУТАМ

Страна	Парламент	Исполнительная власть	Система образования
	(доля лиц, выразивших доверие, в %)		
Чешская Республика	12,2	21,8	54,6
Эстония	27,0	40,4	73,9
Венгрия	34,0	49,6	64,3
Латвия	27,5	49,2	73,7
Литва	10,6	20,6	66,6
Польша	32,8	32,6	81,2
Словакия	42,8	38,7	76,3
Словения	25,3	25,3	80,3
8 стран ЦВЕ	29,3	33,8	73,7
Австрия	40,7	42,4	86,2
Бельгия	39,1	46,1	77,9

Продолжение табл. 10

Страна	Парламент	Исполнительная власть	Система образования
	(доля лиц, выразивших доверие, в %)		
Дания	48,6	54,9	75,0
Финляндия	43,7	40,9	88,8
Франция	40,6	45,9	68,4
Германия	35,7	38,7	72,6
Греция	29,0	20,2	37,0
Ирландия	31,1	59,3	86,4
Италия	34,1	33,2	53,2
Люксембург	62,7	59,5	67,8
Нидерланды	55,3	37,5	73,1
Португалия	49,2	53,6	59,8
Испания	46,4	40,5	67,6
Швеция	51,1	48,8	67,8
Великобритания	35,5	45,9	66,3
15 стран ЕС	39,1	41,1	66,8

Примечание: Респонденты отвечали на вопрос: «Какое доверие вы испытываете к названным институтам: очень большое, большое, не очень большое или никакое?». Первые два ответа учитывались как проявление доверия.

Источник: Halman (2001, p. 187, 192).

Таблица 11

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ЖИЗНЬЮ

Страна	1990–1993	1995–1997	1999–2002
	(среднее значение по шкале от 1 до 10)		
Чешская Республика	6,37	–	7,06
Эстония	6,00	5,00	5,93
Венгрия	6,03	–	5,80
Латвия	5,70	4,90	5,27
Литва	6,01	4,99	5,20
Польша	6,64	6,42	6,20
Словакия	6,15	–	6,03
Словения	6,29	6,46	7,23

Продолжение табл. 11

Страна	1990–1993	1995–1997	1999–2002
	(среднее значение по шкале от 1 до 10)		
8 стран ЦВЕ	6,40	6,20	6,20
Австрия	6,51	–	8,03
Бельгия	7,60	7,93	7,43
Дания	8,16	–	8,24
Финляндия	7,68	7,78	7,87
Франция	6,78	–	7,01
Германия	7,22	7,22	7,42
Греция	–	–	6,67
Ирландия	7,88	–	8,20
Италия	7,30	–	7,17
Люксембург	–	–	7,81
Нидерланды	7,77	–	7,85
Португалия	7,07	–	7,04
Испания	7,15	6,61	7,03
Швеция	7,97	7,77	7,64
Великобритания	7,49	7,46	7,40
15 стран ЕС	7,26	7,24	7,30

Примечания: Респондентов просили отметить свой ответ на вопрос: «В какой мере вы удовлетворены всей своей жизнью с учетом всех обстоятельств?» на шкале от 1 (полностью неудовлетворен) до 10 (полностью удовлетворен). Типичный объем выборки составлял 1000 респондентов по каждой стране.

Источники: *World Values Survey* и *European Values Survey*; см. www.worldvaluessurvey.com; Sanfey and Teksoz (2005), p. 17.

Таблица 12

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ЖИЗНЬЮ: РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ

Страна	(доля ответов в %)			
	Совсем не удовлетворены	Не очень удовлетворены	Довольно удовлетворены	Очень удовлетворены
Чешская Республика	5	26	57	10
Эстония	11	35	47	6
Венгрия	11	34	45	9

Продолжение табл. 12

Страна	(доля ответов в %)			
	Совсем не удовлетворены	Не очень удовлетворены	Довольно удовлетворены	Очень удовлетворены
Латвия	8	35	49	6
Литва	10	32	51	5
Польша	9	28	50	11
Словакия	13	33	48	6
Словения	2	12	65	20
8 стран ЦВЕ	9	29	50	10
15 стран ЕС	4	17	60	19

Примечание: Респондентам задавался следующий вопрос: «Насколько вы удовлетворены вашей жизнью в целом?».

Источник: Eurobarometer *Public Opinion in the Candidate Countries* survey conducted in October-November 2003; см. вебсайт <europe.eu.int./comm/public_opinion>.

Таблица 13

ОТНОШЕНИЕ К РЕЖИМУ: СТАРОМУ, НОВОМУ И БУДУЩЕМУ

Страна	Старый режим	Действующий	Через пять лет
	(% положительных ответов)		
Чешская Республика	32	69	82
Эстония	55	75	79
Венгрия	58	64	81
Латвия	50	51	71
Литва	59	70	84
Польша	51	51	67
Словакия	51	51	65
Словения	68	69	74
8 стран ЦВЕ	50	57	72

Примечание: Респондентам задавался вопрос: «Вот шкала рейтинга от +100 (наилучшая оценка) до -100 (наихудшая оценка). Оцените по этой шкале: бывший коммунистический режим; нашу сегодняшнюю систему государственного управления; нашу систему через пять лет».

Источник: Rose (2005, p. 17).

Таблица 14

ИСТОРИЧЕСКОЕ СРАВНЕНИЕ С АВСТРИЕЙ

Страна	1870	1913	1937	1950	1980	1989	2000
	(ВВП на душу населения Австрии = 100)						
Чехословакия	62	60	91	94	58	54	43
Венгрия	59	61	81	67	46	42	36
Польша	51	50	61	66	42	35	36

Примечание: Чехословакия в 2000 г. – средневзвешенный показатель по Чешской и Словацкой Республикам.

Источник: Рассчитано на основе OECD Database, приведенной в Maddison (2003).

Таблица 15

СРОКИ ПРЕОДОЛЕНИЯ РАЗРЫВА С ЗАПАДНОЙ ЕВРОПОЙ

Страна	В размере 100% к уровню 14 стран ЕС	В размере 80% к уровню 14 стран ЕС
	(количество лет)	
Чешская Республика	38	21
Эстония	60	45
Венгрия	46	31
Латвия	74	59
Литва	68	52
Польша	72	55
Словакия	48	33
Словения	30	9
8 стран ЦВЕ	55	38

Примечание: 14 стран ЕС – все старые члены, кроме Люксембурга. Рассчитано, исходя из темпов роста реального ВВП на душу населения в 14 странах ЕС на уровне 1,74%.

Источник: Wagner and Hlouskova (2005, p. 367).

Таблица 16

ПОДДЕРЖКА НЕДЕМОКРАТИЧЕСКИХ АЛЬТЕРНАТИВ

Страна	Коммунисты	Армия	Диктатор
	(% предпочтительных ответов)		
Чешская Республика	18	1	13
Эстония	8	2	40
Венгрия	17	2	17
Латвия	7	4	38
Литва	14	5	40
Польша	23	6	33
Словакия	30	3	25
Словения	23	6	27
8 стран ЦВЕ	21	4	29

Примечание: Респондентам задавался вопрос: «Наша сегодняшняя система государственного управления не единственная в истории страны. Некоторые считают, что было бы лучше, если бы страна управлялась иным образом. Следует ли нам вернуться к коммунистическому режиму? Страной должна править армия? Лучше иметь сильного лидера, способного быстро принимать все решения?».

Источник: Rose (2002, p. 10).

Литература

- Bloch M. (1989) [1939] *Feudal Society* (London: Routledge).
- Braudel F. (1972–1973) [1949] *The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II* (New York: Harper and Row).
- Braudel. F. (1992) [1969–1979] *Civilization and Capitalism, 15th–18th century. I–III. I. The Structures of Everyday Life; II. The Wheels of Commerce; III. The Perspective of the World* (Berkeley: University of California Press).
- Brenner R. (1976) «Agrarian Class Structure and Economic Development in Pre-Industrial Europe», *Past and Present*, 70, p. 30–75.
- Burke P. (1990) «Interview Conducted by Karl Vocelka and Markus Reisenleitner» <http://www.univie.ac.at/Neuzeit/gburke.htm>
- Campos N.F. and Coricelli F. (2002) «Growth in Transition: What We Know, What We Don't, and What We Should», *Journal of Economic Literature*, 40(3) (September), p. 793–836.
- Csaba L. (2005) *The New Political Economy of Emerging Europe* (Budapest: Akademiai).

Dahl R.A. (1971) *Polyarchy: Participation and Opposition* (New Haven: Yale University Press).

European Bank for Reconstruction and Development (2002) *Transition Report* (London: EBRD).

European Commission (2003) *Comprehensive Monitoring Report of the European Commission of 5 November 2003 on the State of Preparedness for EU Membership of the Czech Republic, Estonia, Cyprus, Latvia, Lithuania, Hungary, Malta, Poland, Slovenia and Slovakia*, 675 final (Brussels: European Union).

Haggard S. and Kaufman R.R. (2005) *The Political Economy of Democratic Transitions* (Princeton: Princeton University Press).

Hayek F. von (1944) *Road to Serfdom* (Chicago: University of Chicago Press).

Halman L. (2001) *The European Values Study: A Third Wave*, Tilburg: EVS, WORC, pp. 170.

Hirschman A.O. (1982) *Shifting Involvements* (Princeton: Princeton University Press).

Huntington S.P. (1991) *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century* (Norman: University of Oklahoma Press).

Karamzin N.M. (2003) [1789–1790] *Letters of a Russian Traveller* (Oxford: Voltaire Foundation).

Klaniczay G. (2001) «The Middle Ages» in Smelser N.J. and Baltes P.B. (ed.) *International Encyclopaedia of the Social & Behavioral Sciences* (Amsterdam: Elsevier).

Kolodko G. (2000) *From Shock to Therapy: The Political Economy of Post-socialist Transformation* (Oxford: Oxford University Press).

Kornai J. (1980) *Economics of Shortage* (Amsterdam, New York: North-Holland Pub. Co.).

Kornai J. (1992) *The Socialist System* (Princeton – Oxford: Princeton University Press – Oxford University Press).

Kornai J. (1998) *From Socialism to Capitalism: What is Meant by the «Change of System»* (London: Social Market Foundation).

Kornai J. (2000) «Ten Years After “The Road to a Free Economy”, The Author Self-Evaluation», in Pleskovic B. and Stern N. (ed.), *Annual World Bank Conference on Development Economics 2000* (Washington, DC: The World Bank).

Le Goff J. (1982) [1977] *Time, Work, & Culture in the Middle Ages* (Chicago: University of Chicago Press).

Maddison A. (2003) *The World Economy: Historical Statistics* (Paris: OECD, Development Centre Studies).

McFaul M. (2002) «The Fourth Wave of Democracy and Dictatorship», *World Politics*, 54, p. 212–244.

O'Donnell G.A., Schmitter P.C. and Whitehead L. (1988) *Transitions from Authoritarian Rule: Comparative Perspectives* (Baltimore: Johns Hopkins University Press).

Offe C. (1996) *Varieties of Transition: the East European and East German Experience* (Cambridge, MA: Polity Press).

Pirenne H. (1937) [1933] *Economic and Social History of Medieval Europe*, (New York: Harcourt, Brace and World Inc.).

Polányi K. (1962) [1944] *The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time* (Boston: Beacon Paperback).

Przeworski A. (1991) *Democracy and the Market* (Cambridge: Cambridge University Press).

Raeds P. (2001) «When Were the Middle Ages?» in Sogner S. (ed.), *Making Sense of Global History, The 19th International Congress of the Historical Sciences Oslo 2000 Commemorative Volume* (Oslo).

Roland G. (2000) *Transition and Economics: Politics, Markets, and Firms* (Cambridge, Mass: MIT Press).

Rose R. (2002) *A Bottom Up Evaluation of Enlargement Countries: New Europe Barometer 1* (Glasgow: Centre for the Study of Public Policy).

Rose R. (2005) *Insiders and Outsiders: New Europe Barometer 2004* (Glasgow: Centre for the Study of Public Policy).

Rose-Ackerman S. (2005) *From Elections to Democracy* (Cambridge: Cambridge University Press).

Ruesschemeyer D., Stephens E.H. and Stephens J.D. (1992) *Capitalist Development and Democracy* (Cambridge: Polity Press).

Sanfey P. and Teksoz U. (2005) «Does Transition Make You Happy?» EBRD Working Paper N 91 (London: European Bank for Reconstruction and Development).

Schmitter P.C. and Karl T.L. (1991) «What Democracy Is ... And Is Not», *Journal of Democracy*, 2(3), p. 76–88.

Schumpeter J. (1942) *Capitalism, Socialism and Democracy* (New York: Harper and Brothers).

Stiglitz J. (1999) «Whither Reform?» *Annual Bank Conference on Development Economics* (Washington, DC: World Bank).

Svejnar J. (2002) «Transition Economies: Performance and Challenges», *The Journal of Economic Perspectives*, 16(1) (Winter), p. 3–28.

Tilly C. (1984) *Big Structures, Large Processes, Huge Comparisons*, New York: Russel Sage Foundation.

Tóth I. Gy. (2004) «Income composition and inequalities 1987–2003» in Kolosi T., Tóth I. Gy. and Vukovich Gy. (ed.) *Social Report 2004* (Budapest: TÁRKI).

Usher D. (1981) *The Economic Prerequisite to Democracy* (Oxford: Basil Blackwell).

Wagner M. and Hlouskova J. (2005) «CEEC Growth Projections: Certainly Necessary and Necessarily Uncertain», *Economics of Transition*, 13(2), p. 341–372.

Wallerstein I. (1974) *The Modern World-System: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century* (New York: Academic Press).

Wallerstein I. (1979) *The Capitalist World-Economy* (Cambridge: Cambridge University Press).

*С.М.Миронов**

КАЧЕСТВО ВЛАСТИ И СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ РОССИИ

**Миронов Сергей Михайлович –
Председатель Совета Федерации
Федерального Собрания Российской
Федерации.**

Представителям научного сообщества нашей страны, людям, которых искренне волнует настоящее и будущее России, предстоит обсудить важные проблемы: пути и перспективы России в стремительно меняющемся мире, что нам необходимо сделать, чтобы наша страна могла занять достойное место в новом миропорядке. Глобализация – системное изменение всех сфер жизни, от экономики до культуры – требует не только быстрого и оперативного реагирования на происходящие изменения в политике, экономике, науке и технологиях, но и принятия качественно новых решений, что невозможно без серьезного научного анализа и прогнозирования.

Россия должна выработать собственную стратегию развития, так как в условиях глобализации именно государство определяет общие цели, утверждает стандарты, создает механизмы, обеспечивающие контроль за предоставлением ресурсов, направляемых на решение общенациональных задач.

К сожалению, новейшая история поставила нас в невыгодные условия «догоняющего развития». В этой ситуации России в первую очередь необходимо преодолеть периферийный характер своей экономики и реализовать все свои конкурентные преимущества. Это наличие богатейших природных ресурсов, огромная территория и особое географическое положение, которое позволяет планировать создание международной транспортной и коммуникационной инфраструктуры. Это и сохраняющийся кадровый и научно-технический потенциал, высокое качество человеческих ресурсов, развитие которых – один из важнейших факторов устойчивого роста экономики постиндустриального типа. Это, наконец, общепризнанные культурные достижения. Но для того, чтобы реализо-

* Выступление на конференции «Россия: Тенденции и перспективы развития» в ИНИОН РАН 16 декабря 2005 г.

вать эти преимущества, необходимо добиться нового уровня и качества государственно-политического управления.

Почему я связываю стратегическое развитие России именно с качеством власти?

Первое. Интенсификация экономического развития, переход от добывающей экономики к экономике знаний немыслимы без активного участия государства. Мы все должны понять, что успех сопутствует только тем странам, которые включены в мировую экономику. Россия с опозданием выходит на свободный мировой рынок и пока не имеет возможности определять правила мировой торговли. Но это не означает, что мы не можем отстаивать свои интересы за рубежом, продвигать собственные стандарты, товары и услуги. Сейчас на долю России приходится менее 1,5% мирового рынка высокотехнологичной продукции (для сравнения, на долю США – 33%, ЕС и Японии – по 18–20%). При этом около 80% суммарного объема наукоемкого производства промышленности Российской Федерации сосредоточено в трех отраслях, входящих в оборонно-промышленный комплекс: авиа-ракетно-космической отрасли, военно-ориентированных отраслях и атомной промышленности, что стало возможным, прежде всего, за счет увеличения госзаказа. Инновационная деятельность в других отраслях минимальна и продолжает ждать внимания со стороны государства и бизнеса. И хотя государство постепенно возвращается в науку и как заказчик, и как посредник, на данный момент оно финансирует и продвигает только наиболее перспективные и конкурентоспособные научные направления: энергетику, ядерные, космические, авиационные, информационные и биотехнологии.

Остальные направления мог бы поддержать отечественный бизнес. Однако он сам испытал шок, столкнувшись с реалиями мировой конкуренции как на внешних рынках, так и внутри страны. Чтобы выжить в современной конкурентной среде и повысить свою эффективность, российскому бизнесу необходим определенный набор гарантий в сфере экономического регулирования. Это равные возможности по защите своих прав, равный доступ к механизмам государственной поддержки, четкие правила игры и разумное бремя обязательств перед государством. Пока наш бизнес продолжает страдать от административных барьеров, обилия нормативов и сложных процедур, навязываемых чиновником.

По сути дела, отечественному бизнесу приходится стучаться в закрытую дверь там, где его мировые конкуренты решают свои проблемы с помощью отлаженных государством механизмов и правовых норм. Поэтому так медленно развивается инфраструктура инновационного бизнеса. Сравните: в финском городе Оулу, где проживают 100 тыс. человек и действует один университет, работает технопарк общей площадью 70 тыс. м². А в Санкт-Петербурге, где население составляет 5 млн. человек и действуют 53 государственных и

43 негосударственных вуза, десятки академических институтов, общая площадь технопарков – всего 15 тыс. м².

Очевидно и то, что большинство российских конкурентоспособных технологий не в состоянии выйти на мировой рынок без государственной поддержки. Значит, такая поддержка должна быть оказана. Это обычная практика современных государств.

Взять ту же идею технопарков – наши управленческие структуры не слишком озабочены проблемой вынесения этих вопросов на обсуждение, даже в рамках научного сообщества. А общественность, похоже, вообще не располагает сведениями ни о целях, ни о сроках, ни о масштабах финансирования этих проектов. Между тем, стратегия государства должна быть принята и понята активной частью общества. Только в этом случае она может быть реализована.

Второе. Именно от качества власти, принимаемых государственных решений, зависит, сможем ли мы преодолеть острое социальное неравенство, вопиющую бедность наших сограждан. Низкий уровень жизни миллионов людей объективно становится тормозом на пути к инновационной экономике и препятствием для вхождения России в круг ведущих мировых держав. Большинство граждан России обеспокоены последствиями реформ 90-х годов, которые привели к жесткому расслоению общества. Добавлю, к абсолютно бесперспективному расслоению.

Вместе с тем, рыночная экономика – это не просто свободные цены, частная собственность и прибыль. Это еще и общество, те самые образованные и социально благополучные люди, составляющие наш социальный капитал, который в условиях глобализации становится основным показателем успешно функционирующей экономики.

Мне много раз приходилось подчеркивать, что эффективность и качество государственного управления необходимо оценивать по таким критериям, как продолжительность жизни, здоровье, качество питания, медицинского обслуживания и образования, состояние культуры. В этих социальных индикаторах одновременно присутствуют и цели, и средства экономического развития. Именно они свидетельствуют об определенном качестве власти. Неслучайно президентом были инициированы в качестве национальных проектов программы, связанные прежде всего с социальной сферой, с расширением и поддержкой потенциала отечественного здравоохранения и образования. Эти проекты позволят запустить в действие механизмы социальной защиты и в известной мере восполнить несовершенство рынка.

Третье. Несмотря на то, что в стране активно проводилась административная реформа, общественный запрос на более качественную власть, работающую на модернизацию страны, на повышение ее конкурентоспособности в мире лишь

усилился. Люди требуют более активных и последовательных действий по реформированию власти, чем это происходит сейчас.

В этом нет ностальгии по сильной руке. Здесь присутствует понимание стратегических целей развития российского государства и роли государственных институтов в достижении этих целей. По сути дела, речь идет о компетентности и профессионализме нашей власти, о механизмах формирования доверия между властью и обществом, о создании современного государственного менеджмента, который бы отвечал требованиям открытого и справедливого общества.

Для усиления конкурентоспособности нашей страны необходима высокая степень социальной консолидации общества. Именно отсутствие сотрудничества и социальной солидарности привело к тому, что все реформы 90-х фактически свелись к уходу государства из экономической и социальной сфер. Кивая на неэффективность государства, передавая его функции в частный сектор, мы вместо плохих государственных монополий получили еще худшие (но частные), которые вообще перестали считаться с интересами общества.

Мы все надеемся, что деятельность Общественной палаты будет непосредственно способствовать развитию конструктивного диалога между обществом, бизнесом и властью, а значит и повышению качества власти, в том числе и с помощью систематического контроля над ней. Даже первые дни функционирования Общественной палаты показали ее возможности в плане ограничения деятельности властных институтов. Я имею в виду споры по поводу Федерального закона о некоммерческих организациях, где победителями все-таки стали представители общественности. Уверен, необходимо и дальше двигаться в направлении прозрачности власти и транспарентности ее решений. В первую очередь, это предполагает учет общественного мнения как источника и основания для выработки и принятия политических решений на всех уровнях власти.

Пока не выполнялось в полном объеме даже постановление Правительства РФ № 98 от 12 февраля 2003 г. «Об обеспечении доступа к информации о деятельности Правительства Российской Федерации и федеральных органов исполнительной власти», где перечислены 53 вида сведений, которые должны быть доступны гражданам, и говорится о необходимости размещения в Интернете ведомственной информации. В Петербурге недавно суд обязал семь федеральных ведомств, которые уклонялись от исполнения Постановления, открыть в Интернете сайты и разместить необходимую информацию о своей деятельности.

Для того, чтобы общественное мнение работало как основание для выработки политических решений, необходимо наличие нормальных гражданских механизмов его формирования, ограничивающих возможность манипуляции. Такими механизмами выступают независимые средства массовой информации, политические партии, общественные организации. Если говорить о политичес-

ких партиях, то сегодня мы наблюдаем угрожающую тенденцию свертывания политического пространства. Ошибочное отождествление единства общества с политическим единообразием по принципу «одобряем», доминирование силового и охранительного компонента демократии ведет скорее к ослаблению демократических устоев российской государственности. Президент Владимир Путин четко определил курс на развитие партий как партнеров государства, выражающих интересы и мнения различных слоев общества, а не службы стоящих за государством чиновников.

Нельзя забывать, что высокое качество власти во многом обеспечивается демократическими механизмами ее формирования на основе реального конкурентного процесса. Очередная попытка перевода российской демократии на командно-административный режим управления обречена. Если политическая система будет продолжать развиваться в сторону монополии одной партии, то сформированная на ее основе власть не сможет адекватно реагировать на те проблемы, которые актуальны для подавляющего большинства граждан. Она будет не в состоянии выработать компромиссы.

Региональные и муниципальные выборы этого года показали усиление непубличных механизмов давления на систему партийно-политического представительства. Закрепляется практика прямого губернаторского руководства избирательной кампанией, в регионах фактически ведется торг о допустимых процентах для той или иной партии.

Формирующаяся моноцентричная партийная система, квазиполитические организации типа карманных молодежных движений вряд ли будут способствовать развитию гражданского общества и гражданских инициатив. Более того, если одна партия монополизирует три четверти политического пространства, то это повысит вероятность появления радикальной несистемной оппозиции. Нам же нужна система, которая обеспечивала бы реальную возможность легитимного перехода власти от одной политической силы к другой по истечении одного или двух избирательных циклов. Без путчей, уличных беспорядков и цветных революций. На мой взгляд, именно борьба, соперничество и сотрудничество различных политических партий, возможность их обращения через СМИ к гражданам способны не только оживить российскую политику, но и дать перспективы развития гражданскому обществу.

Не надо забывать, что центральная власть не обслуживает непосредственно все население страны. Можно обеспечить все федеральные министерства и ведомства «гениями управления», но не прийти к действительно эффективным и комфортным взаимоотношениям населения с государством. Необходимы каждодневные и настойчивые изменения в стиле и методах работы с людьми всех уровней власти и всех ее ветвей. Сегодня востребована власть, удобная и понятная гражданам.

В заключение подчеркну: отрадно, что эпоха, когда интеллигенция занималась критикой прошлого, закончилась. Мы, наконец, ушли от поисков ответа на риторический вопрос «Кто виноват?». Сейчас критический вектор развернулся в сторону настоящего и будущего. И значимость экспертных функций научного сообщества может и должна возрасть. Но только качественная власть в состоянии воспользоваться и оценить общественную экспертизу.

Наш народ имеет большой опыт социальных и политических экспериментов. Нельзя допустить, чтобы Россия превратилась в страну нереализованных проектов и невыученных уроков.

Нам нужна власть, зависящая только от интересов народа и государства.

Нам, как и 100 лет назад, нужна Великая Россия.

В.Я.Гельман

ВЫБОРЫ ПО-РУССКИ: ПРАВИЛА ИГРЫ В РОССИЙСКОЙ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ*

Гельман Владимир Яковлевич – кандидат
политических наук, профессор Европейского
университета в Санкт-Петербурге.

Характерным исходом ряда посткоммунистических политических трансформаций стала «неформальная институционализация» (под институтами здесь понимаются нормы и правила политической деятельности) – преобладание таких партикуляристских неформальных институтов, которые замещают универсальные формальные институты политических режимов и подрывают их действие¹. Именно господство неформальных институтов подобного типа создает препятствия для установления верховенства права, в том числе и в России. Но каковы причины возникновения, механизмы формирования и тенденции развития неформальных институтов в современной российской политике? Настоящая статья призвана наметить перспективы анализа этой научной проблемы на примере реформы институтов избирательного процесса в России.

Становление неформальных институтов

Вслед за Д. Нормом, увязывавшим неформальные институты с культурными феноменами², ряд исследователей склонны рассматривать генезис неформальных институтов с позиций анализа «наследия прошлого», препятствующего

* Автор благодарит А. Леденеву и В. Волкова за конструктивные замечания.

1. W. Merkel, A. Croissant, *Formale und informale Institutionen in defekten Demokratien* // *Politische Vierteljahresschrift*, 2000. – Bd. 41, N 1. – S. 3–30; H.-J. Lauth, *Informal institutions and democracy* // *Democratization*, 2000. – Vol. 7, № 4. – P. 21–50; G. Helmke, S. Levitsky, *Informal institutions and comparative politics: A Research agenda* // *Perspectives on politics*, 2004. – Vol. 2, N 4. – P. 725–740.

2. D. North. *Institutions, institutional changes, and economic performance*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – P. 6.

закреплению универсальных «правил игры». Также обращается внимание на то, что неформальные институты в процессе трансформации становятся своего рода механизмом защитной реакции, которая позволяет индивидам и обществам справляться с кризисами переходного периода. Иначе говоря, генезис неформальных институтов, согласно этой точке зрения, носит структурный характер и не зависит от действий агентов. Однако структурный подход не может дать исчерпывающих объяснений вариаций феномена неформальной институционализации в различных обществах или в различных сферах жизни одного и того же общества³. Он может (и должен) быть дополнен характеристиками действий акторов в ходе институциональных изменений (в процессе институционального строительства)⁴.

Почему институциональные изменения в России 1990-х – 2000-х годов привели к преобладанию неформальных институтов? Напрашивающийся ответ на этот вопрос таков: это вызвано **интересами** акторов – участников процесса институционального строительства. Поскольку «институты... создаются, чтобы служить интересам тех, кто обладает властью для установления новых правил»⁵, постольку доминирующие акторы были способны навязать новые «правила игры» в своих интересах. Но такой взгляд предполагает, что акторы заведомо обладают полной информацией и способны предвидеть все последствия своих (как и чужих) шагов в ходе институционального строительства. Подобное представление, теоретически не оправданное с позиций ограниченной рациональности, тем более неадекватно в условиях комплексной трансформации в России, для которой в 1990-е – начале 2000-х годов была характерна высокая неопределенность⁶. А потому институциональные изменения подчас приводили отнюдь не к тем результатам, на которые рассчитывали их инициаторы.

Что же еще, кроме интересов, движет акторами в процессе институциональных изменений? Рациональные акторы стремятся к минимизации нежелательных для них последствий неопределенности и потому вынуждены оценивать ту (неполную и противоречивую) информацию, которая имеется в их распоряжении. Поскольку решения в ходе институционального строительства приходится принимать быстро, то акторам необходим «фильтр» для сортиров-

3. Подробнее критику структурного подхода см.: V. Gel'man. *The unrulе of law in the making: The Politics of informal institution-building in Russia* // *Europe-Asia Studies*, 2004. – Vol. 56, N 7. – P. 1022–1025.

4. Merkel, Croissant. – *Op. cit.*, S. 17–20.

5. North, *op. cit.*, p. 16.

6. V. Gel'man, S. Ryzhenkov, M. Brie. *Making and breaking democratic transitions: The comparative politics of Russia's regions*. Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2003. – P. 19–32.

ки информации. Роль такого «фильтра» выполняет *идеология*, – но не как набор тех или иных политических доктрин, а как способ восприятия проблем акторами, когнитивная схема, своего рода «ментальная модель»⁷. – Иными словами, речь идет о прикладной идеологии, о приложении идеологии к политическому курсу в той или иной сфере, что позволяет политическим акторам, во-первых, *оптимизировать* количество необходимой им информации а, во-вторых, судить о соответствии существующих институтов их нормативным представлениям⁸.

Если интересы и идеологии, хотя и различным образом, обуславливают рациональность действий акторов в ходе институционального строительства, то вызванный неопределенностью *дефицит информации* у акторов играет прямо противоположную роль, побуждая их заботиться о краткосрочных, а не о долгосрочных перспективах своих шагов и позволяя им судить о последствиях их действий лишь *ex post*.

В целом, стимулы политических акторов, которые участвуют в процессе институционального строительства, могут быть описаны своего рода неформальной моделью, результирующей сумму интересов, идеологий и (дефицита) информации: Институциональные изменения = Σ (Интересы + Идеологии + Информационный дефицит).

Роль идеологий, интересов и информации неодинакова на разных этапах процесса институционального строительства. На стадии выбора институтов идеологии если не доминируют, то имеют большое значение, в то время как интересы либо не успели проявиться, либо их влияние ограничено дефицитом информации (идеологии к этому фактору гораздо менее чувствительны). По мере формирования новых институтов влияние неопределенности снижается, хотя последствия внедрения институциональных изменений могут вызвать новую неопределенность. Дефицит информации остается важным фактором институционального строительства в переходный период вплоть до его завершения. Однако проявление новых институтов в действии выводит на передний план интересы и способствует не только снижению роли идеологий по сравнению с интересами, но и модификации, если не смене идеологий отдельными акторами.

Применительно к процессу институционального строительства 1990-х – 2000-х годов в России эта логика выглядит следующим образом. На раннем этапе интересы акторов, которые пришли к власти в России после силовых конфликтов 1991 и 1993 гг., были связаны с созданием таких новых институтов, которые позволяли бы и легитимировать новый политический режим, и обеспечить

7. A. Denzau, D. North. *Sharing Mental Models: Ideologies and Institutions* // *Kyklos*, 1994. – Vol. 47, N 1. – P. 3–31.

8. D. North. *Structure and change in economic history*. New York: W.W. Norton, 1981. – P. 49.

сохранение власти. Неформальные институты позволяли обходить несовершенство прежних и/или новых норм, либо же создавались в результате сознательных умолчаний или двусмысленностей в рамках новых формальных институтов. Вместе с тем, крайне высокий уровень неопределенности вел к непреднамеренным последствиям институциональных изменений. Неудивительно, что в этих условиях ведущая роль при выборе институтов принадлежала идеологиям. Ведущей идеологией начала 90-х годов выступал экономический либерализм⁹ в варианте, связанном с минимизацией регулирующих функций государства везде, где только это было возможно. Либеральный идеологический «фильтр» способствовал тому, чтобы при прочих равных условиях исключать государство из числа участников институционального регулирования, оставляя за ним «по умолчанию» лишь функции надзора за соблюдением норм. Неудивительно, что созданные таким образом формальные институты пестрели разного рода «дырами», которые легко заполнялись неформальными институтами не только по желанию, но и по недосмотру их создателей. Практика «деформализации правил»¹⁰ и «размытой законности»¹¹ становилась рутинной.

В результате неформальные институты заняли преобладающее место в российской политике, развиваясь как стихийно, так и целенаправленно. В 2000-е годы институциональное строительство в России привело к (вынужденному) принятию такого рода «правил игры» всеми значимыми акторами. Хотя эффективность новых институтов была невелика, но издержки дальнейших институциональных изменений казались выше цены сохранения статус-кво. Это повлекло за собой стабилизацию ожиданий и поведения политических акторов; внедрение инноваций сменилось фиксацией складывавшегося (нового) равновесия между ними¹². В этот период неопределенность значительно снизилась, происходивший же на уровне идеологий «консервативный сдвиг»¹³, вполне отвечал потребностям акторов в сохранении статус-кво. К началу 2000-х годов цикл институционального строительства был завершен, и сложившееся в его ходе сочетание формальных и неформальных институтов укоренилось в практике политического процесса в России.

9. Подробнее об экономических идеологиях в России см.: В. Радаев. *Экономическая социология*. М.: Аспект-Пресс, 1998. – С. 297–301.

10. См.: В. Радаев. *Деформализация правил и уход от налогов в российской хозяйственной деятельности* // *Вопросы экономики*, 2001. – N 6. – С. 60–79.

11. См.: M. Cohn. *Fuzzy Legality in Regulation: The Legislative Mandate Revisited* // *Law and Policy*, 2001. – Vol. 23, N 4. – P. 469–497.

12. См.: J. Knight. *Institutions and Social Conflict*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. – P. 185.

13. В. Радаев. *Экономическая социология*. – С. 301.

При всем этом динамика изменений в различных сферах политики существенно различалась. Показательны в этом отношении выборы как институт, который в России не был связан с «наследием прошлого».

Выборы: Правила игры... в одни ворота

Анализ институтов избирательного процесса до самого последнего времени находился на периферии электоральных исследований¹⁴, хотя именно от этих институтов зависит, носят ли выборы демократический характер. Российские выборы, по классификации Й. Элклита и П. Свеннсона¹⁵, являются свободными, но несправедливыми. Иначе говоря, равные возможности участия кандидатов и партий в предвыборной борьбе сопровождаются систематически неравным доступом их участников к этой борьбе. Помимо подозрений в систематической фальсификации итогов голосования в ряде регионов России, несправедливость российских выборов имеет три составляющих. 1) одностороннее освещение кампании в СМИ, в том числе (и, прежде всего) контролируемых государством; 2) неравенство доступа к финансовым ресурсам, включая использование общественных помещений в целях кампании; 3) несправедливое разрешение избирательных споров, в том числе применение санкций в ходе кампании и по итогам выборов¹⁶. Эти неформальные институты российского избирательного процесса входят в «меню манипуляций», характерное для недемократических выборов, прежде всего во многих странах третьего мира¹⁷.

Электоральная реформа в России стартовала в 1993 г., когда после роспуска Съезда народных депутатов сторонники Б. Ельцина добились от него издания указа о проведении выборов депутатов Государственной думы на основании положения о выборах, разработанного группой либеральных экспертов под руководством В. Шейниса. Именно этот документ лег в основу принятого в 1994 г. рамочного закона «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации», который был призван регулировать нормы выборов органов власти и должностных лиц всех уровней. В соответствии с ним были

14. S. Mozaffar, A. Schedler. *The comparative study of electoral governance – An introduction* // *International political science review*, 2002. – Vol. 23, N 1. – P. 6.

15. J. Elklit, P. Svensson. *What makes elections free and fair?* // *Journal of democracy*, 1997. – Vol. 8, N 3. – P. 37.

16. Подробные описания см.: В. Прибыловский. *Управляемые выборы: Деградация института выборов при Путине* // *Россия Путина: История болезни*. М.: Панорама, 2004. – С. 6–85.

17. A. Schedler. *The nested game of democratization by elections* // *International political science review*, 2002. – Vol. 23, N 1. – P. 104–109.

выдержаны и принятые в 1995 г. российские законы о думских и президентских выборах. В ходе работы Думы второго созыва в закон «Об основных гарантиях...» и в законы о думских и президентских выборах были внесены многочисленные поправки. В этот период обладавшие большинством в Думе коммунисты и их союзники в целом выступали согласованно с либералами из фракции «Яблоко». В Думе третьего и четвертого созывов цикл институциональных изменений был доведен до логического завершения с принятием в 2001–2003 гг. и в 2005 г. законов о политических партиях, новых редакций законов «Об основных гарантиях...», о думских и президентских выборах и поправок в некоторые другие законы. В этих созывах Думы устойчивым большинством обладали фракции, входившие в «Единую Россию», а политика институционального строительства находилась под контролем президентской администрации. Как же повлияли идеология, интересы и информация акторов на динамику регулирования ключевых норм избирательного процесса?

Освещение выборов и агитация в средствах массовой информации

Разработчики Положения о выборах 1993 г. исходили из принципа минимизации регулирования деятельности СМИ. Всем партиям и кандидатам предоставлялись (минимально) равные возможности для ведения бесплатной агитации на телевидении, радио и в газетах, прямо или косвенно контролируемых государством (позднее, в законе «Об основных гарантиях...» круг этих СМИ был несколько расширен). Вместе с тем, Положение оставляло за рамками регулирования как платную агитацию в этих СМИ, так и освещение ими хода кампании; деятельность СМИ, не зависящих от государства, не регулировалась Положением вообще. Такой институциональный выбор отражал и идеологию, и интересы разработчиков. С одной стороны, любое ограничение деятельности СМИ рассматривалось ими как покушение на свободу слова, одно из главных политических завоеваний перестройки. С другой стороны, контроль сторонников Ельцина над основными каналами телевидения сыграл немалую роль в победе президентской стороны на референдуме в апреле 1993 г., освещение которого носило явно односторонний характер. Более того, попытки Верховного Совета, а затем Государственной думы добиться паритета в новостных программах СМИ, встречали протест со стороны президентской администрации, либеральных партий и политиков, не говоря уже о самих представителях СМИ.

Накануне и в ходе думских выборов 1993 г. следование либеральной доктрине минимизации государства стало «фильтром», определившим выбор институтов, регулировавших освещение кампании и предвыборную агитацию. Интересы сторонников Ельцина при этом просматривались прозрачно, но в ходе

кампании 1993 г. они проявились незначительно. Отчасти это было обусловлено тем, что сами новые нормы преследовали идеологическую цель легитимации политических инноваций (конкурентные выборы и свобода слова). Но играло роль и то, что сторонники Ельцина, опираясь на неточную и неадекватную информацию, были уверены в своей победе, а главной целью для президентской администрации был проходивший одновременно с выборами конституционный референдум; борьбе партий не уделялось сколько-нибудь значительного внимания¹⁸. Гораздо большее значение для исхода выборов имели возможности платной агитации в СМИ, которыми успешно воспользовался лидер ЛДПР Владимир Жириновский.

В результате проведенной в 1994–1995 гг. «работы над ошибками» нормы агитации в СМИ были несколько скорректированы и дополнены: в частности, закон о думских выборах предполагал введение ограничений эфирного времени для платной агитации. На думских выборах 1995 и 1999 гг., однако, отчасти из-за высокого уровня партийной фрагментации, этот фактор существенной роли не сыграл. При этом отсутствие регулирования освещения кампании в других программах СМИ (помимо агитации) повлекло за собой расцвет скрытой политической рекламы в различных формах. Но все же важнейшим источником информации о выборах для избирателей была не явная или скрытая агитация, а новостные программы. Если на думских выборах 1995 г. освещение кампании в СМИ было относительно сбалансированным¹⁹, то последующие выборные кампании демонстрировали эффекты информационных манипуляций. На президентских выборах 1996 г. полный контроль над каналами телевидения привел к тому, что кампания освещалась, по оценкам Европейского института СМИ, «резко, грубо и односторонне», а баланс позитивных оценок Ельцина и негативных оценок Зюганова в новостных программах основных каналов в ходе кампании составил +492 и –313, соответственно²⁰. На думских выборах 1999 г. «информационная война» была выиграна крупнейшими общегосударственными телекомпаниями, ОРТ и РТР, противниками которых выступали частное НТВ и часть региональных компаний. По некоторым оценкам, эта «война» оказала влияние на голосование примерно 10–20% избирателей²¹.

18. Подробнее см.: M. Urban. *December 1993 as a replication of Late-Soviet electoral practices // Post-Soviet affairs*, 1994. – Vol. 10, N 2. – P. 127–158.

19. Подробнее см.: S. White, R. Rose, I. McAllister. *How Russia votes*. Chatham, NJ: Chatham House Publishers, 1997. – P. 213.

20. *Ibid.*, p. 251–252.

21. Подробнее см.: *Россия в избирательном цикле 1999–2000 годов / Под ред. М. Макфола, Н. Петрова, А. Рябова, М.: Гендальф, 2000. – С. 18–20, 209.*

Победа правящей группировки на выборах 1999–2000 гг. повлекла за собой снижение уровня неопределенности. Актеры могли уверенно прогнозировать последствия своих шагов, и политика институционального строительства была направлена на сохранение статус-кво (тому же способствовала и смена идеологий). В этих условиях произошел поворот от институционального вакуума в регулировании освещения кампаний к жестким ограничениям в этой сфере. Принятые в 2002–2003 гг. по инициативе президентской администрации поправки к закону «Об основных гарантиях...» и к закону о СМИ квалифицировали как агитацию практически любое упоминание в СМИ партий и кандидатов, кроме официальной информации избирательных комиссий и/или полного перечня всех участников выборов. При этом закон допускал освещение в СМИ профессиональной деятельности кандидатов, что фактически оставляло возможность для агитации в пользу инкубентов. Нарушение этого принципа грозило СМИ санкциями (вплоть до угрозы закрытия) со стороны избирательных комиссий и судов, призванных определять, что служит информацией о выборах, а что – агитацией. Хотя в конце 2003 г. Конституционный суд России отменил наиболее одиозные положения этого закона, но на деле новое регулирование узаконило использование неформального института селективного применения санкций в отношении нелояльных СМИ, партий и кандидатов. Элементы подобного регулирования сохранились и в законе 2005 г., теперь уже чтобы закрепить доминирование «партии власти» в российской электоральной политике.

Политическое финансирование

Образцом для импорта институтов политического финансирования архитекторы российской электоральной реформы избрали американскую модель комитетов политического действия, адаптировав ее к российским условиям. Согласно нормам Положения о выборах 1993 г. и последующих законов о выборах, партии и кандидаты после регистрации должны были открывать специальные банковские счета для аккумуляции средств избирательных фондов на ведение предвыборной агитации. При этом приоритет в политическом финансировании был отдан частным источникам, доля государственной поддержки партий и кандидатов была символической. Так, например, на думских выборах 1995 г. лимит избирательных фондов партий составил 2 400 000 долл., а Центризбирком выделил им лишь по 18 000 долл. остальное составляли частные и, главным образом, корпоративные пожертвования²². Этот подход радикально от-

22. White, Rose, and McAllister. *Op. cit* – P. 212.

личал российскую модель политического финансирования от Чехии или Венгрии, выбравших приоритет государственной поддержки партий при ограничении частных и корпоративных пожертвований²³. Причины выбора этой модели носили преимущественно идеологический характер. Как отмечал Шейнис в беседе с автором этих строк (август 1994): «Не так страшно, если некоторые богатые люди смогут купить голоса избирателей. Государственное финансирование более опасно для российской демократии»²⁴. За этой идеологией стояли интересы российских либералов, стремившихся к легитимации нового политического и экономического строя и не без оснований рассчитывавших на поддержку со стороны нового российского бизнеса.

Подобная схема политического финансирования, закреплённая в Законе «Об основных гарантиях...» и в ряде других законов, была полна как «дыр», так и сознательных умолчаний. Она затрагивала регулирование лишь малой доли расходов партий и кандидатов, непосредственно связанных с ведением ими предвыборной агитации. На деле же текущая деятельность партий, включая их подготовку к выборам, стоившая несоизмеримо больше, и едва ли не более значимая с точки зрения результатов кампаний, оставалась непрозрачной и неподконтрольной закону. Институциональный вакуум в этой сфере оставлял широкие возможности для различных форм неформального воздействия на партии со стороны и бизнеса, и государства (от покупки мест в партийных списках до помощи либо препятствования в создании партийных офисов на местах). Кроме того, агитация была отнюдь не единственным способом влияния партий и кандидатов на результаты выборов. И если прямой подкуп избирателей был законодательно запрещен, то различные формы непрямого подкупа – от предвыборной благотворительности до заключения договоров с избирателями об оказании им услуг – процветали. Но главное – нормы политического финансирования практически не затрагивали произвольного использования государственных ресурсов в целях ведения кампаний, на чем строилась организационная основа «партий власти». В последнем случае институциональный вакуум был создан сознательно в интересах либералов, хотя на думских выборах 1993 и 1995 гг. этот фактор и не принес им существенных дивидендов. Зато на президентских выборах 1996 г. влияние всех неформальных институтов политического финансирования проявилось в полной мере. Государственные ресур-

23. P. Lewis. *Party funding in post-Communist East-Central Europe // Funding democratization / Ed. by P. Burnell and A. Ware. Manchester: Manchester University Press, 1998. – P. 137–157.*

24. Цум. no: *Elections in Russia, 1993–1996: Analyses, documents and data / Ed. by V. Gel'man, G. Golosov. Berlin: edition Sigma, 1999. – P. 53.*

сы открыто использовались в целях кампании; наиболее известным примером служила история с арестом на проходной Дома правительства активистов штаба Ельцина, которые выносили из здания 538 000 долл. наличными («коробка из-под ксерокса»). Предвыборная раздача «благ» избирателям в ходе кампании, по мнению Даниэля Трейсмана, сыграла ключевую роль в покупке голосов и обеспечила благоприятные для Ельцина итоги голосования²⁵. В этом же ряду находится и косвенная поддержка лояльных партий и общественных организаций президентской администрацией, и ряд других механизмов политического финансирования.

Хотя Государственная дума внесла поправки в электоральные законы, стремясь залатать законодательные «дыры», связанные с возможностями подкупа избирателей, но не слишком в этом преуспела. Во-первых, взамен одних «дыр» открывались другие. Во-вторых, декларации прозрачности политического финансирования носили откровенно популистский характер и были неэффективны (так, кандидаты на думских выборах 1999 г. были обязаны представлять декларации о своих доходах и имуществе, практически не имевших никакого отношения к финансовому положению и их самих, и их партий). В-третьих, контроль за соблюдением данных норм был возложен на избирательные комиссии, которые не обладали достаточными ресурсами для его обеспечения. Поэтому либо на все злоупотребления закрывались глаза, либо формальные институты электорального законодательства использовались избирательными комиссиями и судами как средство политически мотивированного селективного наказания нелояльных партий и кандидатов²⁶. Поскольку нормы политического финансирования явно или неявно нарушались многими, то от произвола не был застрахован почти никто (кроме «партий власти»). В-четвертых, все эти поправки не затрагивали суть сложившегося механизма: речь шла лишь о надводной части «айсберга» политического финансирования²⁷.

Самые значительные институциональные изменения в этой сфере были предприняты по завершении периода неопределенности. Согласно принятому в 2001 г. по инициативе президента России федеральному закону о политических партиях, представленные в Государственной думе партии финансируются государством пропорционально полученной ими доле голосов на выборах (характерно, что либералы в Думе выступали против принятия этой нормы). В 2005 г. доля государственного финансирования существенно возросла, однако непроз-

25. D. Treisman. *Dollars and democratization: The role of power and money in Russia's transitional elections* // *Comparative politics*, 1998. – Vol. 31, N 1. – P. 1–21.

26. Подробнее см.: Прибыловский. Указ. соч.

27. V. Gel'man. *The iceberg of Russian political finance* // *Funding democratization* / Ed. by P. Burnell and A. Ware. Manchester: Manchester University Press, 1998. – P. 158–175.

рачный механизм политического финансирования сохранился в прежнем виде, поскольку регулирование избирательных фондов не претерпело существенных изменений. В свою очередь, полученная государством возможность контроля за использованием партиями бюджетных средств может служить не столько средством обеспечения прозрачности политического финансирования, сколько дополнительным средством селективного наказания. Скорее всего, все останется без изменений в ближайшие годы.

Конфликты и санкции

Санкции за нарушение норм избирательного законодательства относятся к трем стадиям избирательного процесса: 1) регистрации кандидатов и партийных списков; 2) ведении предвыборной агитации; 3) признании итогов выборов. Соответственно, возможности отказа в регистрации, отмены решения о регистрации и признание выборов недействительными могут стать исходами конфликтов в избирательном процессе. Российская электоральная реформа и в этом отношении продемонстрировала преобладание неформальных институтов над формальными. Тот факт, что по инициативе либералов последнее слово в рассмотрении избирательных споров принадлежало не избирательным комиссиям (назначавшимся органами власти и во многом от них зависимым), а судам, не был определяющим. Отметим, впрочем, что Верховный суд, например, отменял необоснованные решения Центральной избирательной комиссии об отказе в регистрации списков кандидатов «Яблока» и «Державы» (на выборах 1995 г.). Проблема состояла в ином: критерии рассмотрения электоральных споров избирательными комиссиями и судами были размытыми, а перечень оснований для санкций не являлся исчерпывающим.

В данном случае сочетание «дыр» и умолчаний демонстрирует в большей мере влияние интересов, нежели идеологий. В особенности это касается оснований для признания итогов выборов недействительными, которые по закону «Об основных гарантиях...» 1994 г. (ст. 32) были сформулированы следующим образом: «в случае, если допущенные... нарушения не позволяют с достоверностью установить результаты волеизъявления избирателей»²⁸. Когда во время обсуждения проекта данного закона автор этих строк предложил зафиксировать исчерпывающий перечень подобного рода нарушений, дабы исключить произвольную трактовку норм, один из депутатов откровенно уточнил необходимость введения такой нормы возможностью отмены итогов президентских выборов в случае, если на них победит Зюганов или Жириновский. Эта угроза реализова-

28. *Gel'man and Golosov. Op. cit. – P. 456.*

на не была, но повод для отмены результатов практически любых выборов найти несложно. Так, после того, как в 1998 г. на выборах мэра Нижнего Новгорода победил аутсайдер-популист с уголовным прошлым Андрей Климентьев, итоги выборов признали недействительными, поскольку победитель обещал избирателям в ходе кампании повышение пенсий и зарплат, что было квалифицировано как подкуп избирателей²⁹. По этим же основаниям, кстати, можно было бы признать недействительными и итоги президентских выборов 1996 г.

Попытки залатать «дыры» Дума предпринимала и в этой сфере. Так, если в Законе «Об основных гарантиях...» 1994 г. отмена регистрации кандидатов и списков партий допускалась лишь в случае антиконституционных призывов в ходе агитации, то принятые в 1997 г. поправки предусматривали более широкий перечень, в том числе нарушения кандидатами правил политического финансирования. Более четкие основания были предусмотрены и для отказа в регистрации кандидатов и списков кандидатов, а ряд норм из-за опасения злоупотреблений подвергся пересмотру. В частности, сбор подписей избирателей при выдвижении кандидатов позволял отказать в регистрации едва ли не любому участнику выборов по формальным основаниям; взамен его было введено внесение избирательного залога, не оставлявшее места для произвола при регистрации. Об изменении ситуации говорит количественный анализ споров вокруг регистрации кандидатов в ходе думских выборов 1999 г. в решениях судов не было выявлено значимой политической мотивации, хотя избирательные комиссии были более лояльны по отношению к «партии власти»³⁰. В 2002–2003 гг. Дума установила исчерпывающий перечень оснований для отказа в регистрации кандидатов или ее отмены, как и перечень оснований для отмены итогов голосования, но на деле ряд норм либо можно было легко обойти, либо они служили дополнительным стимулом для селективного наказания кандидатов за реальные или мнимые нарушения законов³¹. Кроме того, перечень нарушений законов, попадавших под санкции, включал в себя и такие сомнительные позиции, как недостоверные сведения о доходах и имуществе кандидатов, выход из состава партийного списка одного из трех ведущих кандидатов (позднее эта норма была отменена Конституционным судом). Сама по себе угроза применения санкций со стороны избирательных комиссий и судов в этой связи также служила частью «меню манипуляций».

29. Gel'man, Ryzhenkov and Brie. *Op. cit.* – P. 121.

30. M. Popova. *Watchdogs or attack dogs: The role of the courts and the CEC in electoral registration disputes associated with the 1999 Russian State Duma elections. Paper presented at the conference «Moving beyond transition». University of Toronto, 5–7 February 2004.*

31. См.: Прибыловский. Указ. соч. – С. 10–11.

Завершение цикла институциональных изменений в 2000-е годы ясно обозначило пределы электоральных реформ и в этой сфере. С одной стороны, сомнительные основания для санкций были исключены, а сроки их вынесения – пересмотрены (в частности, введен запрет на отмену регистрации кандидатов и партийных списков за пять дней до дня голосования). С другой стороны, закон о политических партиях дает государству (в лице Министерства юстиции) широкие основания для контроля над партиями, включая возможности отмены их регистрации не только в ходе кампании, а в любой момент. Таким образом, вопрос о возможности смены власти в результате выборов в России после более чем десяти лет электоральных реформ по-прежнему остается открытым.

Как видно, выбор институтов на начальной стадии реформ, обусловленный сочетанием идеологий и интересов акторов, во многом предопределил их дальнейшую эволюцию. В то время как «дыры» в законах частично могли быть устранены (не всегда успешно), заметные лакуны и умолчания оставляли возможность действия неформальных институтов. Поскольку последние оказывались полезными для сохранения статус-кво, постольку они могли даже закрепляться в формальных нормах, либо (в противном случае) отбрасываться за ненадобностью и заменяться другими неформальными институтами. При этом влияние политических ресурсов на ход институционального строительства было опосредованным. Если «наследие прошлого» в известной мере формировало идеологию акторов, игравшую немалую роль при выработке курса реформ, то снижение роли государства становилось заметным на стадии реализации норм (в частности, при селективном их применении). Структурные ограничения задавали рамки выбора и внедрения институтов избирательного процесса, но конкретные варианты реформ все же зависели и зависят от действий акторов. Сегодня с окончанием периода неопределенности исчерпаны их интересы в дальнейших институциональных изменениях в данной сфере. Но остается открытым вопрос, каковы перспективы достигнутого сегодня в российской политике равновесия формальных и неформальных институтов (с преобладанием последних)?

Вместо заключения

Отмечая преобладание неформальных институтов, следует иметь в виду, что по мере развития институтов роль действий акторов, их идеологии, интересов и информации, скорее всего, снижается по сравнению с долгосрочными эффектами структурных факторов. И все же этих воздействий не следует недооценивать. Пока трудно сказать, в какой мере неформальные институты могут сформировать основы устойчивости политического режима в России или, напротив, создать условия для его кризиса или даже краха. Не исключено, что завершение цикла институциональных изменений в середине первого десятиле-

тия 2000-х годов может стать началом цикла новых реформ, которые будут направлены на подрыв неформальных институтов. Но пока не вполне ясны внутривнутриполитические источники возможного поворота к преобладанию формальных институтов в сегодняшней России. Ни соотношение сил политических акторов, ни их идеологии и интересы, ни тенденции восстановления административного потенциала российского государства на фоне его низкой автономии не способствуют такому повороту. Поэтому «неформальная институционализация», скорее всего, имеет шанс оставаться не временным «дефектом» постсоветских демократий (в смысле отклонения от «правильного» пути развития)³², а долгосрочной и принципиальной чертой российского политического режима в целом и электоральной политики в России в частности.

32. Подробнее см.: Merkel., Croissant. – *Op. cit.*

А.С.Беспалов

ПОЛЬША И «ОРАНЖЕВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» НА УКРАИНЕ

**Беспалов Антон Сергеевич – аспирант
ГУГН, сотрудник агентства международной
информации РИА «Новости».**

Политический кризис на Украине, вызванный нарушениями в ходе второго тура президентских выборов в ноябре 2004 г., имел особое значение для Польши. Одной из целей польской внешней политики после распада СССР было установление тесных отношений с Украиной, укрепление ее независимости для создания противовеса России на постсоветском пространстве. Однако Украина проводила двузначную политику на международной арене, одновременно декларируя желание укрепления связей с Россией и интеграции с евроатлантическими структурами, не предпринимая при этом на практике последовательных шагов для достижения какой-либо из этих целей. Массовые протесты против пророссийского кандидата власти В. Януковича и прозападная ориентация украинской оппозиции, возглавляемой В. Ющенко, были восприняты в Польше как реальный шанс на переориентацию Украины на Запад и осуществление, таким образом, задачи, считающейся ключевой для обеспечения национальной безопасности Польши. В этом – одна из причин, по которым Польша поддержала украинскую «оранжевую революцию» гораздо активнее, чем другие европейские страны.

Участие Польши в разрешении политического кризиса выражалось прежде всего в посреднической миссии президента Квасьневского, которая способствовала достижению решения о проведении третьего тура выборов. Между тем параллельно с волнениями в Киеве, проходили манифестации в поддержку украинской оппозиции в Варшаве и других польских городах, а группы сторонников «оранжевой революции» отправлялись из Польши на Украину. Украину также посетили некоторые польские политики, которые, в отличие от Квасьневского, выполнявшего роль посредника, прибывали исключительно для выражения солидарности с оппозицией. Таким образом, в Польше был достигнут широкий консенсус между властью, большей частью общества и основными политическими силами – параллелью этой ситуации в современной российской истории может послужить единодушная реакция общественности на начало бом-

бардировок Югославии самолетами НАТО в 1999 г. Причины возникновения этого консенсуса рассматриваются в данной статье наряду с непосредственным участием Польши в украинских событиях и их воздействием на внутривнутриполитическую жизнь этой страны и ее позиции на международной арене.

1. Предыстория: Польско-украинские отношения после 1991 г.

Необходимость установления отношений с непосредственными соседями Польши на востоке и поддержки их стремлений к независимости была обоснована деятелями польской эмиграции (прежде всего, из круга журнала «Kultura» – Е. Гедройцем, Ю. Мерошевским) и антикоммунистической оппозиции (в наиболее явной форме – авторами подпольного журнала «Niepodległość»¹). Сторонники этого подхода считали, что для Польши независимость Украины от России важнее, чем возвращение потерянных «восточных кресов» (территорий современной Литвы, западной Украины и Беларуси). Как отмечает В. Зайончковский, в 50-е годы большинство представителей эмиграции посчитали бы такой подход «одновременно революционным и скандальным»². Сегодня вопроса о территориальных претензиях не существует, но миф о «кресах» как «потерянном рае» Польши активно культивируется³, а для поколения репатриированных Львов по-прежнему остается польским городом⁴. Однако эти эмоции, выход которым был дан после 1989 г., не определяли лицо польской политики в отношении Украины (за исключением вопроса о кладбище «львовских орлят»⁵):

1. См.: Mieroszewski J. *Rosyjski «kompleks polski» i obszar ULB* // Mieroszewski J. *Final klasycznej Europy*. – Lublin, 1997. – S. 352–361; Morfeusz Leszek (Targalski J.). *Polacy wobec kwestii wschodniej* // *Niepodległość*. W-wa, 1983. – № 18–19.

2. Зайончковский В. Восточная Европа в польской дипломатии // *Pro et Contra* – М., 1998. – Том 3. – № 2. – С. 39.

3. С критикой этого мифа постоянно выступает французский историк Д. Бовуа (см.: *Demokracji szlacheckiej nie było. Rozmowa z Danielem Beauvois* // *Gazeta Wyborcza* 27.01.2006, *Kresomania. Rozmowa z prof. Danielem Beauvois* // *Tygodnik Powszechny* 20.03.2006).

4. Так, известный писатель Станислав Лем на вопрос о своем отношении к передаче Львова Украине отвечает: «Львов был польским городом, в котором я родился и провел свою молодость. Я чувствую себя изгнанным оттуда: моя семья потеряла все свое имущество, и в сорок шестом году оказалась в Кракове без средств к существованию» // <http://www.inosmi.ru/press/224888.html>

5. Поляки добивались разрешения украинских властей на восстановление кладбища юных защитников Львова (от украинских вооруженных формирований в ноябре 1918 г.) с памятной надписью «Солдатам, геройски погибшим в борьбе за Львов». В мае 2005 г. было принято удовлетворившее обе стороны решение об открытии кладбища с «компромиссной» надписью «Здесь лежит польский солдат, погибший за Отчизну».

каждое польское правительство выступало за укрепление связей с Украиной, прямо или косвенно подтверждая приверженность идеям Гедройца-Мерошевского.

Польско-украинские политические контакты начались после провозглашения Украиной независимости 24 августа 1991 г. Польша стала первым государством, признавшим ее независимость (сразу же после объявления результатов референдума 1 декабря 1991 г., на котором была одобрена декларация независимости). Тогдашний премьер-министр Белецкий позже оценил этот шаг как «самый большой предмет гордости для нашего правительства: что-то нам удалось сделать первыми в мире»⁶. В последующие годы Польша стремилась играть роль «фактора, стимулирующего проевропейскую ориентацию во внешней политике Украины»⁷, способствуя, в частности, вступлению Украины в Центрально-Европейскую Инициативу и Совет Европы (1994) и приветствуя расширение ее сотрудничества с НАТО. Кроме того, был осуществлен ряд проектов в области образования, регионального, военного и энергетического сотрудничества. Однако в годы президентства Л. Кравчука и особенно Л. Кучмы подобные инициативы «уравновешивались» мерами, направленными на интеграцию в рамках СНГ, что часто вызывало раздражение польских партнеров. Тем не менее в эти годы интенсивно развивалось двустороннее сотрудничество, прежде всего в экономической области. Польские фирмы наращивали присутствие на украинском рынке, а тысячи граждан Украины легально и нелегально работали в Польше⁸. Осуществлялся и обмен в области образования, причем студенты из Украины обучались, в частности, в учебных заведениях «восточной» направленности и на специализированных «восточных» программах.

К 2004 г. политические отношения между Польшей и Украиной вошли в стадию стагнации, прежде всего в силу того, что накануне президентских выборов команда Кучмы сделала ставку на союз с Россией. Кроме того, рост авторитарных тенденций в политике украинского президента и громкие внутривнутриполитические скандалы поставили страну на грань международной изоляции. При этом отношение польских властей к украинской оппозиции было весьма скептическим. Как отмечали корреспонденты «Газеты Выборчей», «за несколько месяцев до выборов польское посольство в Киеве присылало в Варшаву аналитические материалы, из которых следовало, что украинские демократы – это выделившаяся из общества элита, а ее шансы на приход к власти так же малы,

6. Strzelczyk J. *Ucieczka ze Wschodu*. – W-wo 2003. – S. 278.

7. Bartkiewicz J. *Stosunki z Rosją, Ukraina i Białorusią* // *Rocznik polskiej polityki zagranicznej* 1993.

8. По данным журнала *Przegląd*, «в сезон в Польше может нелегально работать до 1,5 млн. украинцев (*Złota rączka z Ukrainy* // *Przegląd*, 5.09.2005).

как и у либералов в России⁹. После первого тура выборов польский аналитик выражал сомнение в том, что у Украины есть шанс на бескровную революцию и победу оппозиции, и предполагал, что «скорее, киевская площадь Независимости превратится во второй Тяньаньмэнь»¹⁰.

2. Вовлечение Польши в события на Украине

В первом туре президентских выборов, состоявшемся 31 октября, победу с незначительным перевесом одержал В. Ющенко (окончательные результаты были опубликованы 10 ноября). Вскоре появляется информация о массовых нарушениях в ходе выборов – Ющенко утверждает, что у него украли миллион голосов, а Государственный департамент США помещает в свой «черный список» ряд высокопоставленных украинских чиновников, обвиняя их в организации подтасовок. В свою очередь, 13 ноября президент Кучма снимает с должности руководителей областей, в которых победил кандидат оппозиции. Между тем, 5 ноября лидеры стран Европейского союза принимают резолюцию по вопросу Украины, призывающую украинские власти к проведению второго тура выборов в соответствии с демократическими стандартами¹¹. Как подчеркивали польские СМИ, эта резолюция стала возможной исключительно благодаря давлению Польши на Брюссель.

Накануне второго тура выборов, назначенного на 21 ноября, перед посольством Украины в Варшаве по инициативе студенческого движения «Wolna Ukraina» прошла первая в Польше манифестация с требованием «проведения честных выборов». В Киеве тем временем проходит массовый (до 200 тыс. человек) митинг сторонников Ющенко, а на площади Независимости разбивается их палаточный лагерь.

Международные наблюдатели отметили в ходе выборов многочисленные нарушения. На следующий день президент России первым поздравил В. Януковича с победой, в то время как ряд украинских регионов признал победителем В. Ющенко. 23 ноября Ющенко принес президентскую присягу, не дожидаясь официального объявления результатов выборов. Оно состоялось на следующий день: ЦИК Украины объявил об избрании президентом В. Януковича, получившего 49,46% голосов (по тем же данным Ющенко набрал 46,61%). Ряд международных организаций и институтов, в том числе НАТО, Европейский парламент, Европейская комиссия, а также Госдепартамент США не признали официальных итогов выборов.

9. *Zakulisowa historia rewolucji* // *Gazeta Wyborcza*, 03.04.05.

10. *Azja wita Ukrainę* // *Wprost* 22.11.2004.

11. *UE: popraw się Ukraino!* // <http://www.wprost.pl/ar/?O=69872&C=39118>

В Варшаве 23 ноября состоялась демонстрация перед зданием Сейма, участники которой потребовали у польских парламентариев «занятия ясной позиции по отношению к событиям на Украине»¹². В тот же день перед украинским посольством состоялась манифестация, организованная партией «Гражданская платформа», в которой приняли участие, помимо ее лидеров, представители партий «Право и справедливость», «Польская социал-демократия» и другие политики, в том числе бывший премьер-министр Е. Бузек и бывший кандидат в президенты Л. Мочульский. Манифестация состоялась под лозунгами «Украина без Путина» (*Ukraina bez Putina*), «Киев – Варшава общее дело» (*Kijów, Warszawa – wspólna sprawa*)¹³. Студенческие манифестации проводились ежедневно в течение месяца, в том числе трижды на территории главного кампуса Варшавского университета. В кампанию по поддержке «оранжевой революции» включились университетские власти, впервые в истории вывесившие над воротами университета украинские флаги (с оранжевыми лентами). 27 ноября перед зданием российского посольства в Варшаве состоялся митинг в поддержку демократии на Украине и против российского вмешательства в ход выборов¹⁴. 4 декабря демонстрации в поддержку «оранжевой революции» состоялись одновременно в Варшаве, Кракове, Люблине, Ольштыне, Гданьске и Пшемьсле. Группы поддержки двинулись из Польши на Украину (главным образом, в Киев и во Львов). На этом фоне в события на Украине включились и польские власти.

Следует отметить, что инициатива по официальному привлечению польских властей к решению разгоравшегося политического кризиса принадлежала Кучме, который 23 ноября вступил в контакт с Квасьневским, стремясь объяснить ему свою позицию. Однако тот дал понять, что не намерен закрывать глаза на подтасовки в ходе выборов, но вместе с тем предложил свою помощь в разрешении конфликта. Вечером того же дня Квасьневскому позвонил В. Ющенко, попросив его выступить в роли посредника. На следующий день в Киев для подготовки визита президента прибыла польская делегация в составе Я. Ключковского (руководитель советников премьер-министра), С. Чосека (сотрудник канцелярии президента, бывший посол в Москве), Г. Шлайфера (директор департамента Америки в МИДе), В. Зайончковского (директор департамента Вос-

12. *Pomarańczowo na Krakowskim, czyli Uniwersytet Warszawski podczas pomarańczowej rewolucji na Ukrainie* // http://www.uw.edu.pl/pl.php/kwart/kwart_0501/pomarancz.html

13. *Polacy razem z Ukraińcami* // <http://www.wprost.pl/ar/?O=70481>

14. Советник-посланник посольства РФ в Польше Владимир Седых охарактеризовал эту акцию как «антироссийский фарс» – причиной тому послужило, по-видимому, преобладание на митинге флагов чеченских сепаратистов над украинскими. См.: В Варшаве перед зданием посольства РФ прошла антироссийская акция // http://www.rian.ru/rian/intro.cfm?news_id=745464

точной Европы) и О. Иваняк (советник премьера по делам Украины)¹⁵. 25 ноября в Варшаву прибыл помощник Ющенко, бывший министр иностранных дел Б. Тарасюк, сделавший в Сейме заявление, в котором попросил польские власти не признавать официальные результаты выборов, а бывший польский президент Л. Валенса отправился в Киев, чтобы поддержать митингующих «своим моральным авторитетом».

26 ноября в Киев прибыли А. Квасьневский, В. Адамкус и Х. Солана. Как подчеркивал бывший польский президент, участие представителя ЕС (несмотря на первоначальное отсутствие энтузиазма с его стороны) было необходимо для того, чтобы посредническая миссия не выглядела польской акцией. В интервью «Тыгоднику Повсехному» от 16 января 2005 г. А. Квасьневский заявил, что не может быть более ошибочного суждения, чем появившиеся «в некоторых столицах» утверждения о том, что «Оранжевая революция – это, по сути дела, российско-польская война за Украину¹⁶». Кроме вышеупомянутых официальных лиц на Украину прибыла делегация Сейма в составе маршала Ю. Олексы, вице-маршала К.М. Уяздовского (партия «Право и справедливость»), руководителя фракции СЛД К. Яника, лидера партии «Польская социал-демократия» М. Боровского и А. Мацеревича из Католическо-национального движения¹⁷. Таким образом, представители соперничающих партий впервые после 1989 г. оказались по одну сторону баррикад. Большая часть польских СМИ также выступила в поддержку украинской оппозиции. Диссонансом на этом фоне выглядела позиция крайне левых и крайне правых политических сил. С резкой критикой «оранжевой революции» выступили газеты «Nie» (главный редактор – Ежи Урбан) и «Trybuna» (неофициальный орган СЛД), а также газета неояндеков¹⁸ «Mysl Polska». Тем временем, члены национал-католической партии «Лига польских семей» распространяли в Совете Европы листовки, осуждающие «оранжевую революцию».

На консультациях «круглого стола» с участием В. Ющенко, В. Януковича и международных посредников (в том числе представителей России и ОБСЕ), состоявшихся 26 ноября в Киеве, было принято решение о создании рабочей группы по разрешению кризисной ситуации. 27 ноября украинский парламент принял резолюцию, в которой признал, что второй тур выборов прошел с массовыми нарушениями, а его результаты не отражают воли избирателей. 29 ноября президент Кучма высказался за повторное проведение выборов, в то вре-

15. *Zakulisowa historia rewolucji* // *Gazeta Wyborcza*, 03.04.05.

16. *Krajobraz po sasiedzkiej rewolucji* // *Tygodnik Powszechny* 16.01.2005.

17. *Wyborczy bis* // *Trybuna* 29.11.2005.

18. Эндек (endecy) – сторонники Р. Дмовского и его национал-демократического движения (первая треть XX в.).

мя как оппозиция потребовала повторения второго тура. С требованием повторения второго тура выступил 2 декабря и Европейский парламент. 3 декабря решение о повторном проведении второго тура принял Верховный суд Украины, назначив их на 26 декабря, как предлагали международные посредники. 8 декабря были приняты поправки к Конституции, ограничивающие полномочия президента в пользу премьер-министра и парламента. В результате повторного голосования президентом Украины был избран В. Ющенко, получивший, согласно официальным результатам, обнародованным 10 января, 51,99% голосов. Янукович (отправленный Кучмой в отпуск 7 декабря после отказа уйти в отставку) набрал 44,20% голосов. 31 декабря Янукович заявил о своей отставке, а 5 января ее принял президент Кучма. 23 января 2005 г. В. Ющенко вступил в должность Президента Украины, официально принеся президентскую присягу.

3. Оценки «оранжевой революции» и ее международные последствия для Польши

Как отмечалось в начале этой статьи, стратегическое видение отношений с Украиной было присуще польской внешней политике с момента распада СССР. За упрочение независимости этой страны и поддержку прозападных тенденций в ее политике выступало большинство политических сил, а то, что победа проевропейского кандидата на украинских выборах соответствовала объективным интересам Польши, признает даже такой критик современной польской политической системы, как Е. Урбан¹⁹. Поэтому победа «оранжевой революции», воспринимаемая как выбор украинским народом западного пути развития, была признана ключевым событием для Польши в международном плане. Однако польские наблюдатели событий на Украине и их непосредственные участники с польской стороны разошлись во мнениях относительно значимости польского вклада в разрешение кризиса. По мнению А. Квасьневского, успех польской миссии был обеспечен «последовательной политикой Третьей Речи Посполитой по отношению к Украине²⁰». Эту позицию не разделяет публицист М. Лэнтовский (бывший заместитель главного редактора газеты «*Życie*», ранее директор зарубежного вещания Польского радио), утверждая, что «помощь оранжевой революции не была увенчанием многолетнего труда польской дипломатии». По его мнению, «она была спонтанной реакцией»²¹.

В пользу мнения Квасьневского говорит прежде всего то, что еще в годы правления Кучмы были установлены доверительные отношения между ним и

19. *Ответы Урбана читателям ИноСМИ* // <http://www.inosmi.ru/press/218360.html>

20. *Krajobraz po sąsiedzkiej rewolucji* // *Tygodnik Powszechny* 16.01.2005.

21. *Moskwa nie wierzy łzom* // *Rzeczpospolita* 30.04-1.05.2005.

рядом ведущих украинских политиков, оказавшихся в 2004 г. по разные стороны баррикад. Именно поэтому и те и другие согласились с тем, чтобы он возглавил посредническую миссию. В то же время подмена твердой и последовательной внешней политики личными дипломатическими контактами стала, по мнению наблюдателей, одной из причин падения популярности Квасьневского. Между тем, другие польские политики, прибывшие в Киев, демонстрировали свою готовность к решительным действиям в поддержку прозападной ориентации Украины, давая этим понять, какой будет восточная политика Польши после их победы на грядущих выборах – многим уже тогда поражение левых казалось очевидным.

В этой связи представляется необходимым воспроизвести доминировавшее в дискурсе польских СМИ и политиков видение событий на Украине, а также перспектив отношений с Россией и другими постсоветскими государствами в свете «оранжевой революции». С самого начала политического кризиса на Украине в польских СМИ была заметна тенденция рассматривать его в цивилизационных категориях. Это перекликалось с риторикой ряда украинских оппозиционеров. Так, накануне выборов помощник Ющенко Б. Тарасюк (ныне – министр иностранных дел) заявил, что «результаты выборов на долгие годы определяют, какую модель развития выберет Украина. Западную и европейскую или азиатскую и пророссийскую»²². По мнению комментаторов «Газеты Выборчей» М. Босацкого и М. Войцеховского, победа кандидата власти означала бы для Польши «катастрофу – Запад окончательно поставил бы на Украине крест, а новая власть в Киеве была бы в полной зависимости от Москвы»²³. В комментарии журнала «Wprost» от 22 ноября 2004 г. было заявлено, что «в этот день граница между Европой и Азией передвинулась с Уральских гор на польско-украинское пограничье»²⁴.

Однако массовая поддержка оппозиции стала для поляков знаком «европейского выбора» Украины. По мнению европарламентария и бывшего министра иностранных дел Польши Б. Геремека, «нет вопроса, должна ли Украина войти в Евросоюз. Вопрос лишь в том, когда это должно произойти»²⁵. Герemek выразил также ставший распространенным взгляд о том, что «оранжевая революция» подтвердила европейскую идентичность страны, став «актом основания новой Украины – настоящим и впервые в таком масштабе аутентичным»²⁶. Новым актом утверждения независимости Украины от России считает «оранжевую революцию» и руководитель Третьей программы Польского радио

22. *Kasztanowa rewolucja* // *Gazeta Wyborcza* 30.10. – 01.11.2004.

23. *Zakulisowa historia rewolucji* // *Gazeta Wyborcza*, 03.04.05.

24. *Azja wita Ukrainę* // *Wprost*, 22.11.2004.

25. *Miejsce Ukrainy jest w Europie* // *Gazeta Wyborcza* 25.11.2004.

26. *Там же*.

В. Ляковский, поддерживающий тезис о перерождении «ранее пребывавшего в маразме “советского человека” в сознательного члена новой национальной общности»²⁷. По его мнению, едва ли не единственной страной бывшего СССР, где «homo sovieticus» не прошел эволюции, является Россия, игравшая в украинских событиях роль «азиатского полюса». В связи с этим характерна была интерпретация событий на Украине как освобождения украинского народа от «ярма с востока» (газета «Metro»). Об этом свидетельствовали и настроения, царившие на митинге у российского посольства (см. выше). По-видимому, в Польше такая интерпретация была более распространена, чем на самой Украине (о чем свидетельствуют результаты социологического опроса, проведенного в Киеве в декабре 2004 г., не выявившие ярких антироссийских настроений у сторонников Ющенко²⁸).

«Оранжевая революция» была поставлена в один ряд со свержением режимов Милошевича в Югославии и Шеварднадзе в Грузии. Аналитики предсказывали распространение революционной волны по всему постсоветскому пространству, имея в виду прежде всего авторитарные режимы Средней Азии и Беларуси. Что касается возможности повторения украинского сценария в России, то мнения разделились. В. Ляковский убежден, что ничего подобного украинской «оранжевой революции» в России не произойдет, прежде всего, в связи с законсервированной там психологией «homo sovieticus». Напротив, М. Лэнтовский подчеркивает, что Польша должна «убеждать Россию в том, что не стоит вести имперскую политику, путем поддержки демократических движений в этой стране и на территории бывшего СССР» и призывает «делать, все, что в наших силах, чтобы приблизить день, когда оранжевая революция победит и в Москве». По его мнению, новое правительство и президент Польши, представляющие правый лагерь, должны будут «стимулировать неправительственные организации к тому, чтобы те приглашали в Варшаву российских демократов, налаживали контакты с общественными организациями на Востоке... Важнейшей задачей нашей восточной политики является укрепление свежей независимости Киева. Следующей будет подготовка почвы для оранжевой революции в Минске. Потому что Россия без Беларуси – лучше, чем Россия с Беларусью»²⁹ (здесь М. Лэнтовский перефразирует высказывание А. Квасьневского о том, что «Россия без Украины лучше, чем Россия с Украиной»³⁰).

27. *Pomarańczowe domino? // Wprost*, 23.01.2005.

28. *Raport z badań Kijów grudzień 2004 (Bibliotheca Europae Orientalis Tom XXIII)*. – Warszawa, 2005.

29. *Moskwa nie wierzy łzom // Rzeczpospolita* 30.04-1.05.2005.

30. «Для каждой великой державы Россия без Украины – лучшее решение, чем Россия с Украиной», – заявил А. Квасьневский, назвав эту позицию «американским тезисом» (см. *Polityka*, 18.12.2004).

Главным негативным последствием поддержки «оранжевой революции» стало, по единодушному мнению польских аналитиков, охлаждение в польско-российских отношениях: все инциденты, последовавшие в двусторонних отношениях после событий на Украине, оценивались польскими наблюдателями как реакция России на участие в них Польши. По их мнению, это стало ценой, которую Польше пришлось заплатить за поддержку демократии на Украине. Видный специалист по бывшему СССР Б. Сенкевич (бывший заместитель директора Центра восточных исследований) заметил по этому поводу: «Волей-неволей, поддержав оранжевую революцию по велению сердца и разума, веря, что демократия лучше постсоветского авторитаризма, мы выбрали курс столкновений с политикой Кремля (...) надо было это осознавать и быть готовыми к трудным временам в отношениях с Россией»³¹. В статье «Россия и ее страхи», написанной почти через год после украинских событий, тот же автор связывает почти все события в польско-российских отношениях в 2005 г. с поддержкой, оказанной Польшей «оранжевой революции». «Всем известно, что было после [“оранжевой революции”]: прекращение следствия по катынскому делу в годовщину геноцида, исключение Польши из числа гостей на торжества по случаю 750-летия Крулевца (польское название Кенигсберга / Калининграда. – А.Б.), приглашение Ярузельского на празднование годовщины окончания войны, избиение польских дипломатов и журналиста в Москве, атака Лукашенко на польское меньшинство в Беларуси. Этот список продолжится», – писал Б. Сенкевич³².

Вместе с тем, многие обозреватели отмечали, что активное участие Польши в разрешении украинского кризиса укрепило ее авторитет на Западе, что должно способствовать достижению еще одной ключевой цели польской внешней политики: Варшава стремится убедить Запад в своей способности отвечать за восточную политику всего Европейского союза. Кроме того, Польша продемонстрировала Соединенным Штатам свою готовность участвовать в «продвижении демократии», являющемся одним из приоритетов администрации Дж. Буша.

При этом характерна оценка, данная польскими СМИ и политиками позиции Запада по украинскому вопросу. Бывший министр иностранных дел Б. Геремек подчеркивал, что лишь США заняли однозначную позицию по поводу фальсификации выборов на Украине³³. Реакция западноевропейских стран была сдержанной: ЕС и ОБСЕ выразили свою обеспокоенность многочисленными нарушениями в ходе выборов, но ключевые страны – члены ЕС воздержались от активных действий. Так, Франция, не желая провоцировать Россию, заняла,

31. *Cena pomarańczy* // *Newsweek Polska* 23.01.2005.

32. *Sienkiewicz B. Rosja i jej lęki* // *Znak*, 11.2005.

33. *Miejsce Ukrainy jest w Europie* // *Gazeta Wyborcza* 25.11.2004.

как писала газета «Фигаро», реалистическую позицию и критически оценивала все попытки вмешательства в ситуацию на Украине извне, в том числе из Польши³⁴. В свою очередь, немецкий аналитик К.-О. Ланг заявил, что «Германия не пойдет слишком далеко, не принесет в жертву свои отношения с Россией на алтарь Украины (...) Ни Шрёдер, ни ЕС не будут ставить в зависимость от украинского вопроса свое сотрудничество и диалог с Россией в иных областях»³⁵. Ранее, касаясь отношения Германии к польской восточной политике, тот же аналитик подверг критике принцип «сначала Украина», подчеркнув, что «потенциал Польши (...) будет в полной мере использован лишь тогда, когда ее отношения с Россией будут соответствовать основным целям ЕС, а отношения с Украиной и Россией не будут восприниматься как конкурирующие между собой»³⁶. В связи с возможными разногласиями между Польшей и ее основными европейскими партнерами А. Квасьневский заявил, что принял решение закончить свою миссию «независимо от цены, которую придется заплатить, и наверняка не в одной столице». Вместе с тем, по его мнению, в критике активности Польши содержится и доля уважения, понимание того, что «Польша – не просто одна из новых стран, которые устроят свои офисы в Брюсселе, не зная еще, как себя в этом кругу вести». «Критикуют нас или хвалят – это хорошо, это значит, что нас вообще замечают», – заявил он³⁷.

Бывший президент Польши считает, что вовлечение Запада (ЕС, ОБСЕ) в процесс урегулирования политического кризиса на Украине стало одним из важнейших успехов польской дипломатии. В связи с этим некоторые аналитики призвали польское руководство более активно привлекать внимание Запада к ситуации в других странах бывшего СССР, прежде всего в России и Беларуси. По мнению Б. Сенкевича, Россия занялась распространением за свои границы антидемократических «вирусов», что непосредственно угрожает польским интересам. Сенкевич задается вопросом: «не настала ли пора сильнее выражать решительную обеспокоенность стандартами демократии и прав человека в России?»³⁸. В свою очередь, М. Лэнтовский замечает, что Польша должна формировать восточную политику Европейского союза, «проталкивая» важные для себя вопросы через Брюссель. «Будем использовать все инструменты давления, связанные с членством России в Совете Европы (...) Наша восточная политика

34. *Le spectre de la partition hante la Pologne* // *Le Figaro* 02.12.2004.

35. *Moskwa dla Berlina ważniejsza od Kijowa* // *Gazeta Wyborcza* 26.11.2004.

36. Lang K.-O, «Skazani na siebie?» Szanse i zagrożenia polsko-niemieckiego partnerstwa w euroatlantyckiej polityce bezpieczeństwa // *Nowy członek «starego» Sojuszu. Polska jako nowy aktor w euroatlantyckiej polityce bezpieczeństwa.* – Warszawa 2002. – S. 227.

37. *Krajobraz po sąsiedzkiej rewolucji* // *Tygodnik Powszechny* 16.01.2005.

38. *Sienkiewicz B. Eksportowy towar Putina* // *Gazeta Wyborcza* 25.11.2004.

должна быть по форме европейской, а по содержанию ягеллонской», – заявляет он³⁹.

«Оранжевая революция» оказала влияние и на внутривнутриполитическую жизнь Польши, вызвав невиданную после 1989 г. волну энтузиазма. Б. Сенкевич считает ее звеном одной цепи с такими событиями польской истории, как Варшавское восстание 1944 г., первое паломничество папы Иоанна Павла II в Польшу и движение «Солидарности». По его мнению, тогда полякам «было дано познать блеск свободы, вызывающей к политическому единению всех ее граждан, а потому ненавистной для ее врагов (...) Когда казалось, что это пламя навсегда угасло, а молодым полякам осталось лишь ожидать очередных постановлений бюрократов, которые руководят государствами, исходя из холодного приземленного расчета, случилась Украина. Да, масштаб был несоизмерим с вышеупомянутыми великими моментами истории, но все же в те дни наступило неконтролируемое восхищение свободой. На этот раз тем, чтобы давать свободу другим, поддерживать тех, кто в ней нуждается. В Польше быстро заметили, что мы чувствуем себя лучше с оранжевыми ленточками, будто упоение нашей свободой можно превратить в мечты других. Это тысячи молодых людей, вышедших в мороз на улицы польских городов, тысячи молодых поляков на Украине и, наконец, участие всей польской государственной машины в украинских делах»⁴⁰.

4. Отношения Польши с соседями после «оранжевой революции»

К марту 2006 г. в политической жизни Украины произошел ряд драматических событий, коренным образом изменивших представления о будущем «оранжевой революции». Распалась коалиция, пришедшая к власти в 2004 г., был отправлен в отставку кабинет Ю. Тимошенко, обвиненной президентом в «экономическом авантюризме», резко упал рейтинг В. Ющенко, а партия В. Януковича получила шанс стать фаворитом грядущих парламентских выборов. Политика Украины на международной арене не стала однозначно прозападной – что отчасти связано с резким неприятием Европейским союзом идеи о скорейшем включении Украины в список кандидатов в члены ЕС. Между тем польско-украинские отношения остаются теплыми, несмотря на то, что в польских СМИ усиливается критика в адрес В. Ющен-

39. *Moskwa nie wierzy łzom // Rzeczpospolita 30.04–1.05.2005. Говоря о «ягеллонской» политике, автор имеет в виду планы Ю. Пилсудского и его сторонников по созданию федерации народов бывшей Речи Посполитой, которые противопоставлялись курсу национал-демократов, возглавляемых Р. Дмовским, на создание моноэтнического польского государства.*

40. *Sienkiewicz B. Rosja i jej lęki // Znak, 11.2005.*

ко и особенно Ю. Тимошенко (по-прежнему последовательно в защиту идеалов «оранжевой революции» выступает, пожалуй, лишь газета «Тыгодник повшехны»).

Важные события произошли и в политической жизни Польши, главным из которых была победа правоконсервативной партии «Право и справедливость» на парламентских и президентских выборах. Последствия этого для Польши оказались несколько неожиданными. Партия, возглавляемая братьями Качиньскими, получила в свои руки беспрецедентный объем властных полномочий, отказавшись вступить в коалицию с либеральной партией «Гражданская платформа», занявшей второе место на выборах (лидеры обеих партий активно выступали в поддержку «оранжевой революции»). Отказавшись от сотрудничества с либералами и вступив в переговоры о коалиции с ультраправыми и популистскими партиями, партия братьев Качиньских восстановила против себя практически все влиятельные польские СМИ и вызвала резкое падение репутации Польши на Западе⁴¹. Этому также способствовали протекционистские шаги и антиевропейские высказывания нового польского руководства.

Однако из этого не следует, что отношения Польши со странами – лидерами ЕС и Украиной подверглись радикальным изменениям. В ходе российско-украинского спора о ценах на газ Польша не только выразила солидарность с Украиной, но и усилила давление на партнеров по ЕС с целью выработки единой энергетической политики. Несмотря на то, что подобные призывы раздавались уже давно, Европа оказалась готова к подобному шагу лишь после того, как на несколько дней были сокращены поставки российского газа, поступающего через территорию Украины. Наряду со странами Балтии Польша является самым активным противником энергетической экспансии России в Европу и будет продолжать свои усилия по созданию единого подхода ЕС к отношениям с российскими энергетическими корпорациями. Вместе с тем, как это ни парадоксально, в начале 2006 г. польские СМИ отмечали «потепление» в отношениях с Россией⁴², связывая его с жесткой политикой нового руководства,

41. *Poland's disenchanted killed off* «New Europe» // *The Guardian*, 28.10.2005.

42. Этому способствовали, во-первых, слова В. Путина на пресс-конференции 31 января 2006 г. об «огромном уважении» к Польше «за ее вклад в мировую культуру, за ее вклад в мировую экономику, за ее вклад в сегодняшние дела в Европе и в мире» и, во-вторых, визит помощника президента Сергея Ястржембского в Варшаву в феврале 2006 г. по приглашению министра иностранных дел Польши и бывшего посла в Москве С. Меллера. Впрочем, оптимистические оценки состояния польско-российских отношений сменились пессимистическими уже в начале марта – после заявлений, сделанных российским президентом в Будапеште и Праге, в которых он признал «моральную ответственность России» за вторжение СССР в Венгрию в 1956 г. и в Чехословакию в 1968 г., а также отказ Главной военной прокуратуры признать расстрелянных в Катыни жертвами сталинских репрессий.

сумевшего, по их мнению, показать России, что Польша – серьезный игрок на международной арене.

Новое польское руководство подтверждает свою приверженность «продвижению демократии» на постсоветском пространстве. В настоящее время главным объектом демократизации является для него Беларусь. В 2005 г. благодаря усилиям Польши было принято решение о финансировании Европейским союзом независимой радиостанции, вещающей на территорию Беларуси. В феврале 2006 г. в Варшаве был официально принят А. Милинкевич, единый кандидат белорусской оппозиции на предстоявших этой стране президентских выборах. Студенческая организация «Союз за демократию в Беларуси» (www.wolnabialorus.org) провела в марте 2006 г. «Дни солидарности с Беларусью», а накануне президентских выборов организовала перед белорусским посольством в Варшаве «альтернативный избирательный участок». СМИ, представляющие политический мейнстрим Польши, оценили акции протеста в Минске в день выборов, победителем которых был объявлен действующий президент, как «начало конца» режима А. Лукашенко, а репрессии против оппозиции накануне и в ходе выборов – как проявление его слабости⁴³.

Представляется однако, что потенциал поддержки Польшей демократических преобразований на постсоветском пространстве ограничен. Поддержка «цветных революций» в Грузии и Кыргызстане (а также смены внешнеполитического курса Молдавии) была номинальной и не вызвала массового энтузиазма, как это было в случае с Украиной. Если падет режим Лукашенко (что польские СМИ считают вопросом времени), и к власти придут проевропейские политические силы, то единственной страной, процесс демократизации которой будет восприниматься в Польше столь же остро, останется Россия. Между тем, вопрос о том, поддерживать ли Польше демократические устремления в России является дискуссионным еще с времен антикоммунистической оппозиции⁴⁴. Наследники радикального «прометеизма» считают такие усилия возможными и необходимыми (см. изложенную выше точку зрения М. Лэнтовского). Стоит также отметить, что, как минимум, негласную поддержку Польши могут получить практически любые значимые сепаратистские движения на территории

43. См.: *Dzień, w którym ruszy lawina* // *Nowa Europa Wschodnia* № 4 (12/2006) – специальное приложение к газете *Tygodnik Powszechny*; *Białoruś się budzi* // *Rzeczpospolita* 20.03.2006; *Koniec baćki* // <http://www.wprost.pl/ar/?O=88094&C=72>

44. См.: *Morfeusz Leszek (Targalski J.), Polacy wobec kwestii wschodniej* // *Niepodległość*. – *W-wa*, 1983. – N 18–19. – S. 8.

России⁴⁵. Но все же, задачей первостепенной важности в отношении России считается создание новых и усиление существующих международных механизмов, препятствующих возможному давлению со стороны Москвы, примером чего может служить инициатива по созданию «энергетического НАТО», которая, впрочем, пока не вызвала энтузиазма в Западной Европе⁴⁶.

45. Примером польского мышления о межнациональных отношениях в России может служить статья Б. Цивиньского «Триумф российского империализма», посвященная событиям в Беслане (Cywiński B. *Triumf rosyjskiego imperializmu* // *Rzeczpospolita* 07.09.2004), в которой автор называет Осетию «страной, 168 лет оккупированной Россией», игнорируя тот факт, что осетины, в отличие от многих народов Северного Кавказа, вошли в состав России добровольно. Также стоит напомнить о том, что с одобрения нынешнего президента Л. Качиньского (бывшего мэра Варшавы) в польской столице появилась площадь Дудаева (*rondo Dudajewa*).

46. *Polska propozycja energetycznego NATO* // *Gazeta Wyborcza* 01.03.06; *Degradacja muszkieterów* // *Gazeta Wyborcza* 14.03.06.

А.В.Гордон

ОПЫТ АГРАРНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В КНР

Гордон Александр Владимирович – доктор исторических наук, заведующий сектором Отдела Азии и Африки ИНИОН РАН.

Поворот к рыночной экономике, частной собственности и предпринимательству двух крупнейших стран социалистического мира – постоянный предмет сопоставлений. Однако по различным мотивам общим местом сопоставлений среди российской политической и академической элиты, а также известной части западных специалистов сделался «взгляд сверху». Успехи рыночных реформ в Китае объясняют всецело или по преимуществу ролью государственной власти. Роль государства, разумеется, никак нельзя недооценивать, но очевидную и чрезвычайно впечатляющую в некоторых направлениях удачу реформ было бы крайним упрощением сводить к личным достоинствам руководителей КПК. Аграрной сферы это касается прежде всего.

У российского руководства оказалось несравненно меньше возможностей для проведения аграрных преобразований. Из-за разрушения существовавшей государственности оно оказалось заложником бюрократического аппарата, тогда как в Китае политическая власть в целом сохранила контроль над администрацией. Не менее важен дефицит политической воли. Если КПК, вступив под давлением снизу на путь «деколлективизации», затем следовала ему, то окружение первого президента России, предложив радикальные реформы, вскоре свернуло аграрные преобразования и обратилось к советской политике 70-х годов «поддержки» аграрного сектора при ограниченных ресурсах и омертвлении или разграблении производственных фондов. Обманув надежды фермерского движения, постсоветские руководители не добились поддержки консервативных сил, опиравшихся на крупные хозяйства советского типа. Возник эффект «красного пояса», устойчивого антиреформаторского объединения местной администрации с сельскими сообществами в самых плодородных районах страны.

В Китае, напротив, руководство сумело заинтересовать проведением реформ местные власти, прекрасно почувствовавшие, что от успеха коммерциализации зависит и материальное преуспевание чиновника, и его карьера. В то же время, в отличие от российской деревни, где сельские сообщества оказались в

полной зависимости от местной администрации, китайские крестьяне могли надеяться на обуздание чиновничьего произвола вмешательством политической власти, заступничеством сверху.

Дефицит политической воли постсоветских реформаторов, в свою очередь, может быть объяснен отсутствием воли к преобразованию своей жизни у деревенской массы. В СССР к 80-м годам сложился уникальный тип сельхозпроизводителя. Как работник госпредприятия он терял желание (не говоря уже о том, что десятилетиями таковое искореняли как «пережиток капитализма») вести свое хозяйство вместе с самой способностью к хозяйствованию. Параллельно из-за уравнительной и формализованной системы оплаты труда («выводилка», учет производительности «от колеса» и т.п.) работник агропрома оказывался слабо заинтересованным в хозяйственном успехе своего предприятия. С одной стороны, сельчане познали преимущества 8-часового рабочего дня и гарантированного денежного дохода, а, с другой – в силу узкой специализации на крупном механизированном предприятии утрачивали универсальные навыки сельского хозяина. Строительство агрогородов за счет сселения «неперспективных» деревень разрушало крестьянский социум; одновременно с упадком семейного, «лично-подсобного» хозяйства распалась сельская семья, которую исторически сплачивало «единоличное» хозяйствование. Институциональные сдвиги были закреплены демографической деградацией (превращение деревни в место обитания старых, немощных и одиноких) и угасанием крестьянской культуры.

В существующих социально-экономических условиях беспримерные бюджетные инвестиции на создание предпосылок «зеленой революции» (химизация, ирригация, индустриализация) надлежащего эффекта не давали, а в определенной мере даже имели негативные последствия (разрушение природной среды). Между тем, несмотря на тенденцию снижения эффективности производства и социальную деморализацию, ярко проявившуюся с 60-х годов в эпидемии пьянства, материальное благосостояние сельского труженика поступательно улучшалось благодаря росту зарплаты, введению пенсионного обеспечения и расширению бесплатного здравоохранения. Улучшение положения сельского труженика происходило исключительно за счет госбюджета, в результате чего оборачивавшаяся иждивенчеством зависимость деревни от власти все более возрастала. Напротив, китайские крестьяне в пенсионном обеспечении, здравоохранении, образовании должны были рассчитывать лишь на себя и свой производственный коллектив. Их положение отягчала непрекращавшаяся, несмотря на тяжелое и временами катастрофическое положение деревни, перекачка средств из сельского хозяйства в промышленность в соответствии с амбициозными устремлениями Мао Цзэдуна и его окружения. Высокого уровня достигло неравенство между городом, население которого пользовалось государственными привилегиями, и деревней.

Восстановление семейного хозяйствования и его коммерциализация сулили китайским крестьянам, по крайней мере, избавление от полуголодного существования (неслучайно переход к семейному подряду начался с беднейших провинций); российским – многочисленные и трудноразрешимые проблемы. В китайской деревне упразднение народных коммун обнажило неразрушенный базис традиционного крестьянского хозяйствования – семью и деревенское сообщество; в российской – неспособные обходиться без государственной поддержки предприятия АПК как основу социальной организации оказалось нечем заменить.

Можно продолжать утверждать, что в России не нашлось своего Дэн Сяопина, но гораздо существеннее, что в советской деревне после полувека форсированного огосударствления агросферы и смены поколений не оказалось «мужика»¹. Этнокультурные особенности здесь ничего не могут объяснить: русский крестьянин в свое время обеспечил аналогичный подъем сельского хозяйства, когда ему в начале нэпа предоставили аналогичную возможность распоряжаться плодами своего труда. Раскрестьяненная² российская деревня органически не могла «работать по-китайски». Вот этот аспект реформ в КНР – сохранение семейного хозяйствования на основе извечного предельно напряженного физического труда – требуется принять во внимание, чтобы понять предпосылки их быстрого успеха и уязвимые места.

Восторгаясь великим прорывом крупнейшей крестьянской страны в ряды ведущих индустриальных держав, от которых зависит динамика общемирового экономического развития, положение на рынках и финансовое состояние современной глобальной системы, неплохо бы вспомнить, что начиналось все с деревни, с активности обездоленных, измученных постоянными засухами и наводнениями, из десятилетия в десятилетие страдавших от недоедания ее тружеников. Когда в июне 1977 г. в провинцию Аньхой прибыл новый партийный секретарь Вань Ли, ни у него, ни у Дэн Сяопина, возвратившегося тем же летом в состав высшего руководства страны, исследователи не находят какого-либо плана масштабных реформ.

Над провинцией после очередной засухи вновь нависла угроза массового голода, и Вань Ли удалось получить разрешение высшего руководства на «экспериментальное» введение так называемой дворовой ответственности; смысл ее состоял в передаче крестьянскому двору надела, право хозяйствования на котором компенсировалось для местного подразделения (обычно «бригада») народной коммуны поставками продукции этого двора. Достигнутые результаты побудили центральные власти допустить распространение практики семейного подряда (опять-таки в порядке эксперимента) на другие бедные провинции страны.

Избирательное возвращение к семейному хозяйствованию было вначале воспринято как очередная политическая кампания. Ссылаясь на китайскую прессу,

наблюдатели размышляли о «послаблениях» (*фанкуань*), применявшихся время от времени руководством КПК ради выправления положения и поддержания экономического развития страны. Еще в 1980 г. в центральных органах КПК газете «Жэньминь жибао» и журнале «Хунци» можно было прочесть утверждения, что «закрепление производственной ответственности за отдельными дворами» ни в коем случае не является возвратом к единоличному хозяйству, а, напротив, есть средство укрепления коллективного производства*. Кадры руководствовались «дачжайской моделью», ориентировавшей на разрешение производственных трудностей массовым подъемом трудового энтузиазма.

Однако уже в 1981 г. подряд распространился на плодородные провинции, а к 1983 г. система народных коммун рухнула. То, что произошло, можно вполне назвать народным движением или даже крестьянским восстанием. Мудрость партийного руководства выразилась прежде всего в том, что оно не воспрепятствовало этому натиску, постаравшись на местном уровне придать ему черты необходимого порядка и организованности. И это предопределило главную особенность китайских преобразований: у рыночных реформ на первых порах сложилась самая широкая, какую только можно представить, социальная база. В КНР, в отличие от СССР, коммерциализация пришла снизу.

Важнейшим слагаемым успеха аграрных преобразований сделалось высвобождение огромной трудовой энергии. У крестьянина по меньшей мере вдвое сократилось время, затрачиваемое на необходимый объем полевых работ³. К тому же его не отвлекали больше на общественные работы за пределами деревни (в период «большого скачка» 1958–1961 гг. они требовали от крестьянина 100–150 рабочих дней в году, явившись одной из важнейших причин крупнейшего в истории страны голода, унесшего более 20 млн. жизней)⁴. Высвободившееся время и силы были использованы главным образом для производства продуктов, имевших повышенный спрос на свободном рынке. Крестьянин разводил птицу, зарыблял пруды, выращивал овощи и бахчевые. Продажа дополнительной продукции и принесла первоначальный доход крестьянскому хозяйству. Этот прирост был очень существен, а в пригородных районах Восточного Китая и весьма обилён.

В среднем, по расчетам, доход крестьянского двора за 1978–1985 гг. почти удвоился (от 133,5 до 248 юаней в ценах 1978 г.). Уверенно росла и продукция сельского хозяйства, включая зерноводство: валовой сбор увеличился в полтора раза за тот же период⁵. Основные достижения аграрных преобразований явились непосредственным следствием «деколлективизации». В среднесрочной перспективе ее эффект оказался более скромным. Если в первые годы реформы

* См.: Развитие сельского хозяйства КНР / Реф. сб. – М., 1982. – С. 212–221.

сельскохозяйственные доходы росли на 10% в год, то с середины 80-х только на 2%, а в конце десятилетия началась стагнация⁶. Одновременно наметилась стагнация в зерноводстве; и зависимость здесь оказывается самой прямой, обнажая первое узкое место реформ. Сохранив за крестьянами обязательные поставки по ценам ниже рыночных и монополизировав рынок зерна, власти КНР подорвали заинтересованность производителей в наращивании сборов урожая.

В китайской деревне стали замечать невиданное явление «ухода от земли»: в малопродуктивных районах, где выполнение сельхозпоставок оказывается особо обременительным, крестьяне добивались подчас сокращения своих наделов. Еще более типичным случаем сделался уход от земледелия, причем наиболее распространенным он становится в плодородных провинциях. Разгадка здесь простая – последние расположены в восточных (особенно дельта Янцзы) и юго-восточных районах страны, ставших главным центром экономического роста. В этих прибрежных районах традиционно был выше уровень развития товарно-денежных отношений, они же энергичнее откликнулись на внедрение рыночной, экспорториентированной и открытой для иностранных инвестиций индустриальной экономики.

Важнейшей составной частью китайских реформ сделалась сельская индустриализация; и ее специфика обнаруживается не столько в самих масштабах (и в западноевропейских странах мощное развитие сельской мануфактуры предшествовало промышленной революции) и не в том значении, какое она имела, преобразуя структуру занятости и социальную структуру тех сельских районов, где получила распространение. Главное – смешанная социально-экономическая природа. Ярчайшее проявление бурного развития рыночной экономики, сельской индустрии генетически остается наследием аграрного социализма в его крайней разновидности народных коммун. В тех случаях, когда производственные фонды последних оказывались значительными, а крестьяне жили несколько лучше, чем в соседних деревнях, возникали производственно-коммерческие объединения жителей («предприятия волостей и поселков» – таково их официальное наименование). Большую роль при этом играли инициатива и деловая хватка лидера. Обычно в этом амплуа выступал человек, имевший тесные связи с местной администрацией, а чаще всего ее глава – секретарь деревенского парткома, становившийся наполовину управляющим, наполовину хозяином предприятия⁷. Подобный генезис предопределяет предельно авторитарную организационную структуру сельских промобъединений.

Однако в отличие от народных коммун авторитаризм здесь опирается на рыночную эффективность, ибо принудительную принадлежность к бригаде заменяет материальная заинтересованность. Крестьяне сносят грубость начальства и наращивают трудовые усилия, понимая, что их индивидуальное преуспевание зависит от конкурентоспособности предприятия. Коллективизм поддерживает

ся как традиционно коммуналистскими методами вплоть до трудовинности и даже поголовного охвата регулярными военно-физкультурными занятиями, так и, главным образом, корпоративизмом – преобладающей ролью общественных фондов и их уравнилельно потребительским распределением: от бесплатных продуктов и жилья до медицинского и пенсионного обеспечения. Работающий в промобъединении не может «выделиться» без потери своей доли в общественных фондах; лишаются ее и девушки, выходящие замуж на сторону. Неизбежно возникающая вынужденная эндогамия усугубляет местную корпоративную замкнутость.

Успех сельской индустриализации, подобно успеху аграрных преобразований в целом, обеспечен использованием в рыночных условиях сохранившегося социального и культурного базиса общественного воспроизводства, традиционного типа сельхозпроизводителя. И это же обстоятельство становится важнейшим ограничителем дальнейшего прогресса в аграрной сфере. Общинная сплоченность, которая первоначально представляла силу промобъединений, поскольку чувство корпоративной собственности побуждало к интенсивному труду, заставляло делить экономический риск, начинает тормозить производственный прогресс, обусловленный переходом от трудоинтенсивности к высоким технологиям. Господствующая система распределения и исключительность корпоративных прав собственности препятствуют пополнению предприятий специалистами, а рост квалификации деревенских жителей заметно ограничен, так как они (пользуясь сравнительным благополучием) избегают оставлять деревню даже ради учебы. Сопряженная с монополией прав собственности узость круга руководителей оборачивается коррупцией и семейственностью.

Резко изменились и макроусловия. Экономическое преуспевание оказалось уделом пионеров сельской индустриализации. Двинувшуюся за ними массу постигла в большинстве случаев судьба опоздавших. Пионеры насытили опустошенный торжеством огосударствления экономики рынок страны (а заодно России и СНГ) дешевым ширпотребом. Для успеха в новых условиях нужны значительные капиталовложения. Экономисты КНР подсчитали, что если в 1984 г. на создание одного рабочего места требовались 1444 юаня основного капитала, то в 1994 г. – 5503. Соответственно происходит нарастающее падение привлекаемой рабочей силы: в 1996 г. на предприятия местной промышленности поступили 6,5 млн. человек (округленно), в 1997 – 4, в 1998 – 3,2, в 1999 г. – менее 3 млн. человек⁸.

Очевидно, что ресурс поглощения избыточной рабочей силы в деревне на путях сельской индустриализации близок к исчерпанию. А это влечет за собой многообразные и очень болезненные как для самой деревни, так и для политики рыночных реформ последствия. Закрывается наиболее надежный и социально безопасный канал экономической мобильности, наиболее дешевый для государ-

ства и благодаря инициативе снизу наиболее эффективный путь смягчения сельской бедности. Выдвинутый руководителями КПК курс индустриализации без урбанизации оказывается под вопросом. Экономисты и социологи КНР, отдавшие дань увлечению «спецификой», теперь все чаще приходят к выводу о неизбежности урбанизации⁹. Подобно тому как было в индустриальных странах в прошлом, за сельской «протоиндустриализацией» наступает время «исхода», т.е. массовой миграции в города, которой власти КНР при Мао Цзэдуне всеми способами пытались противостоять из-за перенаселенности последних.

С началом реформ населенность городов почти мгновенно удвоилась: с 20,8% в 1982 г. до 38,9% в 1987 г. При этом собственно горожане составляли менее 20% населения страны¹⁰, основную часть прироста городов дали люди, зарегистрированные в сельской местности. Послабления в системе регистрации по месту рождения, наследии маоистской политики ограничения урбанизации, и отмена продовольственной регламентации (распределения по карточкам для горожан) открыли путь массовой миграции. Из-за сохраняющейся прикрепительной регистрации (*хукоу*) точная оценка ее невозможна. По расчетам экономистов КНР, в 90-х годах в отходничество были вовлечены 80–100 млн. жителей деревни, половина которых становятся мигрантами (такowymi считаются люди, проживающие вне дома более полугода)¹¹.

На 900 млн. зарегистрированного сельского населения эти величины не кажутся особо значительными. В подобных объемах миграция не способна решить ни проблему аграрного перенаселения, ни проблему сельской бедности, тем более, что заработок мигранта, которому предоставляется как правило особо тяжелая, опасная или грязная работа, вдвое ниже зарплаты горожанина¹² (не говоря уже о затратах на жилье и отсутствии социальных благ). Поддерживая экономический, прежде всего строительный, бум и одновременно обостряя положение в городах, где она пересекается с резким ростом в 90-х годах безработицы среди работников госпредприятий, миграция оказывает двойственное влияние на деревню. Несколько улучшая положение тех дворов, где появляются мигранты¹³, отходничество лишает деревню наиболее активной, трудоспособной и образованной рабочей силы.

Отмечается «феминизация сельскохозяйственного труда»¹⁴, возникает опасность разрушения традиционной семейной организации крестьянского производства. Во-первых, из-за воздействия политики ограничения рождаемости китайские семьи становятся малочисленными, и отходника нелегко заменить (отсюда отмеченный «уход от земли»). Во-вторых, курс «одной семье – один ребенок» предопределяет преобладание мальчиков, особенно заметное именно в деревне; складывается «дисбаланс полов» (до 30–40 млн. невест в ближайшей перспективе)¹⁵, развивается похищение девушек, их продажа из одной местности в другую и т.д. В третьих, быстро происходит старение населения, что из-за

отходничества молодежи особенно опасно тоже именно для деревни с ее традиционной системой семейной ответственности за старых и нетрудоспособных.

Корень многих сельских проблем следует искать в социально-экономическом «дисбалансе» – разрыве между сельскохозяйственными доходами и доходами в других секторах экономики. Прежде всего это выражается в нарастании неравенства между городом и деревней. Заметно сократившееся в начале реформ, оно стало стремительно увеличиваться в 90-х годах, когда их центр переместился в городскую индустрию. В 1997–2003 гг. доходы горожан росли вдвое быстрее доходов крестьян, в результате чего неравенство достигло тройного уровня, а с учетом социальных льгот, которыми пользуются только горожане – шестикратного¹⁶.

«Дисбаланс» становится и важнейшим фактором неравенства внутри аграрной сферы: между районами и отдельными деревнями, активно вовлеченными в промышленный бум, и теми, кто исключительно или по преимуществу занят сельским хозяйством. Уже после первого пятилетия реформ рост доходов в деревне происходил главным образом за счет несельскохозяйственной сферы. Прямым следствием становится растущее отчуждение сельскохозяйственных угодий. Пользуясь унаследованным ими от системы коммун или узурпированным (из-за юридической неразработанности категории земельной собственности) правом распоряжаться коллективной землей, местные власти охотно предоставляют ее под городскую застройку и так называемые зоны развития – объекты промышленности и сферы услуг. Крестьяне лишаются важнейшего экономического ресурса, получая неэквивалентную компенсацию¹⁷, что вызывает их сильнейшее недовольство и вспышки локального или регионального (как свидетельствуют события в провинции Гуандун в конце 2005 г.) протеста, а страна теряет дефицитную пашню. За время реформ (к 1996 г.) потери составили 4% обрабатываемой площади, ежегодное отчуждение сельскохозяйственной земли достигает 218 тыс. га¹⁸. Центральные власти пытаются бороться с тем, что называют «произволом на местах»; но местные чиновники не без основания ссылаются на стратегический курс КПК, освященный именем Дэн Сяопина и поставивший экономический рост во главу угла.

Претворение этого курса местной администрацией привело к несоразмерному в бедных районах увеличению различных сборов с крестьян, в результате чего возникла проблема «крестьянского бремени» (*нунминь ды фудань*). Крестьянские платежи на создание экономической инфраструктуры и строительство культурных объектов, заодно с регистрационными сборами и крупными штрафами за различные провинности (чаще всего нарушение программы регулирования рождаемости), в несколько раз превысили ставку официального налогообложения, установленную на уровне 5% от крестьянского дохода.

Крестьяне считают, что дело самих властей выискивать деньги на подобные проекты. К тому же львиная доля изымаемых средств идет на администра-

тивные нужды, которые возрастают с ростом численности чиновников и увеличением их доходов. Соответственно возрастают раздражение крестьян и ощущение ими происходящего как социальной несправедливости. Как важнейший источник социального протеста в реформируемой китайской деревне новое «крестьянское бремя» проявило себя в 90-е годы. Именно это время бурного роста экономики страны ознаменовалось мощными крестьянскими выступлениями.

В 1993 г. ЦК КПК зафиксировал свыше 6 тыс. массовых акций в сельской глубинке: в 830 из них приняли участие более 500 человек, в 78 – более 1 тыс., в 21 – более 5 тыс. От рук восставших пострадали 8200 человек, ущерб превысил 200 млн. юаней, при подавлении погибли 385 человек. Осенью 1995 г. крестьянские выступления охватили 22 уезда провинций Шаньси, Хэнань и Хунань. Следующая волна прошла в конце 1996 – начале 1997 г.; в мае-июне 1997 г. в провинциях Хубэй, Хэнань, Аньхой, Цзянси восстали полмиллиона крестьян. Они захватывали резиденции партийных органов, громили административные учреждения, помещения служб безопасности и внутренних дел, банки, жгли автомобили. В провинции Цзянси объектом нападений стали снабженческие кооперативы и торговые организации, из помещений которых крестьяне забирали удобрения и цемент. Особой остротой отличалось выступление в провинции Аньхой, где крестьяне захватили товарный поезд, в столкновении с охраной погибли 11 человек, включая пятерых охранников; в двух уездах этой провинции крестьяне захватили склады с оружием. Трое погибли и 54 человек были ранены во время демонстраций в провинции Хэнань¹⁹.

В целом выступления против сверхобложения, затронувшие Центральный Китай²⁰, отличались традиционной стихийностью и локальностью, хотя в ряде случаев власти сообщали о деятельности подпольных организаций. Об определенной политизации свидетельствуют лозунги демонстрантов: «Все богатство земли должно принадлежать крестьянам!», «Покончим с угнетением и эксплуатацией крестьянского класса!», «Да здравствует крестьянское единство и Коммунистическая партия крестьян!». Местные партийные и административные кадры, стремясь отвести от себя возмущение, подогревали антигородские настроения. Предполагают, что именно ими в протестующую крестьянскую массу подбрасывались лозунги типа «Покончим с классом городских эксплуататоров»²¹.

Лейтмотивом настроений выступавших могло быть чувство крестьянской обособленности. Сложившееся при правлении Мао Цзэдуна противостояние жителей города деревне сохранилось и приобрело черты нового отчуждения в ходе рыночных реформ²². В свою очередь, крестьяне видят конечную причину сверхобложения в росте городов и преуспевании их жителей. Однако все же именно местные кадры становятся первой жертвой крестьянского протеста. Особенно тяжело пришлось им в конце 80-х – начале 90-х годов, когда центральные власти уклонялись от вмешательства и применения репрессий. Тысячи местных

чиновников пострадали, были убиты или ранены в столкновениях с крестьянами²³.

Во второй половине 90-х годов центральные власти не останавливаются перед применением вооруженной силы и стремятся сразу противопоставить повстанцам значительные формирования. Так, против 2 тыс. крестьян уезда Чанша (провинция Хунань), протестовавших в январе 1999 г. против сверхобложения, были выставлены более 1 тыс. полицейских, которые рассеяли демонстрантов. При разгоне пострадали свыше 100 крестьян, а один был убит. Случай этот получил огласку на самом высоком уровне. Премьер Госсовета КНР Чжу Жунцзы в правительственном отчете Постоянному комитету ВСНП осудил использование «диктаторских методов»²⁴.

Позиция центральных властей в какой-то степени даже поощряет крестьянский протест. Крестьяне находят в многочисленных официальных документах о недопустимости чрезмерного обложения, о добровольности сбора различных фондов и т.д. подтверждение легитимности своего сопротивления. В то же время ослабляется его политическая направленность. Крестьянские выступления против сверхобложения не носят антиправительственного характера. Крестьяне отнюдь не отказываются платить налоги вообще. Они за справедливое соотношение между своими повинностями и возможностями, за такую величину «крестьянского бремени», чтобы можно было продолжать хозяйственную деятельность, а выступления при всей их яростности порой предназначены стать сигналом для центральных властей о необходимости вмешательства. Новым явлением в этом традиционно крестьянском поведении становится обращение к центральным СМИ, сообщение которых о мотивах выступления, о причинах недовольства крестьян может разрядить обстановку. Смягчение «крестьянского бремени», отмена ненавистного сбора приводит к восстановлению порядка.

Учитывая подобную логику крестьянского поведения, руководство КПК предпринимает усилия, чтобы убедить крестьян в возможности мирного разрешения проблем сверхобложения. Крестьяне узнают о своих правах, им сообщают о законах и нормах, регулирующих налогообложение, поощряется обращение с жалобами на местные власти в вышестоящие органы. Особое значение в этой политике сдерживания крестьянского недовольства придается внедрению выборных процедур на местном уровне. По закону 1998 г. избираемые крестьянами деревенские комитеты подотчетны собраниям представителей деревни во всех вопросах, включая прежде всего финансы. Выборы надлежит проводить на альтернативной основе, что должно ограничивать монополию партийного руководства. Скомпрометированные в глазах крестьян начальники подлежат отзыву и т.д.

Фактически – это лишь первые шаги по введению деревенского самоуправления. Законом регламентируется гласность решений деревенского комитета по

финансовым вопросам, но собрания представителей не получили права определять величину местных сборов за исключением школьных и дорожных фондов, а также средств на оплату деревенских чиновников. Принципиальный вопрос о подчинении деревенских комитетов волостным властям не получил разрешения. Между тем в середине 90-х годов 60% деревень Китая принадлежали к разряду «административных» (*синчжэн хуа кунь*). По существовавшей практике волостные органы полностью контролировали здесь деревенские комитеты, определяли их состав и деятельность, включая, в первую очередь, финансовые сборы. Деревенские комитеты выполняли даже те решения волостных властей, с которыми были несогласны. По новому закону деревенские комитеты не находятся в прямом подчинении волостным инстанциям, а лишь контролируются ими. Однако, по мнению западных специалистов, это лишь «словесная эквилибристика», и дальнейшая демократизация на местном уровне связана с введением прямых выборов волостного руководства²⁵.

В социально-экономическом отношении неблагоприятные тенденции, возникшие в аграрной сфере, не удалось остановить до самого конца 90-х годов. От падения цен на сельскохозяйственную продукцию крестьяне в 1997–2000 гг. потеряли 1600 млрд. юаней. Съедая прибавку в доходах, росли налоги: с 12,6 млрд. юаней в 1993 г. до 40 млрд. в 1998 г. (округленно)²⁶. Все же и в начале следующего десятилетия сельскохозяйственный налог составлял меньшую часть «крестьянского бремени»: 42,2 млрд. против 200 млрд. юаней дополнительных сборов (в 2002 г.)²⁷. Добившись значительного снижения сельской бедности на этапе «деколлективизации» и решив на определенном уровне проблему продовольственного обеспечения, аграрные преобразования в последующие десятилетия не смогли серьезно продвинуться в этих направлениях.

Разумеется, надо учитывать запутанность определений сельской бедности и условность всяких экономических сопоставлений, тем более в денежном пересчете²⁸. По моим наблюдениям, выше уровня калорийного минимума решающими становятся культурно-цивилизационные критерии и в динамике аграрного развития главное препятствие не бедность сама по себе, а «культура бедности» – порабощенность человека своей нищетой, неспособность и/или нежелание из нее выбиться. Как отмечают исследователи современной отечественной деревни, немало бедняков чувствуют себя достаточно уютно, считая, что им и «так хорошо»²⁹. В России благодаря полусанкционированной «подпитке» семейных бюджетов из различных агрообъединений³⁰, с одной стороны, и благоприобретенному при «развитом социализме» иждивенчеству – с другой, «культура бедности» распространена несравнимо шире. Но сходные наблюдения делают уже и специалисты КНР, называющие это явление «*вэньхуа тинькунь*» – «нищета культуры»³¹.

Руководство КПК хорошо понимает серьезность аграрных проблем. Выступая в феврале 2002 г. в постоянном комитете политбюро ЦК КПК Цзян Цзэ-

минь предостерег, что сельская бедность, наравне с городской безработицей, представляет главную опасность для социальной стабильности в стране³². Это сознают и его преемники, разрабатывая различные меры, призванные облегчить положение. Ставится задача упразднения нижнего, наиболее массового (6–8 млн. человек) управленческого звена, доходы которого всецело зависят от сборов с крестьян и которое в наибольшей степени дискредитировало себя в глазах деревенского населения. Предусматривается включить деревню в реформируемую систему социального обеспечения³³. Государство намерено финансировать распространение в сельских районах обязательного девятилетнего образования. Немаловажные последствия должен иметь активно проводимый новыми руководителями КПК курс на смягчение неравенства между регионами Китая, в первую очередь экономический подъем западных провинций. Именно на Западе и в Центральном Китае высок уровень сельской бедности, здесь располагаются массивы нищеты. Последние партийные решения, директивы 11-го пятилетнего плана (2006–2010) требуют, чтобы успехи экономического роста, достигнутые за счет приоритетного развития прибрежных провинций и крупных городов Восточного Китая, стали достоянием населения деревни и отставших внутренних районов³⁴.

Однако решить задачу перераспределения ресурсов крайне сложно на всех уровнях от высшего руководства до местной власти. Чтобы направить крупные средства на развитие Запада и санацию ставших депрессивными старых промышленных баз, пришлось заморозить многочисленные инвестиционные проекты в центрах экономического роста на Востоке. Это вызвало протест региональных руководителей, которые обращают внимание на опасность замедления общенациональных темпов роста, что сулит обострение социальных проблем³⁵. На местном уровне чиновники обеспечивают свое благосостояние (заодно со значительной частью местного бюджета) за счет богатых деревень, их главы находятся в самых тесных связях с администрацией, входят в состав региональных, а то и общенациональных представительных органов.

Но проблема заключена не только в выделении дополнительных средств на борьбу с бедностью, но и в возможностях их усвоения. Характерно, например, что ассигнования на развитие западных провинций уже начали перетекать на Восток, где капиталовложения дают более быструю и весомую отдачу³⁶. Аналогичные явления неизбежны и в деревне. Социальная структура преобразующейся под влиянием коммерциализации китайской деревни очень далека от классической схемы. Господствуют две тенденции: с одной стороны, сращивание администрации с сельскими нуворишами (благодаря экономическому значению такого ресурса, как власть, и зависимости последней от местных капиталов), а с другой – упомянутая пространственно-отраслевая поляризация внутри сельского мира.

Сельские сообщества, опередившие соседей в реализации промышленных проектов, расположенные поблизости от крупного регионального рынка, оказавшиеся в общенациональных центрах экономического роста, очень значительно, может быть на несколько порядков³⁷ превосходят по уровню своего благосостояния ближних и дальних соседей. Преуспевшие деревни склонны либо самоизолироваться, отгораживаясь от соседей (подчас в прямом смысле слова), либо навязывать им ту или иную форму вассальных отношений (жители бедных деревень, приехавшие нередко из удаленных провинций, работают бесправными наемными рабочими на промышленных предприятиях или на полях богатой деревни).

Подобное неравенство не может не сужать социальную базу для углубления рыночных реформ. В экономику роста активно вовлечена небольшая часть сельского населения³⁸. Теоретически к ней можно добавить и мигрантов, работающих на стройках Шанхая, Пекина, других центров роста, и всех крестьян, везущих свою продукцию на городской рынок, и, в конечном счете, даже тех сельских тружеников, в очень скромном жилище которых находится место для небольшого телевизора³⁹. Но у этих категорий на достижительную мотивацию увеличения знаний, умений, эффективности накладывается традиционная трудопотребительская логика, ориентирующая на обеспечение натуральных семейных потребностей наличными средствами⁴⁰.

Одновременно сдерживается развитие «эффективных хозяйств». Существуют (в отличие от советской практики времен нэпа) различные знаки поощрения их деятельности, преуспевающие хозяева избавлены от призрака «раскулачивания», который самым радикальным образом блокировал рост сельскохозяйственного производства при нэпе; но предельно ограничены возможности расширения хозяйства (отсутствие рынка земли не компенсируется допущением аренды, распространение которой невелико, поскольку для бедноты надел нередко остается последним ресурсом выживания).

Стандартный земельный надел 0,5 га в десять раз меньше оптимального⁴¹ (и к тому же разделен на 8–10 участков). Под давлением громадного аграрного перенаселения китайская деревня остается царством мелкоземелья, что становится едва ли не решающим препятствием для развития «зеленой революции»⁴². Заодно она лишается и финансовой подпитки из самой аграрной сферы. Крестьяне избегают вкладывать свои сбережения в землю, обычно эти средства уводятся из сельского хозяйства или вообще уходят из деревни. Аграрное перенаселение сдерживает и рост производительности труда. Из всех слагаемых «зеленой революции» в большинстве сельских районов Китая, в конечном счете, уверенно прогрессирует лишь рассчитанная на быстрый эффект химизация: применение минеральных удобрений, гербицидов, инсектицидов. Аграрная модернизация неизбежно принимает односторонний характер со всеми вытекающими последствиями для экологии.

Среди отечественных специалистов существуют различные и даже прямо противоположные оценки хода и перспектив аграрных преобразований в Китае. Деревня КНР уже «имеет немало потенциальных черт нового постиндустриального (посткапиталистического) строя», что сулит ей «дальнейшее безболезненное развитие», полагает один из оптимистов⁴³. «Безболезненность» эволюции китайской деревни на путях формирования агропромышленного комплекса прогнозируют и некоторые другие авторы⁴⁴. Существуют, однако, более осторожные оценки, во многом совпадающие с изложенными в статье: скептики пишут о «неполноценности субъектов рынка» и «полунатуральности» крестьянских хозяйств, о поистине историческом дуализме китайской экономики, опирающейся на трудносовместимые типы общественного воспроизводства, указывают на общее отставание деревни и сохранение в ней «многих черт традиционного общества»⁴⁵.

Вопрос, как очевидно, остается открытым. Преобразование существующего аграрного базиса в виде традиционного семейного хозяйства, трудоинтенсивной технологии и административно-корпоративного землевладения требует длительной и сложной эволюции. Объективные обстоятельства – социальная напряженность, обострение продовольственной проблемы, необходимость поддерживать высокие темпы промышленного роста – могут подталкивать в сторону волевых решений. Но накопленный КНР исторический опыт преобразования деревни поистине уникален. Едва ли найдется другая страна (кроме Вьетнама, прошедшего тот же путь при меньшем радикализме), пережившая менее, чем за полвека три глубочайших переворота в аграрной сфере: уравнительное перераспределение земли при образовании КНР, производственное кооперирование в конце 50-х годов, доведенное до локально-коммунистического обобществления, «деколлективизацию» с коммерциализацией. Нет основания сомневаться, что он многому научил и руководство страны, и жителей деревни. Этот опыт в его национальном и международном значении не может не побуждать к сугубой осторожности, внимательности, гибкости и вместе с тем настойчивости и последовательности в политических решениях, касающихся весьма уязвимой в современном цивилизационном процессе сферы, динамику которой столь трудно прогнозировать.

Примечания

1. Характерно, что в 80-е годы, во время перестройки люди, подобные «архангельскому мужику» Николаю Семеновичу Сивкову, смотрелись белыми воронами и становились знаменитыми, получая мужицкий «титул», благодаря своей исключительности.

2. Некоторые авторитетные отечественные специалисты полагали, что рыночные преобразования в российской деревне могли бы иметь успех в начале 60-х годов, когда

еще сохранилось и сохраняло трудоспособность первое колхозное поколение. Такую точку зрения высказывал в частности В.П. Данилов на заседаниях аграрного семинара в Интерцентре МВШСЭН и в личных беседах с автором.

3. С 600 до 300 человеко-дней на гектаре риса и с 400 до 200 – на гектаре пшеницы. (См.: Auber C. Investissement – travail et infrastructures agricoles: bilan et actualité des corvées en Chine // *Tiers Monde*. P., 1991. – Т. 32, N 127. – P. 520–521). В пересчете на стандартный семейный надел 0,5 га это означает 250 дней на две культуры; снижение трудозатрат создало таким образом предпосылки для перехода к системе сбора двух урожаев. В случае отхода от зерновой специализации к диверсификации экономия рабочего времени оказывалась гораздо больше. По материалам полевого обследования 1981 г. в провинции Сычуань трудозатраты сельского хозяина сократились с 300 рабочих дней в коммуне до 60 на своем участке (Prosterman R.L., Hanstad H.M. A fieldwork-based appraisal of the household responsibility system // *Agrarian reform and grassroots development*. N.Y., 1990. – P.104).

4. Auber C. Op. cit. P. 523.

5. Prosterman R.L., Hanstad H.M. Op. cit. P. 105.

6. Hy Van Luong, Unger J. Wealth, power and poverty in the transition to market economies // *China j.* – Canberra, 1998 – N. 40. – P. 68–69.

7. Подобный социальный тип отмечен и в постсоветской деревне. Яркий и достоверный автопортрет см.: Кочегура А.Т. От колхоза к холдингу. М., 2001. См. также: Никулин А.М. Кубанский колхоз меж холдингом и асьендой: парадоксы постсоветской модернизации южнорусского сельского сообщества // *Рефлексивное крестьяноведение* / Под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М., 2002 – С. 343–373.

8. См.: Китайская деревня: рубеж тысячелетий / Реф. сб. М., 2001. – С. 77.

9. Вот характерный вывод: «Урбанизация – единственный путь поглощения избыточной рабочей силы деревни, повышения доходов крестьян и преобразования сельской общности» (Li Peilin. Great transformation: End of the villages // *Social sciences in China*. – Beijing, 2002. – Vol. 21, N 1. – P. 7).

10. Ma Z., Liaw K.-L., Zeng Y. Migration in the urban – rural hierarchy of China // *Environment and planning*. – L., 1997. – Vol. 29, N 4. – P. 711. К настоящему времени уровень урбанизации достиг трети населения страны.

11. См. Китайская деревня: рубеж тысячелетий. – С. 134–136.

12. Китай: угрозы, риски, вызовы развитию / Под ред. В. Михеева. М., 2005. – С. 306.

13. По материалам выборочного обследования, проведенного Институтом экономики Академии общественных наук КНР в середине 90-х годов, 1182 из почти 8 тыс. обследованных «эффективных дворов» получали денежные переводы от мигрантов, и эти переводы составляли четверть дохода хозяйства (см.: Китайская деревня: рубеж тысячелетий. – С. 135).

14. Judd E.R. Gender and capital accumulation in Chinese village enterprises // *Culture and economy: The chaping of capitalism in East Asia* / Ed. by T. Brook a. Hy Van Luong. Ann Arbor, 1997. – P. 225.

15. Китай: угрозы, риски, вызовы развитию. – С. 314.
16. Там же. С. 301. Аналогичные оценки дают американские эксперты: Dreyer J.T. *The limits to China's growth* // *Orbis* – Philadelphia, 2004. – Vol. 48, N 2. – P. 236–237.
17. По подсчетам экономистов КНР, 60–70% средств от продажи прав землепользования в среднем по стране достается администрации уездов (которая 40–60% полученных сумм переправляет подчиненным ей властям) и волостей, 25–30% оказывается в распоряжении деревенского руководства и лишь 5–10% получают крестьяне (Guo Xialin. *Land expropriation and rural conflicts in China* // *China quart.* – L., 2001. – N 166. – P. 424. Го Сялинь ссылается на статью Вэнь Тичжуня и Чжу Шоуиня «Первоначальное накопление капитала местными властями и земельные проблемы в условиях ускоренной урбанизации» в: Цзинцзи яньцзю – 1996. – N 1. – С. 20–25).
18. Ho P. *Who owns China's land? Policies, property rights and deliberate institutional ambiguity* // *China quart.* – L., 2001. – N 166. – P. 395.
19. Краткий обзор крестьянских выступлений 90-х годов см.: Bernstein T.P., Lü Hiaobo. *Taxation without representation: Peasants, central a. local powers in reform China* // *China quart.* – L., 2000. – N 163. – P. 742–763. Авторы ссылаются на прессу КНР, главным образом пекинский журнал «Чжэнмин». См. также: O'Brien K.J. *Collective action in the Chinese countryside* // *China j.* – Canberra, 2002. – N 48.
20. Местные власти Центрального Китая, стремясь достичь уровня благосостояния ставших фаворитами экономического развития восточнокитайских провинций, как отмечают наблюдатели, особенно усердствовали в поборах с населения.
21. Bernstein T.P., Lü Hiaobo. *Op. cit.* P. 759.
22. На первом этапе реформ в 80-х годах горожан раздражали главным образом крестьяне-торговцы, которые наживались, запрашивая слишком большую, по мнению горожан, цену за свой товар. Широкая миграция крестьян в 90-х, одновременно с массовыми увольнениями городских рабочих, усилила взаимотчужденность: отношение горожан к мигрантам в КНР весьма напоминает московские реалии. В политическом плане характерна самоизоляция повстанцев на площади Тяньаньмэнь в мае 1989 г. от деревни (впрочем как и от рабочих). Участники студенческого движения и не подумали обратиться к крестьянству, относясь к нему, как считают некоторые исследователи, с элитарным высокомерием и усматривая в крестьянах «носителей хаоса» (Bernstein T.P., Lü Hiaobo. *Op. cit.* – P. 760).
23. Béja J.-Ph. *Á la recherche d'une ombre chinoise: Le mouvement pour la démocratie en Chine (1919–2004)*. P., 2004. – P. 238.
24. Шицзе жибао. 1999. 3 апреля. Цит. по: Bernstein T.P., Lü Hiaobo. *Op. cit.* – P. 758.
25. Ibid. – P.762. См. также: Китайская деревня: рубеж тысячелетий. – С. 117–127; Guo Zhenglin, Bernstein T.P. *The impact of elections on the village structure of power: The relations between the village committees and the Party branches* // *J. of contemporary China*. – Abingdon, 2004. – Vol. 13, N 39 – P. 257–275; Rong Hu. *Economic development*

and the implementation of village elections in rural China // Ibid. 2005. – Vol. 14, N 44. – P. 427–444.

26. Béja J.-Ph. Op. cit. – P. 235.

27. Цайцзин шибао. 2003. 10 ноября (Китай: угрозы, риски, вызовы развитию. – С. 325).

28. В 2001 г., по официальным данным, 45,2% сельчан имели среднедушевой годовой доход, эквивалентный менее 2000 юаней (менее 67 центов или 20 руб. в день), а 10,8% – менее 1000 юаней (Чжунго цзинцзи шибао. 2003. 17 января. См.: Китай: угрозы, риски, вызовы развитию. – С. 295).

29. Буздалов И.Н. О социально-экономической природе бедности // Россия и современный мир. – 2005. – № 2. – С. 149.

30. Подобный «симбиоз» очень четко фиксируется на уровне эмпирических наблюдений. См. например: Фадеева О.П. Способы адаптации сельских семей к изменениям экономической среды (по результатам бюджетных обследований на Кубани и в Поволжье) // Рефлексивное крестьяноведение. – С. 161–215.

31. Китайская деревня: рубеж тысячелетий. – С. 157.

32. South China Morning Post. 2002. Feb. 6. (Cit.: Wong L. Market reforms, globalization and social justice in China // J. of contemporary China. – Abingdon, 2004. – Vol. 13, N 38. – P. 168).

33. В настоящее время система регулярной господдержки неимущих охватывает лишь 0,5% сельского населения (Китай: угрозы, риски, вызовы развитию. – С. 295).

34. Из беседы автора с сотрудниками Института экономики Академии общественных наук КНР в октябре 2005 г. См. также сайт «Жэньминь жибао»: <http://english.peopledaily.com.cn>

35. Cheng Li. The new bipartisanship within the Chinese Communist Party // Orbis – Philadelphia, 2005. Vol. 49, N 3. – P. 395–396.

36. Lin Woo-Long, Chen T.P. China's widening economic disparities and its «Go West program» // J. of contemporary China. – Abingdon, 2004. – Vol. 13, N 41. – P. 663–686.

37. До 1000 раз, по наблюдению социантрополога из КНР, отметившего в долине Янцзы случаи «анексии» преуспевшими деревнями земель своих бедных соседей и экономического закабаления последних (см.: She Xiaoye. Pluralism of village boundaries: Conflict a. coexistence within an open economic boundary a. closed social boundary // Social sciences in China. – Beijing, 1998. – N 2. – P. 94–104.

38. Подсчеты, конечно, затруднительны; можно отталкиваться от численности той категории (8,5%), уровень доходов которой значительно превышает, по официальным данным, средние показатели (см.: Китай: угрозы, риски, вызовы развитию. – С. 295).

39. По собственным наблюдениям в считающейся небедной деревне средней по уровню доходов восточнокитайской провинции Шаньдун (май 2001 г.).

40. В свое время эту традиционную логику крестьянского хозяйствования определил А.В. Чаянов популярной до сих пор в крестьяноведении формулой «труд-потреб-

тельского баланса». При всех издержках она остается необходимым отправным пунктом (см.: Гордон А.В. Типология семейного хозяйствования в крестьяноведении (90-е годы XIX в. – 90-е годы XX в.) // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. / Уч. зап. – 1999 – С. 5–25).

41. Хозяйственный оптимум 79 *му* (современный надел 8 *му*) был определен специалистами, проводившими полевые исследования в 30-х годах, в условиях естественной социально-экономической дифференциации (см: Bramall Ch. The role of decollectivisation in China's agricultural miracle, 1978–1990 // J. of peasant studies. – L., 1993. – Vol. 20, N 2. – P. 277).

42. Неслучайно отечественные специалисты пишут, что введение подрядной аренды сделало лишь «первую половину дела», и назрела потребность «более глубокой земельной реформы» (Современная китайская деревня: Основные тенденции социально-экономического развития. Ч. 2. – М., 1992. – С. 53–55).

43. Салицкий А.И. Взаимодействие КНР с мировым хозяйством. М., 2001. – С. 95.

44. См.: Китай на пути модернизации и реформ. 1949–1999. М., 1999. – С. 224.

45. Курбатов В.П. Актуальные проблемы КНР: Демография, агросфера, экология. М., 1996. – С. 189, 193; Бони Л.Д. Рынок в китайской деревне (1978–1995). Ч. 2. М., 1997. – С. 16–17; Китай: угрозы, риски, вызовы развитию. – С. 300.

ПРОБЛЕМЫ СНГ

З.А.Дадабаева

ТАДЖИКИСТАН В СИСТЕМЕ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Дадабасва Зарина Абдурахмановна –
доктор политических наук,
ведущий научный сотрудник
Института экономики РАН.

Сегодня Центральная Азия – важнейшая зона геополитических, экономических и военных интересов развитых государств мира. Страны этого региона тяготеют к России. Это вполне понятно, ибо обусловлено тенденциями политико-экономических связей, унаследованных от бывшего СССР.

Россия и страны Центрально-Азиатского региона

В последние годы Россия активно проводит политику экономического взаимодействия с государствами Центральной Азии. Это способствует эффективным экономическим контактам внутри ЕврАзЭС и ЦАС, членом которого Россия стала в 2004 г. (в 2005 г. произошло слияние этих двух организаций). Межправительственное соглашение России и Таджикистана предусматривает 200 млн. долл. прямых российских инвестиций в сооружение Сангтудинской ГЭС. Российские компании в Таджикистане также планируют участвовать в сооружении Рогунской ГЭС мощностью в 3 млн. 600 тыс. кВт. С ее возведением закончится работа по многолетнему регулированию стока реки Вахш, а это позволит разрешить энергетический спор в регионе. Гарантией вложенных средств должна стать российская военная база в Таджикистане, открытая в октябре 2004 г. В состав базы войдут все воинские части России в республике, в том числе авиагруппа военно-воздушных сил и уникальный оптико-волоконный комплекс обнаружения высокоорбитальных космических объектов «Окно», расположенный в 70 км от Душанбе. За этот объект Россия списала 242 млн. долл. таджикского долга.

Продолжается традиционное российско-узбекское сотрудничество в области авиа- и автостроения. Более 90% закупок горяче- и холоднокатаной листовой стали Узбекистана переориентированы на российскую компанию «Северсталь». Более 900 предприятий России получают заказы на комплектующие от авиационного и автомобильного заводов Узбекистана. Российский капитал проявляет интерес к широкомасштабному инвестированию в узбекскую экономику, в первую очередь в добычу и переработку нефти и газа, телекоммуникации, металлургию, машиностроение, точное приборостроение, производство электротехнической продукции, строительных материалов, переработку сельхозпродукции.

Экономические интересы России традиционно представлены и в Кыргызстане. Развивается сотрудничество в возрождении уникальных предприятий: приборостроительного завода Кара-Балтинского горно-металлургического комбината, Орловского химико-металлургического завода, завода ЭВМ. Действует российско-киргизско-казахстанское СП по переработке урановых руд для топлива атомных электростанций.

Существенное значение имеет военное присутствие России в республике на основе открывшейся в октябре 2003 г. военной базы в Канте. Это важно в стратегическом плане, так как на территории международного аэропорта «Манас» близ Бишкека размещаются группы американских военных. Находящаяся там военная группировка используется для тылового обеспечения и поддержки сил антитеррористической коалиции в Афганистане. Но при необходимости авиабаза готова технически обеспечивать истребительную и штурмовую авиацию.

Таджикистан: Двустороннее сотрудничество

В настоящее время страны региона находятся на разных уровнях развития рыночных реформ; из-за этого взаимодействие между ними недостаточно эффективно. В переходе к рыночным отношениям Таджикистан существенно отстал от сопредельных стран. Экономика, которую получила республика после распада единой системы хозяйствования, оказалась недостаточно жизнеспособной и малоэффективной. В общесоюзном разделении труда Таджикистан специализировался на производстве хлопка-волокна, алюминия, руд и концентратов цветных металлов, узлов и деталей машиностроения и металлообработки, строительстве гидроузлов, некоторых видов продукции текстильной, легкой, пищевой и химической промышленности. Индустрия Таджикистана работала, в основном, на привозном сырье и изготовленном в других республиках оборудовании. Разрыв экономических отношений оставил Таджикистан вдали от транспортных и коммуникационных артерий, а многократное удорожание привозного сырья, агрегатов и оборудования в сочетании с таможенными процедурами обострило проблемы аграрного и индустриального секторов экономики. В резуль-

тате глубокого спада производства более 32–35% трудовых ресурсов оказались безработными, что в условиях стойкого увеличения рождаемости в республике вылилось в масштабную бедность. По оценкам международных организаций, за черту бедности попали более 83% населения. По некоторым данным, по индексу человеческого развития среди 175 стран Таджикистан занимает 113 место.

ВВП на душу населения по текущему обменному курсу составляет 236 долл. США, а это намного ниже средних показателей по СНГ. «ВВП на душу населения от уровня России составил 7,7%, Казахстана – 11,3, Белоруссии – 13,1, Украины – 21,8, Кыргызстана – 58,3%»¹. В 2003 г. объем ВВП от уровня 1990 г. составил 49,1%, продукция промышленности – 55,8, сельского хозяйства – 82,6%².

Начало экономических реформ в Таджикистане совпало с политическими беспорядками, которые в итоге привели к гражданской войне (1992–1997). Только после стабилизации политической ситуации, т.е. во второй половине 90-х годов, стало возможно продолжать экономические реформы. Для достижения макроэкономических показателей 1990 г. правительство утвердило программу экономического развития на 2000–2015 гг. В ней предусмотрены среднегодовые темпы прироста ВВП в размере 10,3%. При обеспечении таких темпов ВВП на душу населения достигнет уровня 1990 г. только в 2015 г., а общий объем его составит 7 млрд. 932 млн. сомони (в 2003 г. объем ВВП составил почти 4,76 млрд. сомони)³. Но даже эти темпы, отмечают таджикские экономисты, являются минимальными, более приемлемы темпы не ниже 14–16%.

В соответствии с этой программой производство хлопка-сырца к 2015 г. должно составить около 850 тыс. т (в 2003 г. – 53,7 тыс. т). Производство зерновых культур планируется довести до 1,2 млн. т (в 2003 г. – 884,4 тыс. т). По данным Министерства сельского хозяйства Таджикистана, собственная потребность республики в зерне составляет около 1 млн. т. Планируется увеличить производство алюминия, доведя его к 2015 г. до 412 тыс. т вместо современного уровня в 320–330 тыс. т (проектная мощность таджикского алюминиевого завода – 517 тыс. т)⁴.

По мнению многих таджикских экономистов, в перспективе при таких темпах существенных сдвигов в динамике социально-экономических показателей не произойдет, и отставание Таджикистана от других стран ЕврАзЭС и СНГ усилится. В итоге Таджикистан – на фоне достаточно высоких темпов

1. Каюмов Н.К. *Экономический рост и сокращение бедности в Таджикистане. Модели системной трансформации и социальная цена реформ: Опыт России, СНГ и стран ЦВЕ. Материалы международной конференции.* – М., 2004. – С. 89.

2. Там же. – С. 90.

3. Азия-плюс. 3 марта 2003 г.

4. Там же.

экономического роста в других странах региона и СНГ – навсегда останется в «порочном круге нищеты». Чтобы этого не произошло, необходимо ускорение индустриального развития. Требуется переход к активной промышленной политике, включающей восстановление и поддержку жизнеспособных отраслей промышленности, развитие которых могло бы стимулировать экономический рост, улучшить условия и качество жизни населения.

Важным фактором ускорения темпов экономического развития должны стать активные внешнеэкономические связи и расширение экспортного потенциала страны. Таджикский экспорт до сих пор отличается узким ассортиментом и сырьевой направленностью (алюминий, хлопок-волокно). Это не способствует повышению статуса республики в интеграционных процессах на постсоветском пространстве. В связи с этим приоритетами экономической политики становятся реорганизация отраслевой структуры Таджикистана, решение проблемы глубокой переработки алюминия и обработки хлопка-волокна внутри страны, создание единого национального хозяйственного комплекса.

Интеграция центральноазиатских государств – объективный процесс, обусловленный национальными интересами. Однако объединение идет крайне медленными темпами. На его пути стоит множество проблем: взаимные неплатежи, хронические недопоставки, узость внутреннего рынка, снижение возможностей интеграции из-за перехода базовой собственности в руки иностранных владельцев, территориальные, этнические противоречия и др.

В апреле 2000 г. социологическая служба Центральноазиатского агентства политических исследований провела среди экспертов опрос по проблемам межгосударственных отношений в регионе. Результаты свидетельствуют, что позитивные тенденции присутствуют только в отношениях Казахстана с Кыргызстаном и Таджикистана с Казахстаном. Общим для всех опрошенных экспертов оказалось мнение об ухудшении двусторонних отношений между Таджикистаном и Узбекистаном⁵. Среди причин этого были названы: 1) наличие спорных территорий (наиболее остро эта проблема проявляется в отношениях Кыргызстана и Узбекистана, Таджикистана и Узбекистана); 2) межэтнические проблемы; 3) совместное использование транспортных артерий; 4) влияние других стран; 5) распределение водных ресурсов, особенно в летний период; 6) исламский фактор. Перспективы развития двусторонних связей между Кыргызстаном и Таджикистаном, Таджикистаном и Узбекистаном оценивались экспертами наименее оптимистично.

5. Состояние и перспективы межгосударственных отношений в Центрально-Азиатском регионе. – Международный евразийский институт экономических и политических исследований. www.iicas.org/articles/library/libr_rus_24_5_00gp.htm

Говоря о наиболее перспективных областях сотрудничества по региону в целом, эксперты на первое место поставили сотрудничество экономическое, на второе – политическое. На один уровень с политическими ставится противодействие терроризму, наркобизнесу и торговле оружием. Военное сотрудничество замыкает «тройку» значимых внешних областей межгосударственного взаимодействия в регионе. На последнее место отодвинута сотрудничество в культурной, образовательной и научной областях.

Эксперты неоднократно отмечали существенное влияние, которое оказывают на позиции лидеров стран Центрально-Азиатского региона и их внешнюю политику государства, имеющие здесь свои политические и экономические интересы и рычаги влияния. Наряду со странами мусульманского мира, к ним относят Россию, США, Китай. США и их западноевропейские партнеры сумели добиться двух значимых результатов в Центральной Азии. Во-первых, внедрения своего капитала в наиболее выгодные отрасли хозяйства региона, причем главным образом в сегменты рынка, которые позволяют без сколько-нибудь существенных затрат в короткие сроки получить максимальную финансовую выгоду. Во-вторых, вследствие весьма продуманной и целенаправленной работы в элитных группах центральноазиатских государств появились целые страты, отличающиеся искаженным восприятием России, отношением к ней как главному препятствию на пути прогрессивного развития стран региона. Отношения с Россией для Центральной Азии изображались как ненужные и даже вредные. Свою роль в формировании таких установок сыграл и временной фактор: естественная смена поколений в политической элите республик Центральной Азии неизбежно порождала политиков, сложившихся в иных исторических условиях, чем прежние лидеры времен Советского Союза. С учетом этого обстоятельства Запад стремится умалить политическую роль России, ограничить распространение русского языка в политической культуре новых элитных групп. Как показывает опыт последнего времени, значение русского языка на постсоветском пространстве постепенно уменьшается, что в течение ближайших 10–20 лет может негативно отразиться на экономическом развитии стран СНГ и ЕврАзЭС, на преподавании и подготовке специалистов.

Что касается внешнеполитического вектора, то главным стратегическим партнером Таджикистана была, остается и будет Россия. Позиция президента Рахмонова однозначна – дружить с Россией. Хотя борьба с оппозицией может дестабилизировать обстановку в стране, но, вероятнее всего, не скажется в будущем отрицательно на российско-таджикских отношениях.

В Таджикистане есть проблемы, связанные с выводом российских пограничников с таджикско-афганской границы. С одной стороны, это не должно отразиться на российском населении в Таджикистане, чего опасаются некоторые российские парламентарии и исследователи. В определенной степени ситу-

ацию уравнивают находящиеся в Москве сотни тысяч гастарбайтеров из Таджикистана. Гораздо опаснее то, что вывод российских пограничников неизбежно усилит риск трансформации региональных политических элит, которые могут превратиться в мощные наркосиндикаты, обеспечивающие политическое прикрытие чрезвычайно выгодного бизнеса – торговли героином. В таком случае Таджикистан может стать дестабилизирующим компонентом региона, так как последние десять лет главная наркоугроза для всех центральноазиатских стран исходила из Афганистана. Из 32 провинций этого государства в 28 выращиваются наркосодержащие растения. А к наркоторговле причастны практически все неподконтрольные правительству вооруженные группировки.

Таджикистан - Кыргызстан

Сотрудничество между обеими республиками существенно расширилось. Правовую базу для отношений в политической, экономической и культурной сферах обеспечивают межгосударственные и межправительственные документы. Ряд двусторонних документов касается сотрудничества в военной области и борьбы с угрозой терроризма. Сегодня действуют: соглашение об упрощенном порядке приобретения гражданства, о защите инвестиций, о сотрудничестве в области подготовки и аттестации научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации, о пунктах пропуска через государственную границу, меморандум о развитии сотрудничества в сфере экологической безопасности. Двусторонний документ о добрососедских партнерских отношениях позволяет продолжать постоянный политический диалог, поддерживать инициативы друг друга на международном и региональном уровнях.

Оптимизация двусторонних торгово-экономических отношений привела к некоторому возрастанию товарооборота, который в 2004 г. составил 50 млн. долл., увеличившись на 11%. Приоритетными направлениями сотрудничества являются производство и передача электроэнергии, строительство автомобильных дорог и др. Большие запасы дешевых гидроэнергетических ресурсов, которыми обладают Таджикистан и Кыргызстан, могут стать альтернативой энергоносителям, за которые в современном мире ведется упорная борьба. С этой точки зрения открытие линии электропередачи между Согдийской областью Таджикистана и Баткентской областью Кыргызстана, реконструкция автомобильной дороги «Душанбе – Джиргиталь – Саритош» сулят значительную выгоду для двустороннего сотрудничества.

Крупнейший проект РАО «ЕЭС» России по достройке двух Камбаратинских ГЭС в Кыргызстане позволит экспортировать электроэнергию оттуда в соседние государства, в том числе Китай и Таджикистан. Крупнейшим потребителем должен стать Таджикский алюминиевый завод, который будет поку-

пять в год до 2 млрд. кВт/ч электроэнергии, вырабатываемой станциями. Хотя приватизация завода еще не проводилась, к ней уже проявили интерес российские алюминиевые гиганты – Русал и Суал.

Таджикистан - Узбекистан

Основное внимание во взаимодействии двух стран уделяется торгово-экономическому сотрудничеству. Объем взаимного товарооборота в 2004 г. возрос по сравнению с предыдущим годом на 27%.

Стороны проявляют интерес к расширению региональной и трансграничной торговли, а также восстановлению связей между промышленными предприятиями обеих стран. Узбекская сторона списала 10% задолженности Таджикистана, что составляет около 12 млн. долл. Остальная часть государственного долга (около 106 млн. долл.) реструктуризирована на десять лет. Подписаны межправительственные соглашения о взаиморасчетах за транспортировку грузов и погашении государственного долга Таджикистана в 2005 г. Решаются вопросы, связанные с поставкой минеральных удобрений, природного газа и горюче-смазочных материалов. Правда, проблемы в области рационального использования водных и энергетических ресурсов решаются крайне медленно.

Однако между республиками существует и немало противоречий, которые в отдельные периоды порождают напряженность. В частности, узбекское руководство отрицательно отнеслось к необходимости прокладки туннеля через Туркестанский хребет для переброски части стока реки Зарафшан. Осуществление этого проекта могло бы позволить Таджикистану оросить более 65 тыс. га земли Шахристанского и 35 тыс. га Кизилинского массивов. Но отбор части стока Зарафшана ухудшит обеспечение водой низовья Сырдарьи, что для Узбекистана неприемлемо.

В 2004 г. Узбекистан, являющийся единственным коридором для поставок таджикского электричества в Россию, отказал в транзите, сославшись на перегрузку сетей. Это привело к срыву договоренностей Таджикистана с РАО «ЕЭС» на закупку электричества. Контролируемая РАО «ЕЭС» компания ИНТЕР РАО ЕЭС планировала увеличить в 2004 г. закупки электроэнергии у Таджикистана до 1,4 млрд. кВт/ч (190 млн. в 2003 г.), чтобы обеспечить поставки электричества в южные регионы России и на Урал. Таджикская сторона, намеревавшаяся самостоятельно договориться с соседними странами – Казахстаном и Кыргызстаном о цене энерготранзита, первоначально была удовлетворена обещанием Узбекистана решить эту проблему, так как он также является потребителем таджикской электроэнергии, импортируя в летний период более 400 млн. кВт/ч, но на первом этапе соглашения были сорваны.

Конфликтность во взаимоотношениях между Таджикистаном – Узбекистаном – Кыргызстаном связана и с неурегулированностью отдельных участков

совместных границ, территориальными претензиями и этническими противоречиями. До сих пор не решены вопросы о разминировании таджикско-узбекской границы для борьбы с террористами, усеянной противопехотными минами, на которых взрываются мирные жители. Введен визовый режим с Таджикистаном, что осложняет движение людей в обоих направлениях. Эпицентр конфликтности расположен в Ферганской долине, объединяющей границы Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана.

Таджикистан - Казахстан

Между обоими государствами развивается конструктивное сотрудничество в торгово-экономической, научно-технической, культурной и гуманитарной сферах. Обеспечена правовая база для укрепления связей в политической, экономической, инвестиционной, налоговой, банковской, таможенной, а также в военной и военно-технической областях. Приоритетные направления экономического сотрудничества – горнодобывающая промышленность, цветная металлургия, машиностроительный сектор, агропромышленный комплекс, энергетика, легкая промышленность, транспорт и коммуникации.

Основными статьями поставки товаров из Таджикистана являются электроэнергия, хлопок, алюминий и изделия из него, плодоовощная продукция, а также текстильные материалы. Главная статья импорта из Казахстана – зерно и мучные изделия. В достаточно больших объемах ввозятся также нефтепродукты, прокат черных металлов, продукция неорганической химии.

В 2004 г. на уровне правительств обсуждались перспективы совместных инвестиционных проектов, связанных с возможными вложениями казахстанских денег. (Для Казахстана выход на новые рынки и экспорт капиталов предпочтительнее в страны, с которыми его связывает общее советское прошлое, например, Таджикистан и Россия.) Принятая Казахстаном стратегия инновационно-индустриального развития предполагает осуществление проектов, связанных с центральноазиатскими рынками. В Казахстане в ближайшие годы ожидается быстрый рост строительства жилья, ввод которого может возрасти до 5 млн. м². Здесь открываются возможности для таджикских строителей, которые имеют достаточный опыт в этой области, но дома не могут найти применения своим силам из-за безработицы.

Значительные инвестиционные возможности для двух республик заключены и в разработке месторождений вольфрама, свинца, цинка, но главным образом – в грандиозных гидроресурсах Таджикистана, которые пока используются в незначительной степени. Казахстан заинтересован инвестировать в киргизскую и таджикскую энергосистемы.

Переход к рыночной экономике в странах региона выявил дефицит внутренних источников инвестирования, вынудив государства обратиться к вне-

шним заимствованиям, в частности, к прямым иностранным инвестициям. В условиях Таджикистана иностранные инвестиции до 2002 г. не играли заметной роли в экономике. Ежегодные объемы прямых инвестиций не превышали 3% к ВВП, что было явно недостаточно для серьезных изменений отраслевой структуры экономики и проведения институциональных преобразований. Низкий уровень прямых инвестиций свидетельствовал о том, что Таджикистан менее, чем другие страны с переходной экономикой, был вовлечен в международный инвестиционный процесс. Причиной этому, с одной стороны, являлись ограничения, которые применялись и применяются МВФ (3% к ВВП), с другой – недоверие в отношении Таджикистана, который не отвечал таким требованиям, как прозрачность и защита прав инвесторов. В 2002 г. сумма инвестиций в основной капитал за счет всех источников финансирования достигла 278,1 млн. сомони. В 2003 г. в экономику Таджикистана привлечено около 130 млн. долл. иностранных инвестиций, из которых свыше 30 млн. долл. являются прямыми. В 2004 г. в стране реализовано 27 инвестиционных проектов на сумму 52,7 млн. долл.⁶

Несмотря на то, что страны Центрально-Азиатского региона в силу сырьевой направленности экспорта являются конкурентами на мировом рынке ресурсов, существует ряд направлений экономического сотрудничества для их успешной интеграции. Вот некоторые из таких направлений: равномерное расширение взаимной торговли; усиление приграничного сотрудничества; взаимодействие в нефтегазовой, энергетической сфере; сотрудничество в сфере транспорта и коммуникации; обеспечение региональной безопасности.

Эффективность двусторонних отношений между центральноазиатскими республиками в немалой степени зависит и от координации их внешнеполитических усилий в рамках международных и региональных организаций – таких как ООН, СНГ, ЕврАзЭС и ШОС. Сотрудничество в этих организациях предоставляет самые широкие возможности – от выработки внешнеполитических подходов к решению международных и региональных проблем до налаживания сотрудничества в торгово-экономической и гуманитарной областях.

Тхён Ки Ком

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РОССИИ С КАЗАХСТАНОМ И УЗБЕКИСТАНОМ

Тхён Ки Ком – южнокорейский исследователь.

Окончание «холодной войны» и распад Советского Союза резко изменили мировое сообщество, привели в дальнейшем к качественно новому политическому и экономическому сотрудничеству на глобальном и региональном уровнях. Современный мир настолько взаимозависим, что ни одно государство не способно выжить в изоляции. Исходя из этого, одной из самых актуальных проблем исследования является интеграция субъектов мирового сообщества. Она происходит на нескольких уровнях: глобализация, регионализация, суверенизация и локализация.

Особенно значимыми являются интеграционный и дезинтеграционный процессы в отношениях между странами Евразийского континента. Спецификой региональных подсистем северной части Евразии стала адаптация ценностей демократии и рыночной экономики к международному интеграционному процессу, налаживание дипломатических отношений не на основе идеологических и культурно-цивилизационных различий, а на базе геополитического и экономического сотрудничества с соблюдением собственных национальных интересов, выгоды и пользы.

Стремясь к интеграции в политико-экономической сфере в рамках СНГ, **Россия** сформировала новую концепцию внешней политики и национальной безопасности, а также новую военную доктрину. Оценивая место и роль других ведущих держав на Евразийском континенте, Россия укрепляет свои позиции в отношениях со странами Востока и Запада.

После обретения независимости **Казахстан** начал осуществлять многовекторную внешнюю политику, направленную на установление взаимовыгодных отношений со всеми ведущими субъектами мирового сообщества. Согласно новой политике, с одной стороны, жизненно важным партнером Казахстана остается Россия. В этом контексте главная задача Казахстана состоит в тесном сотрудничестве с Россией для сохранения безопасности и стабильности своего государства и региона в целом. С другой стороны, одними из главных партнеров Казахстана стали КНР, США, Европейский союз, Турция. С ними Казах-

стан связывает увеличение инвестиций в основные секторы экономики, особенно в энергетику, машиностроение, сельское хозяйство, в разработку новых технологий, а также в развитие транспортных коммуникаций.

В *Узбекистане* в новых условиях развития возникли внутривнутриполитическая нестабильность, этнические конфликты, появились религиозные экстремистские организации, такие, как Исламское движение Узбекистана. Для решения этих проблем было необходимо укреплять власть, налаживать сотрудничество с другими государствами для охраны границ, совместной работы правоохранительных органов в рамках СНГ. Уход из организации ОДКБ в конце 90-х годов, участие в работе ГУУАМ отодвинули на второй план отношения с Россией. Однако в последние годы внешнеполитические приоритеты Узбекистана изменились: в 2005 г. страна вышла из состава ГУУАМ; после андижанских событий и встречи глав государств СНГ в Казани вновь началось сближение с Россией. Летом 2005 г. Узбекистан стал членом ЕврАзЭС. Центральные органы власти Узбекистана потребовали от США вывода из страны военной базы, которая была развернута для антитеррористической операции в Афганистане.

Наблюдавшееся ослабление взаимоотношений России с Казахстаном и Узбекистаном в интеграционном процессе в 90-е годы вызвано рядом причин политического и экономического характера. В их числе ослабление политических и военных позиций России на международной арене, что автоматически привело к уменьшению ее влияния на постсоветском пространстве и отсутствию реальных действий в области интеграции. Утверждая свой суверенитет и территориальную целостность, Казахстан и Узбекистан стали проводить многовекторную политику, развивая отношения не только с Россией, но и с США, Европой, Китаем и другими государствами. В решении данного вопроса между тремя странами имеются разные подходы, приведшие к заметным противоречиям, при подготовке и реализации основополагающих документов между ними. Стало трудно совмещать национальные интересы с формированием наднациональных систем. В области экономики ослабление взаимоотношений связано с глубокими различиями во внутренней и внешней стратегии, избранных направлениях реформирования хозяйства отдельных участников; большей актуальности внешней торговли зависимости от промышленно развитых стран по сравнению с бывшими советскими республиками из-за неконкурентоспособности промышленности, особенно легкой. Есть и другие причины.

В дальнейшем развитие сотрудничества между Россией, Казахстаном и Узбекистаном возможно при решении проблем: совместной охраны общих границ; выработки и осуществления согласованной миграционной политики; сотрудничества при разрешении межэтнических конфликтов; координации социальной политики; восстановления утраченных и установления новых связей по всем направлениям и ряд других.

Важную роль в интеграции России, Казахстана и Узбекистана, на наш взгляд, играют совместные действия в борьбе против терроризма, религиозного экстремизма и нелегального оборота наркотиков, а также развитие торговли и транспортных коммуникаций.

Интенсивность процессов интеграции зависит не только от объективных, но и от субъективных факторов. Это проявляется в деятельности правящей элиты. Следовательно, в развитии и реализации интеграционных процессов между Россией, Казахстаном и Узбекистаном значительно роль играет позиция новых правящих элит и руководителей этих стран.

С точки зрения функционализма, отношения в области политики между данными странами в рамках ШОС, ОДКБ выглядят конструктивными и перспективными. На наш взгляд, функциональный подход к анализу интеграции России с Казахстаном и Узбекистаном более выгоден и потому необходим. В 90-е годы, несмотря на обострение обстановки, вызванной непрекращающимися попытками международных террористов и религиозных экстремистов дестабилизировать положение в Центральной Азии и на Кавказе, Договор коллективной безопасности оказался фактически бесполезным. Сказалось отсутствие договоренностей о принятии специфических мер по осуществлению совместных действий для обеспечения коллективной безопасности, реальное поведение членов ОДКБ породило разногласия. Сказалась также нехватка финансовых средств.

После антитеррористической операции США и стран НАТО в Афганистане члены ОДКБ постепенно укрепляют сотрудничество не только в области обороны, но и в плане нетрадиционных аспектов безопасности. Созданы коллективные силы быстрого развертывания (КСБР) при ОДКБ для совместных действий в Центральной Азии. КСБР становятся действенной структурой, способной противостоять вызовам и угрозам безопасности. Уход Узбекистана из ОДКБ еще больше стимулирует оставшиеся страны к сотрудничеству. Без дезинтеграции невозможно укрепить интеграцию в системе ОДКБ.

Одной из главных функциональных организаций в интеграционных процессах является ШОС, которая выступает региональным антитеррористическим центром. Безусловно, в системе ШОС существуют проблемы, связанные с механизмом принятия решений между ее членами, с доверием между ними, с проблемами сдерживания США и ЕС, которые стремятся к господству в Центральной Азии и выступают против укрепления российско-китайских отношений. ШОС функционально расширяет свое место, роль и позиции на региональном уровне при решении пограничных споров, таможенных проблем, в борьбе с международным терроризмом, религиозным экстремизмом, нелегальным оборотом наркотиков. Для укрепления интеграции между Россией, Казахстаном и Узбекистаном в политической сфере необходимо реализовать возможности КСБР

при ОДКБ и регионального антитеррористического центра при ШОС на основе долгосрочных стратегий и взаимной выгоды.

* * *

В результате распада СССР, сопровождавшегося разрушением единого экономического пространства и разрывом традиционных хозяйственных связей между Россией, Казахстаном и Узбекистаном, в первой половине 90-х годов экономическое положение этих стран резко ухудшилось. Это произошло в результате потери субсидий, получаемых ранее из общесоюзного бюджета, и выразилось: в нарушении существовавшей системы товарооборота и сокращении импорта и экспорта между новыми государствами по сравнению с товарооборотом в рамках Союза; в распаде существовавшей при СССР системы производства и разделения труда; в увеличении числа безработных; в уменьшении научно-технического потенциала.

Необходимость выхода из экономического кризиса поставила задачу не только создания рыночной экономики, но и развития регионального и международного экономического сотрудничества. В настоящее время эти страны пытаются полностью перевести свои внутренние и внешние экономические отношения на рыночную основу, адаптироваться к быстро меняющимся геоэкономическим реалиям.

Концептуальной основой интеграционных процессов в области экономики являются выгоды и взаимовыгодность.

Выгодами для участников региональной экономической интеграции являются: снижение издержек за счет увеличения объемов выпуска продукции и получения чистой прибыли; эффективная конкуренция, связанная с увеличением числа предприятий, которые каждый производитель рассматривает как своих конкурентов; открытие границ между странами, которое способствует ослаблению монополистических и олигополистических рыночных структур в отдельных странах; технический прогресс за счет повышения эффективности производства и разработки научно-исследовательских проектов внедрения новых видов продукции и новых технологий.

Для обеспечения взаимовыгодности государства вынуждены искать баланс экономических интересов и через общий, совместный интерес реализовывать экономический интерес участников региональной экономической интеграции. Результатом этого становится сокращение числа индивидуальных эгоистов, которые интересуются только собственными, а не общими выгодами в интеграционных процессах.

На протяжении всех лет преобразований на территории бывшего СССР было создано несколько региональных экономических сообществ и организаций, в рамках которых можно рассматривать интеграционный процесс между

Россией, Казахстаном и Узбекистаном. Например, ЕврАзЭС представляет собой экономическую интеграцию в рамках СНГ.

Интересы участников сообщества обусловлены не сохранением институтов, а функциональным развитием хозяйственных взаимовыгодных связей в промышленной отрасли и единой инфраструктуре транспорта и связи, а также созданием совместных межнациональных предприятий, таких, как ТНК.

Оценить реально существующий уровень экономических связей между странами ЕврАзЭС можно с помощью данных об объеме экспорта-импорта (табл. 1).

Таблица 1

**УДЕЛЬНЫЙ ВЕС СТРАН - ЧЛЕНОВ ЕВРАЗЭС
В ИХ ОБЩЕМ ОБЪЕМЕ ЭКСПОРТА И ИМПОРТА
В ГОСУДАРСТВА СНГ В 2004 Г. (В %)**

Страны	Экс. и имп. в СНГ	Россия	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Таджики- стан
Россия	Экс. 100		37,9	15,9	0,9	0,6
	Имп.100		36,4	19,6	0,8	0,0
Беларусь	Экс. 100	88,6		1,7	0,1	0,2
	Имп.100	94,4		0,2	0,0	0,0
Казахстан	Экс. 100	69,3	0,4		5,4	3,3
	Имп.100	78,7	2,4		1,5	0,1
Кыргызстан	Экс. 100	50,0	0,7	31,7		6,0
	Имп.100	50,1	0,7	34,9		0,4
Таджикистан	Экс. 100	38,0	1,0	2,2	2,8	
	Имп.100	34,8	2,0	21,9	5,5	

Источник: Содружество независимых государств в 2004 г., М., Росстат, 2005. – С. 74–77.

Из табл. 1 видно, что между Россией и Белоруссией, Россией и Казахстаном, Казахстаном и Кыргызстаном, Казахстаном и Таджикистаном, Кыргызстаном и Таджикистаном имеются очень тесные торговые отношения. Для всех участников важнейшим партнером является Россия. Необходимо отметить, что экономика Беларуси сильно зависит от российских экспорта и импорта. Казахстан намного меньше зависит от внешнего товарооборота с Россией, чем Беларусь. Роль России важна для интеграции в рамках ЕврАзЭС.

Несмотря на общий объем внешнего товарооборота России со странами ЕврАзЭС, он ниже, чем со странами СНГ в целом и со странами вне СНГ, хотя за последнее время заметно увеличился. Так, в 1995 г. объем экспорта и импор-

та России со странами ЕврАзЭС составлял 10,9 млрд. долл., а в 2002 г. – 14,6 и в 2004 г. – 26,4 млрд. долл. Особенно быстро он увеличился (на 142%) по сравнению с 1995 г. Причем, товарооборот ЕврАзЭС развивался более высокими темпами, чем в целом по СНГ¹.

Если говорить о факторах, повлиявших на ослабление позиций членов ЕврАзЭС, то ими являются следующие:

- Кыргызстан подписал договор и соглашение о выработке единой позиции участников Таможенного союза на переговорах по присоединению к ВТО и односторонне вступил в эту организацию. Вступление Кыргызстана в ВТО ослабило механизм совместных действий членов ЕврАзЭС;

- несмотря на продолжение роста товарооборота между членами ЕврАзЭС, до сих пор в этой организации не урегулированы платежно-расчетные отношения и ослаблена реализация существующих соглашений и договоров, не принимаются внутригосударственные нормативные правовые акты в соответствии с национальным законодательством;

- низкая конкурентоспособность их продукции по сравнению со странами дальнего зарубежья;

- неразвитость совместных механизмов интеграции, в том числе слабость, например, транснациональных корпораций и финансово-промышленных групп;

- отсутствие единого таможенного тарифа и существующие барьеры в торговле, перемещении рабочей силы и капитала, а также отсутствие единой экономической политики стран-участниц.

Иными словами, если члены ЕврАзЭС укрепят свои позиции, сообщество сможет регулировать внутренние конфликты между членами и решит проблемы таможенной политики. Не исключено, что ЕврАзЭС будет представлять собой самую авторитетную организацию экономической интеграции на постсоветском пространстве, что, возможно, привлечет в ее состав не только Узбекистан, но и Украину и т.д.

Центрально-Азиатский союз (ЦАС) становится фундаментом интеграции стран Центральной Азии. В январе 1994 г. первыми реальными шагами в направлении интеграции центральноазиатских государств явился подписанный Договор между республиками Узбекистан, Казахстан, Кыргызстан о создании единого экономического пространства. Были приняты дополняющие его договоренности о бюджетной и валютной политике, отмене таможенных пошлин и постепенном снижении налогов, сборов и других ограничений, а также соглашение между банками Узбекистана и Казахстана об открытии обменных валютных пунктов и клиринговых палат для осуществления взаимных платежей. В

1. *Содружество Независимых Государств в 2004 г.* – М., Росстат, 2005. – С. 78.

марте 1998 г. к этим странам присоединился Таджикистан. 17 июля 1998 г. ЦАС переименовали в Центрально-Азиатское экономическое сообщество (ЦАЭС), с февраля 2002 г. ЦАЭС стало организацией Центрально-Азиатского сотрудничества, т.е. была восстановлена аббревиатура ЦАС, с несколько иным содержанием.

На начальном этапе целью создания этой организации явилось урегулирование ряда региональных экономических проблем. ЦАС опиралась на региональные условия, связанные с географической близостью, культурно-цивилизационной общностью народов Центральной Азии, совместным использованием природных ресурсов, транспортных коммуникаций. Для формирования единого экономического пространства выдвинуто предложение создать зону свободной торговли, организовать ТНК, оказывать поддержку малому и среднему бизнесу, развивать в рамках организации внешнюю торговлю и сотрудничество в области финансово-кредитного обеспечения.

О нынешнем состоянии ЦАС можно судить также по данным о структуре внешнеторгового оборота, представленным в табл. 1. К этому можно добавить, что Узбекистан в 2003 г. в экспорте Казахстана составлял 4,6%, в импорте – 2,3%, для Кыргызстана аналогичные показатели соответственно были на уровне 8,1 и 9,6, для Таджикистана 48,6 и 22,3%. Во внешней торговле Узбекистана в середине 90-х годов (1995) наибольшее место занимал Казахстан (20,5% – в экспорте и 15,5% – в импорте), затем Таджикистан (соответственно 14 и 3,9%) и Кыргызстан (6,1 и 3,1%)².

Главными государствами этой организации являются Казахстан и Узбекистан. Внешнеэкономические связи между ними более взаимозависимы. Несмотря на роль Казахстана в качестве главного участника в системе ЦАС, доля его экспорта и импорта в страны ЦАС очень низкая. По экспорту она составляет 12,3% ко всему экспорту со странами СНГ, а по импорту только 3,8%. Это значит, что роль ЦАС в интеграционных процессах региона Центральной Азии невелика.

ЦАС формируется как самостоятельная региональная организация с внутренней устойчивостью и способностью к расширению в связи с созданием совместных предприятий, устранением барьеров во внешней торговле, а также в связи с необходимостью решения конфликтов вокруг водных ресурсов и проблем Аральского моря. В настоящее время ЦАС укрепляет позиции и роль в регионе не только в экономической сфере, но и в области нетрадиционных аспектов безопасности, которые связаны с терроризмом, экстремизмом, межэтническими конфликтами, межграницной преступностью и нелегальным оборотом наркотиков. Но в этом контексте ЦАС утратил свое первоначальное пред-

2. *Содружество Независимых Государств в 2003 г.* – М., Росстат, 2004. – С. 88–91.

назначение по созданию единого экономического пространства. Отсутствие эффективных механизмов интеграции мешает его функционированию в качестве полноценной самостоятельной политико-экономической региональной организации. Существуют проблемы согласования функций и урегулирования отношений между ЦАС и другими организациями, например, ЕврАзЭС и ШОС. Недостаточна политическая роль правящих элит этих стран в интеграции региона. В связи с этим ЦАС нельзя рассматривать как организацию экономической интеграции, это, скорее, структура вырабатывающая общие рекомендации для взаимодействия ее участников.

Торгово-экономические связи России с Казахстаном и Узбекистаном способствуют увеличению конкурентоспособности товаров и обуславливают взаимовыгодные отношения на принципах общего рынка, зон свободной торговли, таможенных и валютных союзов. Они являются важным фактором экономической интеграции. Для их анализа необходимо рассмотреть экономическую ситуацию в этих странах после распада единого народнохозяйственного комплекса СССР (табл. 2).

Таблица 2

**ДИНАМИКА ОСНОВНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ
ПОКАЗАТЕЛЕЙ (% К 1991 Г.)**

	1995	1998	2000	2002	2003	2004
Валовой внутренний продукт						
Россия	65	61	71	78	84	90
Казахстан	69	69	78	97	106	116
Узбекистан	82	91	99	108	112	121
Промышленное производство						
Россия	54	50	62	67	72	76
Казахстан	48	49	59	74	80	88
Узбекистан	98	109	122	142	151	165
Сельскохозяйственное производство						
Россия	70	59	66	72	73	74
Казахстан	72	55	67	81	82	82
Узбекистан	90	93	102	113	119	132
Инвестиции в основной капитал						
Россия	36	25	31	34	39	43
Казахстан	16	15	30	48	56	69
Узбекистан	52	75	78	84	88	92

Источники: Содружество Независимых Государств в 2003 г., М., 2004. – С. 19, 26, 32, 35; Содружество Независимых Государств в 2004 г., М., 2005. – С. 21, 25, 28, 29.

Из данных табл. 2 явствует, что наиболее сложная ситуация в настоящее время наблюдается в России, где по всем представленным показателям не достигнут еще уровень 1991 г. Особенно сильно от советских лет отстает объем инвестиций в экономику. В Казахстане также этот показатель довольно низкий, но за годы преобразований там сделан значительный рывок в наращивании темпов инвестиций, что привело к более благоприятной ситуации в данной сфере по сравнению с Россией.

Узбекистан, как видно из данных табл. 2, сумел быстрее России и Казахстана справиться с трудностями в развитии промышленности и сельского хозяйства после распада СССР, что дало ему возможность в новом тысячелетии получить положительную динамику производства не только в этих отраслях и валового внутреннего продукта в целом.

Развитию внешнеторгового оборота была свойственна тенденция более высокого роста торговли со странами вне СНГ, в результате чего доля стран содружества снизилась, более существенно в Казахстане и Узбекистане (табл. 3).

Таблица 3

**ДОЛЯ СТРАН СНГ ВО ВНЕШНЕТОРГОВОМ
ОБОРОТЕ (% К ИТОГУ)**

	1995	2000	2003	2004
Экспорт				
Россия	18,6	13,4	15,3	16,2
Казахстан	54,9	26,5	23,1	20,4
Узбекистан	39,3	24,7 (1998)		
Импорт				
Россия	29,2	34,3	22,9	23,5
Казахстан	69,7	54,2	46,8	47,9
Узбекистан	40,7	27,8 (1998)		

Источник: Содружество Независимых Государств в 2003 г., М., 2004. – С. 94; Содружество Независимых Государств в 2004 г., М., 2005. – С. 70–71.

Что касается экспортно-импортных операций между Россией, Казахстаном и Узбекистаном, то во всем объеме экспортных поставок России в страны СНГ в 2004 г. на Казахстан падает основная доля – 15,9%, на Узбекистан – 2,6%, а во всем объеме экспорта Казахстана в страны СНГ в 2004 г. на Россию приходилось более 69% и Узбекистан – около 5,7%, импорт Казахстана из России составил почти 80%, Узбекистана около 4%. Во всем объеме экспортных опера-

ций Узбекистана в 1998 г. на Россию падало 13%, Казахстан – 4% и импортных операций Узбекистана с Россией – 16%, Казахстаном – 5%³.

Это значит, что зависимость Казахстана от России в два раза больше, чем зависимость Узбекистана от России. Для России менее значимы отношения с Казахстаном и Узбекистаном, по сравнению с отношениями со странами дальнего зарубежья. Несмотря на уменьшение доли России во внешнеторговом обороте Казахстана, Россия остается его главным торговым партнером, особенно в импортных операциях. В 2002 г. стоимость казахстанского экспорта в России составила 1524 млн. долл., а импорта из России – 2540 млн. долл.

В 1992 г. доля России составляла в экспорте Узбекистана 53,1%, в 1998 г. – 13%, в импорте – 52,9% и 16%⁴. Резкое ослабление российско-узбекских экономических связей связано со снижением интереса российских и узбекских правительственных кругов к укреплению российских финансово-хозяйственных позиций в Узбекистане. Негативную роль сыграли и действия сторон по изменению многих ранее согласованных договорных позиций. Так, резкое сокращение поставок узбекского хлопка в Россию официальными источниками и рядом исследователей объяснялось тем, что Ташкент пересмотрел свою ценовую политику, перейдя на мировые, а не договорные цены, отказавшись от бартерной торговли и клиринга, требуя осуществления платежей в твердой валюте и т.д., а также неконкурентоспособностью легкой промышленности России. Для Узбекистана Россия перестала быть главным партнером.

Объем экспорта и импорта Казахстана с Узбекистаном также слишком мал по сравнению с аналогичными объемами между Россией и Казахстаном и между Россией и Узбекистаном. Это означает, что Центральное-Азиатское экономическое сообщество, в которое входят Казахстан и Узбекистан, на сегодняшний день ослаблено.

Таким образом, изменение прежних экономических связей обусловило необходимость переориентации торгово-экономических отношений между этими странами. Безусловно, существуют интересы этих стран, связанные с восстановлением хозяйственных связей на основе взаимовыгодности и с созданием в ходе этого конструктивного и функционального сотрудничества новой адекватной структуры экономических отношений. На наш взгляд, для развития внешнеэкономических отношений между этими государствами необходимо развивать взаимовыгодные отрасли экономики, создавать СП, ТНК, ФПГ, укреплять

3. 10 лет Содружеству Независимых Государств (1991–2000). М., 2001; Содружество Независимых Государств в 2002 г. М., 2003. – С. 88–91; Содружество Независимых Государств в 2004 г., М., 2005. – С. 74–77.

4. Там же.

существующие экономические организации и стремиться к созданию единого валютного пространства.

В торговле России с Казахстаном основной интерес по экспорту представляют машины, оборудование и механизмы, а по импорту – минеральная продукция. В торговле с Узбекистаном – экспорт машин и оборудования, в импорте – текстильные материалы и текстильные изделия. Интерес Казахстана: в экспорте – минеральные продукты, в импорте – машины, оборудование и механизмы из России. Интерес Узбекистана: в экспорте – текстильные материалы и текстильные изделия, в импорте – машины, оборудование и механизмы из России.

Взаимовыгодными отраслями России и Казахстана в экономической сфере являются минеральные продукты, драгоценные металлы и изделия из них и машины, оборудование и механизмы; России и Узбекистана – легкая промышленность, в том числе текстильные материалы и изделия, машины, оборудование и механизмы и энергетическая промышленность. Следовательно, необходимо укреплять сотрудничество и создавать совместные предприятия именно в этих отраслях, предоставить совместным предприятиям льготные налоги и отменить таможенные пошлины для развития внешнеторгового оборота.

На наш взгляд, для развития экономической интеграции между этими странами необходимо поэтапное и планомерное развитие интеграционных связей на микроуровне, связанное с восстановлением старых и формированием новых хозяйственных отношений между предпринимательскими структурами. Так, промышленниками и финансистами России и Казахстана в конце 1994 г. создан межгосударственный финансово-промышленный консорциум, разработавший меры по возобновлению выпуска продукции на некоторых ранее закрывшихся химических, нефтегазовых, машиностроительных и сельскохозяйственных предприятиях.

Одним из направлений сотрудничества России и Узбекистана могут быть производственно-технические связи в сфере производства хлопка и текстильных товаров. В интересах России и Узбекистана объединить производственную и сырьевую сферы хлопковой индустрии на базе совместных ФПГ, которые в состоянии решить задачи по совместному производству текстильных и других товаров на базе узбекского хлопка в России.

При этом важным документом является Соглашение между Россией и Узбекистаном об основных принципах создания ФПГ, подписанное 17 марта 1995 г.

Программа экономического сотрудничества России и Узбекистана на 1998–2007 гг. предусматривает укрепление экономической интеграции не только в текстильной отрасли, но и в энергетической, добывающей, минеральной и военной отраслях. В 2001 г. в Узбекистане было более 450 совместных предприятий с участием российских партнеров, в том числе: «Газпром» и «Узбекнефтегаз»; «Атомредметзолото» (русская компания) и «Кызылкумредметзолото»; РАО

«ЕЭС России» и Минэнерго Узбекистана; МАК «Ильюшин» и «Ташкентское авиационное производственное предприятие»; «Узбекистос темир йуллари» и ГПО «Уралвагонзавод».

Узбекские предприятия получают стабильную и гарантированную загрузку в рамках производственных программ ФПГ и систему сбыта продукции в России. Россия имеет надежного поставщика стратегически важной продукции, поставляет Узбекистану основные технологии и оборудование, прочие товары, ведет поисковые исследования и организует сбытовые структуры на рынках.

Таким образом, транснациональные финансово-промышленные группы, в том числе на базе государственных холдингов, призваны способствовать ускорению хозяйственной интеграции России, Казахстана и Узбекистана на микроуровне, стимулировать создание и развитие технологических цепочек и финансовых потоков, направленных на рациональное перепрофилирование ранее сложившейся производственной, финансовой, научной, коммерческой и других видов деятельности.

* * *

Важным направлением развития внешнеэкономических связей России, Казахстана и Узбекистана является экономическое сотрудничество субъектов этих государств, использование современных форм взаимодействия в производственной, инвестиционной и коммерческой областях.

Благодаря географической близости приграничная торговля между субъектами России и Казахстана увеличилась. Статистика свидетельствует, что даже в периоды резкого снижения товарооборота между Россией и Казахстаном объем товаров и услуг, перемещаемых между казахстанскими и российскими пограничными регионами, оставался стабильным. Формирование комплекса совместных предприятий Сибири и Севера Казахстана и использование во взаимных интересах особенностей природных ресурсов, коммуникационных условий этих регионов лежит в основе взаимовыгодных отношений народов и предпринимателей этих стран.

Субъекты России и Казахстана создают акционерную транснациональную корпорацию по добыче энергоресурсов, природных ресурсов и электроэнергии. Например, Омская, Свердловская и Челябинская области России и Павлодарская область Казахстана создают ТНК угля. Экономическое сотрудничество между Восточно-Казахской областью и республикой Саха-Якутия, Республикой Алтай, Алтайским краем, Омской и Тюменской областями России, «Газпромом» и нефтегазовой промышленностью Казахстана⁵.

5. Кожокин Е.М. *Казахстан: Реалии и перспективы независимого развития.* – М., 1995. – С. 54.

Имеются возможности усиления российско-казахстанского сотрудничества в Каспийском регионе, располагающем колоссальными энергоресурсами. Казахстан непосредственно заинтересован в том, чтобы установить взаимовыгодные контакты с российскими добывающими и перерабатывающими каспийское сырье предприятиями. Для России этот факт является национальным интересом, связан с транспортным тарифом, взаимозависимостью между двумя странами и интеграционным процессом в рамках СНГ.

В 2001 г. сотрудничество между регионами и областями России и Узбекистана активизировалось. Например, мять субъектов России прорабатывают возможности открытия торгово-экономических представительств на территории Узбекистана. В 2004 г. свыше 50 регионов России поддерживают активные торгово-экономические связи с административно-территориальными образованиями Узбекистана⁶. Важными регионами для Узбекистана являются республики Татарстан, Башкортостан и Оренбургская область России.

Один из важных факторов экономической интеграции между Россией, Казахстаном и Узбекистаном заключается во взаимодействии в области энергетики, природных ресурсов и транспортных коммуникаций. Роль его заметно усилилась после развала единого народно-хозяйственного пространства Советского Союза. Основным источником пополнения бюджета этих стран стала торговля энерго-природными ресурсами. Главными задачами правительств России, Казахстана и Узбекистана являются контроль за производством и добычей энергетических и природных ресурсов, урегулирование споров с нефтяными корпорациями и разрешение конфликтов с другими государствами или группами государств по распределению и использованию энергетических ресурсов. Особое значение для них имеет способность конкурировать с другими странами и ТНК на мировых рынках производства, добычи и переработки энерго-природных ресурсов. Эти страны располагают неплохими предпосылками для ускорения экономического роста и интеграции в мировую экономику в качестве экспортеров углеводородного сырья.

Наибольшее значение имеет Каспийский регион, который является одним из крупнейших в мире по запасам нефти и газа, о чем свидетельствуют данные табл. 4.

Наряду с сырьем Каспийский регион привлекает внимание тем, что представляет собой перекресток, пересечение трансконтинентальных коммуникаций Востока и Запада, Севера и Юга. Новое строительство трубопроводов играет огромную роль не только для экономики, но и для реализации геополитических интересов заинтересованных стран. Из-за больших запасов углеводородного сы-

6. *Панорама Содружества*. – М., 2004. – № 7. – С. 33.

рья и возможностей транскомуникации Каспий стал средоточием геополитических интересов не только прикаспийских государств, но и стран регионально-го и мирового масштаба.

Таблица 4

ОЦЕНКА ЗАПАСОВ НЕФТИ И ГАЗА В КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ

	Разведанные ресурсы нефти, млрд. барр.	Прогнозируемые ресурсы нефти	Всего	Разведанные ресурсы газа, трлн. м ³	Прогнозируемые ресурсы	Всего
Азербайджан	3,6	27	31	0,3	1	1,3
Казахстан	10	85	95	1,5	2,5	4
Туркменистан	1,5	32	33,5	4,4	4,5	8,9
Узбекистан	0,2	1	1,2	2,1	1	3,1
Россия	0,2	5	5	0	0	0
Иран	0	12	12	0	0,3	0,3
Всего	15,6	163	178	8,3	9,3	17,6

Источник: U. S. Sanctions and Caspian Sea oil and gas. The conference on Caspian oil, gas and pipelines. – N. Y., 1997, may 29–30. – P. 1.

В настоящее время нефть и газ перекачиваются по трубам, проложенным на территории России и Грузии. Государства, которые имеют интересы в Каспийском регионе, борются за транспортировку каспийской нефти и газа по своим маршрутам. При этом самым выгодным маршрутом из Каспийского региона является нефтепровод через российскую территорию (Баку–Новороссийск, Тенгиз–Новороссийск). Безусловно, необходимо создавать или укреплять совместные нефтяные предприятия и консорциумы между прикаспийскими государствами в местах, в которых существуют территориальные споры.

Транспортные ресурсы и коммуникации между Россией, Казахстаном и Узбекистаном в условиях экономической глобализации выступают важнейшим рычагом интеграционных процессов в рамках мирового сообщества. Формируемые транспортные коридоры создают предпосылки для объединения государств в единое экономическое пространство и адекватного участия стран в современной мировой системе разделения труда.

Развитие транспортно-коммуникационной структуры России, Казахстана и Узбекистана является одним из ключевых факторов укрепления экономической интеграции. Важность развития сферы транзитных перевозок обусловлена валютными поступлениями. В целом потенциальные доходы от осуществления транспортного транзита создают предпосылки для стимулирования развития национальных транспортных комплексов. Если транспортные системы государств обеспечат успешное решение этих задач с наименьшими издержками для това-

ропроизводителей, то торгово-экономические связи между странами укрепятся, в том числе в развитии транспортной инфраструктуры и средств связи.

После распада СССР эксплуатация транспортных сетей этих государств ухудшилась, поскольку разорвались экономические и производственные связи, техническое состояние транспорта было плохим и с низким уровнем инфраструктуры, сильно увеличились цены и тарифы на услуги транспорта, а также был установлен пограничный режим.

Железные дороги России, Казахстана и Узбекистана играют ведущую роль в обеспечении международных транзитных перевозок. Удельный вес железнодорожного транспорта России по отношению ко всем видам транспорта, занимающимся международными перевозками, в 2003 г. был равен 40%, а в Казахстане – 56,9% и в 1999 г. в Узбекистане – 35%.

В настоящее время определены четыре приоритетных евроазиатских направления железнодорожных магистралей:

Западная Европа–Россия–Корейский полуостров (Транссибирская железная дорога);

Европа–Россия–Центральная Азия–Китай (Трансиб–Евроазиатская магистраль);

Европа–Кавказ–Центральная Азия–Азия (TRASECA);

Северная Европа–Россия–Центральная Азия–Персидский залив (Север–Юг).

В заключение можно отметить, что, несмотря на наличие процесса дезинтеграции в отношениях между Россией, Казахстаном и Узбекистаном, существуют следующие объективные факторы, способствующие интеграции:

- совместная борьба с международным терроризмом, религиозным экстремизмом и нелегальным оборотом наркотиков – наиболее реальная и действительно приоритетная сфера взаимоотношений между этими государствами. Возможно, взаимовыгодные отношения в этой области изменят имидж России – жесткий характер диалогов и попытки прямого вмешательства сменяются поиском «мягких» решений, удовлетворяющих всех партнеров. Благодаря изменению государственного имиджа, Россия поможет расширить «зону компромисса» для урегулирования конфликтов и возникновения стимулов к интеграции между новыми государствами;

- совместные предприятия, международные финансово-промышленные группы и самое широкое, заинтересованное региональное сотрудничество экономических субъектов этих стран развивают торгово-экономические связи и укрепляют интеграционный процесс между Россией, Казахстаном и Узбекистаном;

- транспортные коммуникации этих стран развиваются вместе с ростом экономических контактов. Транспортные ресурсы и коммуникации как функциональные факторы взаимоотношений между этими странами способствуют развитию ряда предпосылок интеграции России, Казахстана и Узбекистана.

Для достижения успеха в деле интеграции этих стран, с точки зрения теории рационального выбора, необходимо: 1) обозначить национальные интересы во взаимоотношениях с партнерами, не только свои собственные, но и каждого партнера как индивидуального актора; 2) выбрать общие интересы на основе доверия партнеров и предложения им материальной поддержки, отринув эгоистические; 3) не замыкаться на текущих выгодах, а принимать во внимание долгосрочные перспективы; 4) стараться изменить ситуацию, преобразовав «дилемму заключенных» в «игру кооперации» на основе взаимовыгодной стратегии.

Интеграционный процесс между Россией, Казахстаном и Узбекистаном в области политики зависит от следующих обстоятельств: 1) внутривнутриполитической стабильности на основе достижения равновесия между властью и обществом и формирования рациональных стратегий в отношениях между этими государствами; 2) региональной безопасности, связанной с решением таких нетрадиционных вызовов, как терроризм и нелегальный оборот наркотиков; 3) укрепления механизма ОДКБ и ШОС; 4) политической воли правящих элит, в том числе президентов этих государств, которые олицетворяют субъективный подход к интеграции и играют в этих процессах одну из самых главных ролей.

Экономическая интеграция между этими странами зависит от: 1) укрепления роли и расширения функций существующих международных организаций, например, ЕврАзЭС, СНГ; 2) преодоления глубоких различий между субъектами интеграции в процессе экономического развития и реформирования хозяйственных структур в рамках, например, промышленной, фискальной, денежно-кредитной, валютной политики; 3) роста общих объемов внешнеторгового оборота между указанными государствами; 4) поддержания совместных предприятий в энергетической и минерально-сырьевой отраслях, связанных с конкурентоспособностью и эффективностью; 5) развития общих транспортных и коммуникационных инфраструктурных систем.

Г. Ю. Ситнянский

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ ПЕРЕД ЛИЦОМ «ЦВЕТНЫХ» РЕВОЛЮЦИЙ*

**Ситнянский Георгий Юрьевич –
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник Института
этнологии и антропологии РАН.**

2005 год был ознаменован «тюльпановой» революцией в Киргизстане и попыткой антиправительственной революции в Узбекистане, вошедшей в историю как «андижанские события». «Тюльпановая» революция, как и ее грузинская и украинская предшественницы, победила. Выступление же в Андижане было подавлено.

Некоторые отечественные аналитики поспешили заявить, что успехи «цветных» революций связаны исключительно с «непротивлением» власти, отказавшейся применять силу¹. Кое-кто проводит аналогии даже с... февралем 1917 года, когда Николай II, дескать, отказался применять силу для подавления «голодного бунта» и отрекся от престола². То обстоятельство, что Николай просто не мог подавить «бунт», так как войска перешли на сторону народа, сторонниками этой точки зрения игнорируется (как и тот факт, что в дальнейшем с 1917 по 1922 годы белое движение не ставило своей целью реставрацию монархии в России).

Мало отдать приказ, нужно еще, чтобы он был выполнен. Не могло ли быть так, что Акаев или Кучма просто опасались, что силовое решение политических проблем обернется для них, например, тем же, чем в 1989 г. для Чаушеску? И почему приказ о подавлении беспорядков в Андижане не стал столь драматичным для Каримова? Почему войска там остались верны режиму?

Логика апологетов крутых мер против «цветных» революций такова: все государства СНГ – бывшие советские республики, ситуация в них примерно одинаковая, поэтому то, что удалось Каримову, могло удасться Кучме и Акае-

** Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии».*

ву... Такая точка зрения игнорирует характер антиправительственных выступлений в разных постсоветских государствах и тесно связанный с ним цивилизационный фактор.

Я исхожу из того, что ядром бывших Российской империи и СССР (и возможной будущей интеграции постсоветских государств) является так называемая евразийская общность восточнославянских и тюркских народов, в пределах нынешних государственных границ занимающая территории России, Украины (без ее Запада), Белоруссии, Казахстана и Киргизстана. Примерно эту территорию (кроме Крайнего Севера и Восточной Сибири) охватывало русско-кипчакское полицентрическое государство, созданное в XII в. Владимиром Мономахом на основе партнерства и симбиоза Руси и Степи³. Собственно, начало евразийского единства в нынешнем виде было положено тогда.

Все государства успешных «цветных» революций относятся к евразийской общности либо тяготеют к ней. Кстати, события 2003–2005 гг. (и не только они) опровергают утверждения «евразийцев» 20–30-х годов о том, что евразийские государства ближе к Востоку, чем к Европе: «цветные» революции очень близки восточноевропейским «бархатным» революциям 1989 г. (и югославской 2000 г.). Но чем все-таки они отличаются от событий в Узбекистане?

Когда только что отгремела «революция тюльпанов» в Киргизии, некоторые политологи поспешили противопоставить ее украинской или грузинской: там не было захватов зданий районных и областных администраций, погромов в доме правительства и т.д. Так, заместитель генерального директора Центра политических технологий С. Михеев пишет: «Момент легитимности (по крайней мере внешней) был весьма важен для всех «бархатных» революционеров. Это было связано... с особенностями внутренней политической культуры (абсолютно незаконных с формальной точки зрения действий, пожалуй, не приняли бы даже грузины), так или иначе связанной с европейской политической традицией...

Но события в Киргизии развивались совсем по-иному... Формально поводом для смещения законно избранного президента страны, изгнания легитимного правительства, ...насильственного захвата органов власти, а также организации масштабных волнений, повлекших за собой гибель нескольких десятков людей, грабежи, поджоги и мародерство, стало недовольство группы оппозиционных кандидатов результатом выборов по трем-четырем одномандатным округам из 75 округов по выборам в Жогорку Кенеш – киргизский парламент»⁴.

Здесь надо сразу внести ясность. С.Михеев перепутал «бархатные» антикоммунистические революции 1989–1991 гг. с «цветными» 2000–2004 гг. Как раз первые были **нелегитимными** с точки зрения действовавших на момент их начала государственных законов коммунистических государств, даже если при

их совершении не было крови, как в Румынии, – и в этом они **похожи** на все прочие революции. Уникальными в плане легитимности были вторые революции – «цветные», хотя в Грузии имели место факты «насильственного захвата органов власти, а также организации масштабных волнений, повлекших за собой гибель... людей, грабежи, поджоги и мародерство». Но не это главное.

Главное в том, что и в Грузии, и в Украине, и в Киргизстане оппозиция играла на том же правовом поле, что и власть. Оппозиция выражала сомнение в том, что власть способна честно провести выборы. Основной лозунг оппозиционеров, когда объявлялось **о победе** сторонников действующей власти, звучал так: «Итоги выборов сфальсифицированы, на самом деле победили мы, но власть никогда этого по доброй воле не признает, поэтому нам ничего другого не остается, как идти «на майдан».

Все «цветные» революции так или иначе приурочивались к моменту проведения выборов. И власть, и оппозиция, по крайней мере формально, исходили из признания легитимности выборов и «диктатуры закона». Так было в Грузии и в Украине, так было и в Киргизстане. И об этом свидетельствует сама хронология событий.

Но начнем с того, что серьезные нарушения демократического принципа выборов имели место еще в 2000 г., когда Аскар Акаев переизбирался на третий срок. Так, в Джалал-Абаде (областной центр в Южной Киргизии) каждый директор крупного предприятия входил в областной штаб по поддержке Акаева. На каждые 20 избирателей назначался агитатор, ответственный перед одним из членов штаба, в его обязанности входило посещать подопечных граждан и спрашивать, не передумали ли они голосовать за Акаева. Доходило до того, что детей в детских садах заставляли скандировать: «Акаев, Акаев!» В итоге Акаев действительно выиграл выборы, но, по оценкам независимых экспертов, получил он не 70%, как было официально объявлено, а примерно 55%⁵.

Теперь перейдем к событиям 2005 г. (обратим внимание: факты взяты из сборника, составленного под руководством Г.О. Павловского и отнюдь не проникнутого симпатией к киргизским «революционерам»). 17 декабря 2004 г. депутаты Законодательного собрания Жогорку Кенеша приняли постановление о массовых нарушениях в ходе выборов в местные кенешы, проходивших 10 октября того же года. Это не помешало «Ассоциации городов Киргизской Республики» (декоративный орган вроде «Халк Маслахаты» в Туркменистане) через неделю направить в парламент обращение о нецелесообразности проведения прямых выборов в районные и областные кенешы и о формировании последних из числа депутатов местных кенешей, избранных 10 октября. Но даже если бы нарушений не было, согласимся, это несколько странный способ формирования вышестоящих органов законодательной власти из депутатов органов нижестоящих.

В тот же день, 17 декабря, Акаев высказал опасения по поводу «активизации экстремистских группировок на территории Киргизии»⁶. Но ведь активизация началась задолго до кануна выборов. Еще весной 2004 г. в областном центре Иссык-Кульской области Караколе разбрасывались листовки «Хизб ат-Тахрира». А вот зимой 2004–2005 гг. об их деятельности было не слышно. Оно и понятно: «Хизб ат-Тахрир аль ислами» (полное название) – организация, созданная в Иерусалиме в 1953 г., с конца 1980 г. действующая и в Средней Азии и ставящая своей целью создание «Всемирного исламского халифата». Со сторонниками ее мне довелось общаться в ноябре-декабре 2000 г. во время поездки в Южный Киргизстан (где исламисты пользуются большой популярностью среди узбекского населения). Изложу кратко их позицию.

«Хизб ат-Тахрир» (далее – ХаТ) не считает легитимными все правительства мира, в том числе и мусульманского, существовавшие после 661 г., когда погиб последний из четырех «праведных халифов» Али. После прихода ХаТ к власти предполагается их замена исламским халифатом. Замена должна, по уверению активистов ХаТ, быть мирной, однако военно-конспиративная структура этой организации, где каждый знает только членов своей пятерки и непосредственного начальника, наводит на совсем иные мысли. ХаТ априори отвергает участие в любых выборах или иных мероприятиях, организованных «шайтанской» (т.е. любой ныне действующей) властью, это для «истинно-правового» мусульманина – «арам» (т.е. запрет). Так что странной была бы активизация ХаТ накануне «шайтанских» выборов.

Еще в 1999 г., во время первого вторжения исламистских боевиков в Узбекистан и Киргизию, Аскар Акаев впервые публично заявил о планах «ваххабитов» создать в Ферганской долине «Кокандское ханство» с исламистским уклоном. (Напомню, историческое Кокандское ханство существовало в Ферганской долине с начала XVIII в. до 1876 г., когда было присоединено к Российской империи в качестве Ферганской области). Сегодня именно территория бывшего ханства – одна из наиболее исламизированных частей Средней Азии наряду с некоторыми областями на Юге Узбекистана. В общем, экстремисты из ХаТ и ему подобных организаций действовали задолго до декабря 2004 г., а как раз в это время особой активности не проявляли. Напрашивается вывод: под «экстремистами» Акаев подразумевал какие-то совсем другие силы.

Но о ХаТ мы еще поговорим, а пока продолжим хронологию киргизской революции. 29 декабря 2004 г. оппозиционные партии «Народное движение Киргизстана» (лидер К. Бакиев), «Ата-Журт» (Р. Отунбаева), «Жаны Багыт» (М. Иманалиев), «Народный Конгресс Киргизстана» (А. Атамбаев) и гражданский союз «За честные выборы» создали движение гражданской солидарности «За свободные и справедливые выборы». Через неделю, 6 января 2005 г., ЦИК отказал в регистрации в качестве кандидата в депутаты по Университетскому

округу № 1 г. Бишкека Р. Отунбаевой на том основании, что она в течение нескольких лет перед выборами не проживала на территории Киргизстана, как этого требуют законы страны. Между тем Р. Отунбаева в упомянутые годы была послом последовательно в нескольких западных странах, и все эти годы имела прописку в Бишкеке. Но даже если бы она не была прописана, то, согласно нормам международного права, посольство является территорией страны, так что она проживала не за границей. Ясно, что отказ в регистрации был незаконным. Тем не менее неоднократные обращения Р. Отунбаевой – вплоть до Конституционного суда – с просьбой пересмотреть решение успеха не имели.

18 января 2005 г. ЦИК Киргизстана решил не организовывать выборы для киргизстанских граждан, проживающих за рубежом, чем лишил возможности проголосовать как минимум 400 тыс. человек – такую цифру находящихся за рубежом киргизстанцев назовет позднее К. Бакиев, хотя другие источники называют и большие цифры – до 500 тыс.⁷. Формальным поводом послужило то обстоятельство, что выборы проходят по одномандатным округам (как будто для 400–800 тыс. избирателей нельзя было сформировать особые округа в регионах наибольшей концентрации граждан Киргизстана!).

Примерно тогда же «Коалиция за демократию и гражданское общество» обратила внимание общественности на то, что в нарушение закона в окружные избирательные комитеты включаются депутаты местных кенешей. И лишь после всего этого 19 января 2005 г. в Бишкеке прошел первый несанкционированный митинг протеста. За его организацию одна из лидеров Народного движения Киргизстана Ишенкуль Болджурова была привлечена к административной ответственности, а Р. Отунбаева приговорена к штрафу «за нарушение общественного порядка». Только 6 февраля 2005 г. в Оше, наконец, был арестован один из упомянутых Акаевым экстремистов – активист ХаТ, подозреваемый в подготовке террористического акта. На следующий день его сторонники организовали пикет у здания областной администрации. Незначительная активность ХаТ в эти недели понятна – об отношении последнего к организуемым «шайтанской» властью выборам уже говорилось.

19 февраля 2005 г. в Кочкорском районе Нарынской области был объявлен мораторий на проведение митингов (это за неделю до выборов, в самый пик предвыборной агитации!). Причина моратория выяснилась несколько дней спустя, когда был снят с регистрации кандидат от оппозиции по обвинению в «подкупе избирателей». Очевидно, его сторонников хотели лишить возможности протестовать против снятия их кандидата. Тогда же аналогичная участь постигла и оппозиционного кандидата в Тонском районе Иссык-Кульской области.

В ответ на это сторонники снятых кандидатов 23–26 февраля перекрыли общегосударственные дороги и шоссе Балыкчи-Торугарт, а в Тонском районе

начали еще и блокаду районной администрации. Собственно, только с этого – после того, как сторонников оппозиционных кандидатов лишили возможности протестовать законным способом на митингах – и начались насильственные (точнее, пока полунасильственные) действия со стороны оппозиции.

27 февраля прошел первый тур выборов, но и после него движение протеста носило в основном мирный характер: проходили массовые митинги с требованием пересчета голосов, имели место лишь отдельные попытки захватить органы власти (Джалал-Абад, здание областной администрации, 4 марта) или блокировать их (там же, 9 марта). По-настоящему волнения, сопровождаемые насильственными действиями, начались лишь после объявления утром 14 марта 2005 г. результатов второго тура выборов⁸. В общем, очевидно, что принципиальной разницы между киргизскими событиями и событиями в Украине и в Грузии нет.

Кстати, мало кто обратил внимание на то, как быстро «завяла» начавшаяся было «цветная» революция в одном из российских регионов – Башкирии, по своим этнокультурным параметрам очень близкой и Киргизии, и Казахстану. Выскажу свое мнение: это произошло в том числе и из-за отсутствия в тот момент перспективы близких выборов, к которым «цветную» революцию можно было бы «привязать». Президентские выборы прошли здесь вместе с общероссийскими думскими в декабре 2003 г., причем Центр буквально заставил С. Веремеенко (опередившего М. Рахимова в первом туре) проиграть их. Таким образом, и тут оппозиция не выходила за легитимные рамки.

Иное дело – Узбекистан. Оппозиция там действует с властью отнюдь не на одном поле. Ядро оппозиции составляют исламские радикалы – такие, как различные разновидности «ваххабитов» (как сейчас неправильно именуют большинство исламистов) или уже упоминавшийся «Хизб ат-Тахрир». В Киргизии ХаТ и «ваххабиты» тесно взаимодействуют друг с другом. Нет оснований думать, что в Узбекистане дела обстоят иначе. Хотя формально ХаТ выступает за мирные методы и осуждает, например, «ваххабитское» Исламское движение Узбекистана или лидеров «независимой Ичкерии» за насилие, но как поведут себя деятели ХаТ, если «добровольно» народ их не поддержит – неизвестно. (Значительная часть сторонников ХаТ не скрывает своего подлинного отношения к демократии. Например, некто А.А. Байматов, чью книгу мне дали почитать активисты ХаТ из Джалал-Абада, прямо пишет, что «народом надо управлять, а не идти у него на поводу»⁹).

ХаТ, вкупе с «ваххабитами» составляющий основную оппозицию режиму Каримова, действует просто в разных измерениях и с властью, и с той же киргизстанской оппозицией. Ни к каким выборам они свои акции не приурочивают и о легитимности этих акций с точки зрения законов Узбекистана речи не идет. Их аргумент – не избирательный бюллетень (пусть даже и поддержан-

ный насильственной или полунасильственной акцией в защиту выбора граждан), а пояс шахида, бомба и «Калашников».

Секта же «Акромийя», непосредственно организовавшая андижанские события мая 2005 г., основана в 1996 г. неким Акромом Юлдашевым. Он родился в 1963 г. в Андижане, с конца 80-х годов стал членом ХаТ, потом возглавил ее ячейку, но в результате возникших разногласий создал самостоятельную секту. В феврале 1999 г. А. Юлдашев был арестован по обвинению в причастности к взрывам в Ташкенте и приговорен к 17 годам лишения свободы не только за взрывы, но и за написанную им книгу экстремистского содержания «Путь к вере». Именно эти люди и составили основную движущую силу андижанских событий, вопреки распространенному в России и на Западе мнению, что это было «выступление требовавшего свободы и достойной жизни народа, подавленное каримовским режимом». Это не означает, разумеется, что в каримовском Узбекистане все в порядке со свободой и достойной жизнью.

Мнение об андижанских событиях именно как о спланированной акции исламистов подтверждается отчетом Ширин Акинер, известного ученого, преподавателя Центра восточных и африканских исследований Лондонского университета, автора семи монографий о мусульманах СНГ, в основном о народах Средней Азии. Ш. Акинер побывала в Андижане в конце мая 2005 г., по горячим следам событий, наблюдала их последствия лично, а также опросила многих свидетелей – от правозащитников до начальника андижанской тюрьмы, что придает ее отчету достоверность¹⁰.

Так, один из свидетелей событий – сотрудник правозащитной организации, т.е. человек, по определению не испытывающий к режиму Каримова особых симпатий – по акценту говоривших определил, что среди участников «стихийной акции протеста» были не только местные жители, но и приезжие, например, из Ташкента, Бухары, а также из Таджикистана и Киргизстана. А один из взятых боевиками заложников свидетельствует, что слышал разговоры и по-русски. Трудно сказать, были это уроженцы Кавказа или Поволжья, но российские «ваххабиты» уже не раз попадали в плен, например, к американцам в Афганистане.

О том, что андижанские события не стихийная акция протеста, а спланированный вооруженный мятеж, говорят и цифры потерь. Известно, что погибли до 40 сотрудников силовых ведомств. Что же касается общего числа жертв, то официальные источники называли цифру в 170 человек, тогда как неофициальные – 700, 800, 1000 и даже 1500. По мнению Ш. Акинер, опросившей кладбищенских работников, аксакалов, а также лично обследовавшей город на предмет наличия в домах признаков траура по погибшим, официальная цифра ближе к истине. Например, из 250 коек в единственной в городе общей больнице (в которой она также побывала лично) половина пустовала.

Таким образом, соотношение потерь силовых структур и остального населения – примерно один к трем-четырем. Даже если считать, что все остальные погибшие – участники восстания и никто из уличных зевак и случайных прохожих не пострадал, соотношение потерь больше походит на контртеррористическую операцию, чем на подавление стихийного народного протеста. Для сравнения: в январе 1990 г. в Баку, где стихийное выступление отнюдь не безоружного народа было подавлено частями Советской Армии, соотношение потерь было 40 на 640, или 1:16.

Однако все сказанное не означает, что «Андижанское восстание вообще не было попыткой народного выступления, так как в Узбекистане нет оснований для стихийных народных протестов». Оснований хватает, более того, можно утверждать, что их куда больше, чем в соседнем Киргизстане. Как говорил Генрих Манн, легко было бы бороться с фашизмом, если бы он был всегда не прав. Если слово «фашизм» заменить «исламским экстремизмом», то выражение вполне подойдет к нынешней ситуации в Узбекистане. Ш. Акинер пишет, что в Андижане, по ее наблюдениям, народ в массе своей живет совсем не плохо. Осенью 2004 г. во время пребывания в Киргизии мне доводилось слышать от жителей Джалал-Абада совсем другие рассказы о жизни в Узбекской Фергане. Конечно, человеку, который судит по рассказам, трудно спорить с тем, кто бывал на месте сам, однако не вполне ясно, была ли Ш. Акинер в сельской местности или только в Андижане. По рассказам, узбекские крестьяне не могут продавать свою продукцию на свободном рынке, а вынуждены сдавать ее по государственным ценам. Чтобы прокормиться, они вынуждены ехать торговать в соседнюю Киргизию, но это небезопасно: пойманного ждет не только штраф, но и махаллинский (махалля – что-то вроде старого русского «мира», только не в селе, а в городском квартале) суд с последующим публичным позором. Причем материальное положение «провинившегося» не имеет значения – например, мне рассказывали про мать-одиночку с пятью детьми, с которой обошлись таким образом. Поэтому немало узбеков перебралось в Южную Киргизию совсем, и киргизы, которые в значительной своей части, как скотоводы, не питают большой склонности к полевым работам, охотно сдают им свои участки в аренду¹¹.

В свете всего сказанного очевидно, что такая ситуация является хорошей питательной средой для оппозиции, и если правительство Каримова не хочет повторения попыток создания «Кокандского» или какого-то еще («Согдийского», скажем, на еще более исламизированном Юге Узбекистана) халифата (причем неизвестно, сохранит ли армия следующий раз верность власти), то оно должно многое изменить во внутренней политике. Согласимся однако, что странно было бы требовать от Каримова неприменения силы против такой оппозиции и поведения, аналогичного поведению Акаева и Кучмы. Собственно, в борьбе с

такими противниками, приход которых к власти не сулит ничего хорошего не только Узбекистану, у Каримова нет выбора, кроме решительного применения силы.

Обратим внимание, что во время кыргызской «тюльпановой» революции исламисты на Юге Кыргызстана никак себя не проявили, хотя, казалось бы, более удобную ситуацию для реализации их планов трудно было бы придумать. Возможно, в этом заслуга как раз Каримова, жесткими мерами подавлявшего исламистских оппозиционеров в соседних областях Узбекистана. Возразят, что в Узбекистане была и «нормальная» оппозиция, просто Каримов загнал ее в подполье и тем самым отдал всю оппозиционную деятельность на откуп экстремистам. Но возьмем для сравнения «евразийскую» страну, где власть прилагает немалые усилия для подавления оппозиции. Я имею в виду Белоруссию. Несмотря ни на что, оппозиция продолжает действовать, при этом о вооруженных выступлениях, аналогичных андижанскому, речи не идет. Все планы белорусской оппозиции сводятся только к мирным формам протеста.

Но вернемся в Центральную Азию. Поставим вопрос так: почему Каримову и Туркменбаши удалось ликвидировать нормальную оппозицию, а Акаеву и Назарбаеву – не удалось? Возможно, дело в том, что при всем несовершенстве демократии на постсоветском пространстве в целом евразийские государства все же ушли в ее создании, как и в формировании институтов гражданского общества, значительно дальше государств оседло-мусульманских¹².

Раньше для «цветных» революций действовала закономерность: не важно, за кого страна – важно, за кого столица. Но «тюльпановая» революция в Кыргызстане доказала: закономерность не универсальная...

Примечания

1. Соколов М. Продвижение контрреволюции // Известия. 2005. 17 мая.
2. Афанасьева Е. Обыкновенная революция // Кыргызский переворот. – М., 2005. – С. 7.
3. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. – М., 1993. – С. 327.
4. Михеев С. Жертва дурно понятой демократии // Кыргызский переворот. – М., 2005. – С. 35–36.
5. Полевая запись автора 5 ноября 2000 г.
6. Кыргызский переворот... С. 12.
7. Степанов Г. Возможна ли в Киргизии «оранжевая» революция // Известия, 2005, 22 февраля.
8. Хронология событий начиная с 29 декабря 2004 г. – по: Кыргызский переворот... С. 13–22.

9. Байматов А.А. Великие библейские тайны и их божественное раскрытие пророком ислама: числа 666, князя Михаила, Антихриста и второго пришествия Христа. – Бишкек, 1997. – С. 91–92.

10. Все дальнейшее изложено по электронному варианту отчета Ш. Акинер (на английском языке).

11. Полевая запись 16 ноября 2004 г.

12. Ситнянский Г.Ю. Тринадцатый миф о Центральной Азии // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. 2002. № 148. – С. 13.

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

О.И.Бородина

РОССИЯ, ВЕК XIX: ПУТЬ К РЕВОЛЮЦИЯМ XX ВЕКА

Бородина Ольга Ивановна –
кандидат исторических наук,
директор издательства «Владос».

Непреходящий интерес исследователей и широких слоев российского общества к ответу на вопрос, *как и почему становятся возможными в России революции*, побуждает снова и снова искать их корни в мироощущении и умонастроениях как социальных низов, так и верхов общества. Вторая половина XIX в., засвидетельствовавшая зарождение революционных идеологий и движений, была наследницей первой, в которой либеральные тенденции уже бросили вызов охранительным. Но их взаимодействие было не таким простым, как представлялось с позиций огрубленного классового подхода.

Эпоха Николая I достаточно справедливо ассоциируется с всевластием Третьего отделения, Аракчеевым, крепостным правом, ставшим анахронизмом, свирепой цензурой и лжепатриотизмом (Герцен скажет, что при Николае патриотизм превратился во что-то «кнутовое, полицейское»). Однако расхожие суждения о его правлении как исключительно эпохе реакции не выдерживают критики. Хотя к рулю российского корабля поставлены консерваторы, сам консерватизм не был столь однозначно одиозным. Во главе «умственных министерств» и академий встали люди типа адмирала А.С. Шишкова и С.С. Уварова. Можно ли настойчиво именовать последнего «реакционером» или «узурпатором мысли»? С 12 лет он определен на службу в Коллегию иностранных дел, был сотрудником дипломатических миссий в Вене и Париже. Это – блестящий ученый-энциклопедист и, пожалуй, один из самых образованных людей своего времени. Чего стоит хотя бы оценка сдержанного на похвалу М.М. Сперанского, назвавшего Уварова и Н.М. Карамзина «первыми учеными из русских, первыми не только по достоинству, но и по времени».

Уваров еще в 1810 г. опубликовал «Проект Азиатской академии» (которую надо бы возродить). Он считал, что без знания восточных языков невозможно распространение «здравых понятий об Азии в ее отношении к России». Он пишет статьи по классической филологии, публикуя их на немецком и французском языках. В 18 лет он становится президентом Петербургской академии

наук, а к 25 годам он уже был ЕЕ почетным членом, членом Геттингенского общества наук, Парижской академии (среди восьми иностранных ее членов), Королевского общества наук в Копенгагене. Имя его широко известно в Европе. Важнейшим орудием просвещения народа он считал историю: «В народном воспитании преподавание Истории есть дело государственное... История... образует граждан, умеющих чтить обязанности и права свои, судей, знающих цену правосудия, воинов умирающих за Отечество, опытных вельмож, добрых и твердых Царей». Он считал крайне важным, чтобы История (с большой буквы) была представлена «во всем ее пространстве». В дополнение к Истории для того, чтобы разобраться в огромном хаосе событий, нужен еще и «благодетельный луч Религии и Философии». Разумеется, он был убежденным сторонником самодержавия, считая, что в России добиться политической гармонии помимо или вопреки существующей высшей власти невозможно. В 1834 г. он был назначен царем министром народного просвещения. А уже в 1836 г. им подготовлен, а затем императором утвержден устав Петербургской академии наук, определивший ее деятельность вплоть до 1927 г. Ему принадлежат слова, которые и ныне мог бы произнести умный государственный деятель: «Соединяю выгоды нашего времени с преданиями прошедшего и с надеждами будущего»¹.

Его мы вправе назвать европейским консерваторм-романтиком (но с русской душой!). Особо отметим то, что он следовал совету Пушкина, выражавшему опасение, что «Россия слишком мало известна русским...» Пытаясь как-то ликвидировать печальный сей пробел, Уваров, удалившись на время даже от дел народного просвещения, совершает длительные поездки по России в течение пяти-шести лет. Поездки эти, по его словам, доставили ему «точное и глубокое знание моей страны». Позже он скажет: «Мы, то есть люди девятнадцатого века, в затруднительном положении: мы живем средь бурь и волнений политических. Народы изменяют свой быт, обновляются, волнуются, идут вперед. Но Россия еще юна, девственна и не должна вкусить, по крайней мере теперь еще, сих кровавых тревог. Надобно продлить ее юность и тем временем воспитать ее. Вот моя политическая система... Если мне удастся отодвинуть Россию на пятьдесят лет от того, что готовят ей теории, то я исполню мой долг и умру спокойно»². Однако, продлевая юность сверх того срока, что дала природа, есть опасность так и не повзрослеть до самой смерти. Всему свой срок в жизни как человеку, так и государству. Видимо, С.С. Уваров ощущал, что под-

1. Акульшин П.В. Граф С.С. Уваров. Уваров и его роль в жизни российского общества / Педагогика. № 4. 1993. – С. 92–96.

2. Цит. по: Шевченко М.М. Сергей Семенович Уваров. В: Российские консерваторы. М., 1997. – С. 99, 105.

растает иная, новая, молодая Россия, пути которой могут разойтись с поставленным им идеалом.

Историческая миссия царя Николая I состояла в том, чтобы сохранить в неизблемости устои монархического строя в России. В себе он видел не столько «жандарма» Европы, сколь охранителя российских устоев и православия, со всеми их плюсами и минусами. В записке графини А.Д. Блудовой (1850) о нем сказано как о самом православном государе из царствующих. «Он, может быть, и самый *Русский*. Он один из тех людей, которыми движется целое поколение, потому что они каким-то инстинктом предчувствуют, так сказать, внушения и потребности своего времени, сочувствуют им и тем самым управляют стремлением, помогая ему, но вместе и с твердостью удерживая от безумной поспешности, которая бы увлекла стремглав мимо цели в пропасть»³. Философ К.Н. Леонтьев ближе к концу века дал следующую характеристику правлению Николая II: «Малейшее влияние либерализма ему основательно претило! Неудивительно, впрочем, что эгалитарный либерализм *у себя, внутри государства*, представлялся ему все той же революцией, откуда бы она ни пришла: сверху или снизу, в какой бы она одежде ни явилась: во фраке французском или в аксаковском кафтане! Гораздо, по-моему, удивительнее то, что Николай Павлович постигал *в то время*, что эмансипационная политика и *за пределами своего государства* есть дело, хотя бы и выгодное вначале, но по существу крайне опасное и могущее, при малейшей неосторожности, обратиться на собственную голову эмансипатора. Он постигал полвека тому назад то, чего и теперь еще многим у нас никакими силами не втолкуешь, несмотря на всю грубую наглядность событий, несмотря на то, что вокруг нас все так и «трещит по швам» и в старой Европе, и в православных странах Востока! Император Николай, по смотрению свыше, был призван задержать на время то всеобщее разложение, которое еще до сих пор никто не знает, чем и как надолго остановить». Леонтьев видел в нем не «жандарма», а «гения-охранителя»⁴.

Однако если встать на либеральную точку зрения, то, бесспорно, царившие в России порядки не отвечали духу свободы, просвещения. В записках адъютанта Александра II Н. Шильдера, начальника Николаевской инженерной академии, директора Императорской Публичной библиотеки, хотя и мимоходом, дана характерная черта николаевской России: «Благодаря полному отсутствию в России в 1848 г. политической прессы, нельзя встретить в изданиях того

3. Император Николай Павлович (1850). Записка графини А.Д. Блудовой // Николай Первый и его время. Документы, письма, дневники, мемуары, свидетельства современников и труды историков. Сост. Б.Н. Тарасов. Т. 2. – М., 2000. – С. 357.

4. Леонтьев К. Цветущая сложность. Избр. статьи. – М., 1992. – С. 243.

времени какой-либо оценки правительственного акта 14 марта»⁵. Поэтому хотя и в правление Николая I имели место некоторые позитивные сдвиги, но все же в российском обществе в отношении его царствования возобладали крайне негативная оценка, которую дал ему поэт Ф.И. Тютчев: «Для того чтобы создать такое безвыходное положение, нужна была чудовищная тупость этого злосчастного человека, который в течение своего тридцатилетнего царствования, находясь постоянно в самых выгодных условиях, ничем не воспользовался, все упустил». Однако заметим, что эти резкие слова сказаны в момент горьких разочарований от поражения России в Крымской войне и, особенно болезненной для всякого русского, потери Севастополя. Тогда же им написана и злая эпиграмма (1855): Не богу ты служил и не России, / Служил лишь суете своей, / И все дела твои, и добрые, и злые, – / Все было ложь в тебе, все призраки пустые: / Ты был не царь, а лицедей⁶.

Бесспорно, основой самодержавия было суровое и безжалостное крепостничество, осуждавшееся не только представителями революционно-демократического лагеря. Представляют интерес воспоминания жандармского штаб-офицера эпохи Николая I Э. Стогова, который, к слову сказать, был родным дедом по материнской линии известной поэтессы Анны Ахматовой. Вот что он писал в своих воспоминаниях: «Обращусь еще к прекращению ослушания в Сызранском уезде. Меры для усмирения по нынешним порядкам покажутся жестокими, варварскими. Совершенно согласен и не противоречу. Попробую прекратить ослушание новейшим филантропическим способом. Взбунтовались несколько деревень; уездная полиция бессильна. Приехал губернатор – выгнали. Местной воинской команды почти нет... Успех против губернатора и бессилие власти возбудили бы надежду в соседних уездах. Неудовольствие общее, потому что причины одни. Ослушание превращается в бунт и так быстро, как пожар, вначале незначительный, охватывает всю массу, могущую гореть. Надобно принять в соображение, что удельных в губернии до 400 тысяч. Надобны войска, а ближе 400–500 верст нет солдат. Прибывшее войско, без сомнения, усмирит, но усмирение пьяных людей может обойтись не без потерь в людях. Но пока достигнут успеха эти меры, волнующийся народ, наполняя кабаки, не обсеет поля. Положим, (проверить), что усмирение произойдет без потерь в людях, очень трудно, судя по ожесточению... Тюрмы полны, ссылка, семьи разорены окончательно. Разорившийся крестьянин не справится в одно поколение. Неуважение и злоба с горьким недоверием выросли к своему начальству, которое хотя и прекратит причины к неудовольствию, но недоверия из сердца не вырвешь. Прибытие

5. Император Николай Первый. Изд. подготовил М.Д. Филин. – М., 2002. – С. 582.

6. Тютчев Ф.И. Лирика. Т. I. – М., 1964. – С. 165, 408.

войска, усмирение по всей губернии – пройдут месяцы. Следствие, суды протянут годы. Год беспокойства, тревоги, пьянства народа едва ли исправит нравы. Еще раз повторю: раз разоренный крестьянин потерял почти навсегда»⁷. Подобное тяжелое положение крестьян ни для кого не было секретом.

Но вот к власти пришел Александр II. Будучи сыном своего отца, он тем не менее оказался, в силу обстоятельств времени и своего воспитания, более либеральным человеком. Многие в его взглядах можно объяснить воспитанием и образованием. Если Николая I воспитал генерал Ламздорф, то Александра учил и воспитал просветитель, друг Пушкина, поэт В.А. Жуковский. С детских лет наследник имел дело с широким кругом предметов: история, география, статистика, этнография, философия, математика, естествознание, физика, геология, языки (русский, французский, немецкий, английский, польский). При этом особое внимание уделялось истории, так как Жуковский считал, что «история из всех наук самая важная, важнее философии, ибо в ней заложена лучшая философия, то есть практическая, следовательно, полезная». Историю он называл «сокровищницей просвещения царского» и «главною наукою наследника престола». Уроки своего воспитателя Александр II неплохо усвоил. В то же время отец внушал сыну, что тот не должен уступать «и на один шаг восстанию», а если надо, то и «пасть..., но на ступенях трона»⁸. Стремление совместить несовместимое прослеживается на протяжении всего царствования. Оставаясь на позициях незыблемости монархического института в России, Александр понимал необходимость серьезных общественных перемен. Нельзя исключать того, что ему в голову запали слова Жуковского из «Плана учения»: «Истинное могущество государя не в числе его воинов, а в благоденствии народа».

Тут надо четко представить, что и взгляды Александра II претерпели эволюцию. Еще в 1846 г., когда он возглавил по воле отца секретный Комитет по крестьянскому вопросу, он оставался убежденным сторонником крепостного права. Но шло время. По оценкам ученых, за период от указа Павла I о трехдневной натуральной барщине до 1860 г., т.е. примерно за шесть десятилетий, было принято около 600 нормативных государственных актов, с помощью которых правительство пыталось регулировать процесс эмансипации крестьян. Но эти так называемые микрореформы мало что дали. Поэтому Россия в итоге и оказалась перед жестокой необходимостью радикального решения крестьянского вопроса. Ряд болезненных уколов потерпело русское самодержавие (поражение в Крымской войне и т.д.). Граф П.А. Валуев заносит в свой дневник: «Озлобление

7. Стогов Э.И. *Записки жандармского штаб-офицера эпохи Николая I*. – М., 2003. – С. 169–170.

8. *Российские самодержцы (1801–1917)*. – М., 1993. – С. 165–167.

против порядков до 1855 года беспредельное и всеобщее». И далее: «Кризис в управлении приближается»⁹. Царь приходит к выводу: лучше упразднить крепостное право сверху, чем ждать, когда какой-нибудь «пугачев» упразднит его снизу, и в 1856 г. в Москве, выступая перед представителями дворянства Московской губернии, выскажется вполне определенно: «Я узнал, господа, что между вами разнеслись слухи о намерении моем уничтожить крепостное право. В отвращении разных неосновательных толков по предмету столь важному, я считаю нужным объявить всем вам, что я не имею намерения сделать это сейчас, но, конечно, и сами вы понимаете, что существующий порядок владения душами не может оставаться неизменным. Лучше начать уничтожать крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно начнет само собой уничтожаться снизу». Но большинство членов Тайного комитета встретили идею враждебно¹⁰.

Необходимо подчеркнуть, что эти намерения царя были его личной инициативой, свидетельствующей о немалом мужестве и глубоком видении реальности. Им был создан Секретный комитет, а затем Редакционные комиссии для выработки проекта освобождения крестьян. Во главе комиссий (парадокс истории) царем был поставлен бывший декабрист Я.И. Ростовцев. Это он в 1825 г. явился к Николаю I и рассказал о готовящемся выступлении, а затем участвовал в подавлении восстания и был ранен. Такой вот политический зигзаг. Однако наряду с С.С. Ланским он выступал горячим защитником идеи освобождения крестьян, работая «не токмо за страх, но за совесть». В ходе сложных баталий, борьбы с реакционными царскими чиновниками на свет в дальнейшем явился известный манифест от 19 февраля 1861 г., провозгласивший: «Крепостное право на крестьян, водворенных в помещичьих имениях, и на дворовых людей отменяется навсегда». Хотя это было сделано вопреки большинству членов Государственного совета, Александр II с удовлетворением пишет прусскому королю Вильгельму: «У меня сознание, что я выполнил великий долг»¹¹.

Положение об освобождении крестьян распространялось на 45 губерний Европейской России. На таких крестьян, получивших статус «свободных сельских обывателей», были распространены и общие положения гражданских законов: они получали возможность менять место жительства, переходить в другие сословия, могли выступать в качестве юридических лиц по административным, гражданским и уголовным делам, беспопытно заниматься торговлей, получать

9. *Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел (1861–1864). Т. I. – М., 1961. – С. 121.*

10. *Труайя А. Александр II. – М., 2005. – С. 74–75.*

11. *Семанов С.Н. Александр II. История Царя-Освободителя, его отца и сына. – М., 2003. – С. 92–97.*

в собственность имущество, открывать промышленные или ремесленные предприятия. Конечно, как всегда бывает у нас в России, в «бочке меда» была и немалая «ложка дегтя»: крестьяне должны были за получаемый надел выплачивать немалые суммы. Заметим, что всего бывшие крепостные выплатили государству в 1862–1907 гг. 1540 млн. руб. Помещичье землевладение сохранялось и укреплялось, тогда как «свободный крестьянин» оказался далеко не свободным. Крестьянский надел составил в среднем 3,4 десятины на душу. Этого было совершенно недостаточно для прокормления семьи. Крестьяне вынуждены были брать землю в аренду у помещиков, идти на заработки в город. И все же в итоге страна твердо становилась на капиталистический путь развития¹².

В политической жизни настали времена, которые можно с известной оговоркой назвать эпохой монархической демократии. Отменены были указы Николая I, стеснявшие прессу и права граждан, отправлены в отставку некоторые одиозные государственные деятели. В обиход вошли такие слова как «гласность» и «оттепель». Важным признаком открытости России стало облегчение выезда ее граждан за границу. В результате, число выехавших за рубеж в 1856–1859 гг. возросло в 4,5 раза (с 6 тыс. до 26 тыс. в год). Одновременно имели место: судебная реформа (гласный, бессловный и независимый суд), реформа армии (в армии отменены телесные наказания, расходы на армию выросли с 33,6% в 1861 г. до 37,8% в 1862 г.), университеты получили устав, предоставивший им широкую автономию. Провозглашено равенство сословий и вероисповеданий, хотя по-прежнему сохранялась высокая плата студента за обучение. Отменяют предварительную цензуру для большинства изданий. В сельской местности (1864) и городах (1870) появились новые органы самоуправления. И все же главным итогом освобождения 22,5 млн. крепостных стало экономическое развитие страны. Несмотря на явный дисбаланс расходов в бюджете страны (в первые два года отмены крепостного права не сделано никаких вложений в дело освобождения крестьян, кроме дорогостоящих кредитов) и на наличие экономического кризиса в 60-е годы, сбор зерновых превысил уровень 50-х годов почти на 20%, картофеля – более чем в два раза. Сбор хлеба на душу населения возрос с 21 до 24 пудов (население выросло на 10,5 млн. человек), а вывоз хлеба в 1876–1880 гг. увеличился по сравнению с 1860 г. в три раза. Интенсивно велось строительство железных дорог в России. Темпы его превышали общемировые: протяженность железных дорог в России выросла в 14 раз в 1861–1880 гг., а мировая железнодорожная сеть – лишь в 3,5 раза. За 20 лет (1860–1879) число машиностроительных заводов в России возросло почти в

12. Волобуев О.В., Клоков В.А., Пономарев М.В., Рогожкин В.А. *Россия и мир: История с древнейших времен до конца XIX века.* – М., 2001. – С. 318–319.

два раза (с 99 до 187), объем производства вырос в 6,5 раз! Сюда же добавим и успехи демографии: население России с 1860 по 1887 г. выросло на 52 млн. человек (это был в основном естественный прирост). Крестьяне активно выкупали землю, купив за 1862–1882 гг. 6 млн. десятин земли. Однако чудовищные диспропорции во владении землей, собственностью и капиталом оставались. Помещики еще владели большей частью земли. Сохранялись пережитки крепостничества. Операция продажи земель в собственность крестьянам была выгодна и для царской семьи. Известно, что общественный капитал Александра II составлял на 1 марта 1881 г. около 11 740 000 руб. (ценные бумаги, билеты Госбанка, акции железнодорожных компаний)¹³.

В ряде исследований, например в монографии А.П. Корелина «Дворянство в пореформенной России», показано, что и российское дворянство в ряде случаях сумело-таки вписаться в капиталистическую систему экономических отношений. Разрушалась старая элита, но параллельно шел процесс формирования и новых элит. По мнению С.С. Секиринского, процесс дал свои положительные результаты, и тогда, в эпоху александровских реформ, родилось новое русское общество¹⁴.

Таким образом, казалось, можно было заявить, что в России созданы довольно благоприятные предпосылки для эволюционного вставания в капитализм, расширения и углубления демократических реформ. О том, что ситуация в начале второй половины XIX в. была именно такова, говорят и неопубликованные письма Чернышевского («Письма без адреса»), обращенные к Александру II, где тот откровенно писал, что единственной надеждой тогдашней России являются либерализм и либеральное дворянство. Это подтверждалось и той значимой ролью, которую сыграли в деле освобождения крестьян либералы (Н.А. Милютин, Я.И. Ростовцев, князь Константин Николаевич, С.С. Ланской, Ю.Ф. Самарин и др.). И даже содержание сборника «Голоса из России», издаваемого Герценом, носит скорее либеральный характер (письма К.Д. Кавелина, Б.Н. Чичерина, Н.А. Мельгунова и др.).

Вместе с тем уже тогда проявилась логика развития русской общественной мысли, выразившаяся в том, что в стане сторонников реформ было много слишком нетерпеливых, жаждавших быстрых перемен там, где для их осуществления нужны время и тяжелая работа поколений. Юрист, историк, философ Б.Н. Чичерин, говоря о реформах Александра II, высказал серьезные опасения в отношении тех, кто не захочет удовлетвориться реформами, желая получить всё и

13. *История России. Учебное пособие для вузов / Под ред. Леонова С.В. Т. 1. – М., 1997. – С. 218–219.*

14. *Круглый стол «Почему Россия не Америка?» // Родина. – М., 2003. – № 8.*

сразу... Он писал: «1861 год видел преобразование, которое составляет эпоху в русской истории. 1862 год не менее плодотворен. В начале года в первый раз обнародован бюджет; затем в правительственном отчете объявлено, что цензуру книг предполагается уничтожить; теперь публикуются Высочайше утвержденные начала нового устройства суда. Основания их: независимость судей, публичность суда, присяжные. Реформа следует за реформой; общественная свобода и гласность развиваются все шире и шире. Но есть ли это лучший ответ на односторонние суждения, на подозрения недовольных, на возгласы нетерпеливых? Сердце русского бьется сильнее при мысли, что права наши будут ограждены, что бескорыстие и правда водворятся на русской земле. “Положение” 19 февраля даровало свободу 22 млн. людей, реформа суда дает правосудие всем. В настоящее время нет преобразования более настоятельного, более соответствующего и высшим нравственным требованиям, и насущной нужде народа, жаждущего защиты и правды. Это новый великий памятник нынешнего царствования, равный по достоинству первому; это новый залог благих намерений Монарха, на который русский человек отзовется признательностью и любовью. Те драгоценные стяжания свободы, которые другие народы нередко покупали своей кровью, мы получаем путем мирного развития, из рук правителя, воодушевленного мыслью о благе подданных. Но, радуясь великому делу и тем благодатным последствиям, которые оно обещает отечеству, мы не должны льстить себя надеждой, что оно может совершиться вдруг, что со введением нового судебного устройства исчезнет, как мрак перед солнцем, все то множество зол, которые накопились веками, на которые мы так долго негодовали напрасно: невежество, равнодушие, корысть, лихоимство, произвол...»¹⁵. Чичерин предложил власти и развил лозунг – «либеральные меры и сильная власть»¹⁶.

Однако сразу после публикации «Манифеста» российское общество дружно заговорит о грабительском характере реформ (социал-демократы, либералы и даже правые). Так, уже в 1877 г. появилась работа экономиста Ю.Э. Янсона «Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах», где доказывалось, что царские реформы есть ничто иное, как мягкая форма грабежа. В дальнейшем Л.В. Ходский и А.А. Кауфман доказали ошибочность его расчетов. Но в обществе все же утвердилась точка зрения радикалов.

На действия царя-освободителя радикалы отзывались не «признательностью и любовью», а выстрелами и бомбами. В 1862 г. прокламации «Молодой

15. Чичерин Б. Несколько современных вопросов // Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России. История. Документы. Т. III. – М., 2003. – С. 268.

16. Российские либералы / Под ред. Итенберга Б.С. и Шелохаева В.В. – М., 2001. – С. 99.

России» призывали к кровавой революции, революции не только политической, но и социальной. В них содержался прямой призыв к убийству членов императорской партии. Автор сей публикации, молодой студент Заичневский (сын генерала), звал к топору и пожарам (в дальнейшем его сошлют в Сибирь). К слову сказать, в Петербурге вскоре начались пожары, опустошавшие целые кварталы (сгорел Апраксин двор). Кто-то из знакомых сказал тогда И.С. Тургеневу: «Посмотрите, что делают ваши нигилисты: они жгут Петербург». Сожжены были Симбирск, родина Ульянова-Ленина, и ряд поволжских городов. Ответом на действия (вероятно, провокаторов) стали жесткие меры царского правительства¹⁷. После подавления Польского восстания 1863–1864 гг. наступил период ужесточения курса правительства Александра II. Главным поводом к этому послужило первое покушение Каракозова на Александра II (4 апреля 1866 г.). Даже Герцен осудил этот акт, вызвав возмущение Бакунина. Выстрел 4 апреля 1866 г. «нам не по душе», писал Герцен, «мы ждали от него бедствий», называя Каракозова «сумасшедшим», «фанатиком», «озлобленным человеком из дворян». На царя был совершен еще ряд покушений народовольцами А. Березовским (1867), А. Соловьевым (1879), организован взрыв царского поезда (1879) и взрыв в Зимнем дворце, дело рук С. Халтурина (1880).

Революционное насилие естественным образом вызвало волну насилия сверху. В конце 70-х годов усилились репрессии против революционеров. Для борьбы с революцией и террором Александр II вынужден учредить Верховную распорядительную комиссию во главе с графом Лорис-Меликовым, программа которого, кроме репрессивных мер, предполагала и проведение ряда реформ (понижение выкупных платежей с крестьян, предоставление им ссуд, облегчение условий переселения из густонаселенных губерний на новые, пустующие земли). Предложен был и проект конституции (1881), которая ввела бы Россию в число более демократических государств... Но через три часа народоволец Гриневецкий убивает бомбой царя-освободителя, высвобождая «бесов революции». У Герцена есть в романе «Былое и думы» фраза, которая, в свете дальнейшего террора, обретает поистине зловещий смысл, подводя итог «воспитательной работе» с молодым поколением революционеров: «Я с внутренней боязнью осматриваюсь назад, точно на поле сражения – мертвые да изуродованные...»¹⁸. Осмысливая опыт прошедшей жизни, Герцен позже признался Огареву: «Мы сложились разрушителями... мы ничего не создали, ничего не воспитали»¹⁹.

Каким же образом это стало возможным? Почему, несмотря на кардинальные сдвиги в политике, несмотря на умеренность либералов и волю царя, в того

17. Корнилов А.А. *Курс истории России XIX века*. – М., 2004. – С. 22, 471.

18. Герцен А.И. *Былое и думы*. Ч. 1–5. – М., 1969. – С. 436.

19. Цит. по: Прокофьев В. *Герцен*. – М., 1979. – С. 386.

вместо слов благодарности бросили бомбу? Власть в России не уважают, ибо сама власть не уважает людей и свой строй. Даже из уст могущественного министра внутренних дел П.А. Валуева вырвались слова: «Самое тяжелое чувство в том, что я почти никого не уважаю. Во всех делах отсутствие твердых начал, преобладание мотивов личных и мелочных приемов». Высшая власть, словно в насмешку над народом, назначает на высокие посты глупцов или мерзавцев... «Неужели нет других!» – в отчаянии заносит министр в дневник свои мысли²⁰. Но ведь он и сам приложил руку к такому положению. «Никогда, – писал И.А. Аксаков, – цензура не доходила до такого безумия, как теперь, при Валуеве. Она получила характер чисто инквизиционный». «Особое наставление» 1862 г. лишило прессу возможности касаться насущных вопросов в жизни страны, если публикации высказывали взгляды, не соответствующие позиции правительства. Любопытно, что и сам защитник самодержавия довольно скептически оценивал будущее императорской России. «Я считаю, – пишет граф П.А. Валуев в 1877 г., – нынешнюю Российскую империю фактически обреченной на органическое изменение, быть может, даже на изменение с насильственным решением»²¹.

Беда в том, что за долгие годы высшее чиновничество России, да и все дворянство, воспитанное немцами, французами, англичанами, слишком свыклось с мыслью, что весь прогресс может идти к нам только с Запада. Они учились и жили в европейских городах, там проигрывали деньги поместий, заводили любовниц, там занимались фрондерством и «революциями» (в промежутках между сытым обедом и ужином за бокалом рейнского или пинтой пива). Теоретик монархизма Л.А. Тихомиров, и сам грешивший в молодости революционными идеями, в «Монархической государственности» писал об этом русском «обезьянничаньи» Европы, космополитизме, выразившемся в рабском усвоении форм и духа «общечеловеческой культуры». Космополиты пронизали поры высшего правящего класса России: «Эта обезличенная часть образованного класса численно стала постепенно преобладающей, и если она не успела до сих пор совершенно упразднить русское своеобразие, то исключительно по трудности задачи». Многие «западники» (Грановский, Белинский, Герцен и др.) дали «прекрасные образчики русского духа», но теоретически они – «обезличены». Беда заключалась еще и в том, что наше самосознание вырастало в непрекращающихся противоречиях, что и объясняет недостаточные успехи России в работе «политического самосознания за 200 лет». Итогом этого стал закономерный раскол в образованной части России между «западниками» и «славянофилами». Этот раскол после 1861 г. вырастет еще больше. Л.А. Тихомиров полагал,

20. *Российские консерваторы*. – М., 1997. – С. 140–141.

21. *Дневник министра внутренних дел П.А. Валуева. 1865–1876 гг. Т. I*. – М., 1961. – С. 47.

что разрушительные идеи обрели «огромную силу во всех средних образованных слоях и охватывают даже народ»²².

Более цельной и последовательной была позиция западных революционеров, безоговорочно и резко осуждавшая подавление царизмом революции в Венгрии, разгром польских восстаний и т.д. Не развивая эту тему, подчеркнем следующее. За века существования европейские страны выработали собственные политические идеалы. Русская монархия не вписывалась в эти рамки. И даже братья-славяне, зачастую крайне заинтересованные в поддержке и помощи со стороны России, стремились при случае искать сочувствия на Западе, использовать противоречия между Россией и европейскими державами для своей выгоды. Славянофилы (при всем их благородстве и честности) носились с явно утопической идеей, что славяне в Европе захотят войти в добровольный союз государств во главе с Россией, говоря словами И.С. Аксакова, «дружно служа русской народности». Но братья-славяне ушли (или поскорее стремились уйти) от патриархальной формы правления, какой была неограниченная монархия. И даже у самых близких России народов (сербов и болгар) возникли уже парламенты по европейскому образцу. Очень верно охарактеризовал суть их позиции дипломат А.С. Ионин, заявив, что Россия для зарубежных славян вовсе не есть цель их государственных стремлений, а «средство к их европеизации». Они ценят ее громадную материальную и военную силу, но после освобождения тотчас поворачиваются к ней спиной²³.

Свою роль сыграла и европейская пропаганда, представлявшая Россию в образе «дикого гунна», мечтающего покорить и разграбить просвещенную и цивилизованную Европу. Не кто иной, как К. Маркс, страшил европейцев полумиллионом «вооруженных и организованных варваров», русских, якобы готовых напасть на Германию. Мечтая о распаде России («как хорошо было бы, ...если бы посол Сибирской республики вручал в Париже свои верительные грамоты!»), он исходил из того, что русские «контрреволюционны» и по крайней мере пока еще «далеки от революции»²⁴.

Заметим, что в самом российском обществе всегда находились умы, предвкусывавшие приближение и жаждавшие революции. Радищев изображал Россию в виде «чудища», что «обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй». Писарев мрачно взирал на всю российскую историю, не видя в ней ничего светлого; из его уст вырывались слова: «Мы не думаем, чтобы мыслящий гражданин России мог смотреть на прошедшее своей родины без горести и отвращения; нам не на что огляды-

22. Тихомиров Л.А. *Монархическая государственность*. – С.-П., 1992. – С. 305, 309.

23. Хевролина В.М. *Внешиполитические взгляды славянофилов конца XIX века / Новая и новейшая история*. № 2. – 1998. – С. 29.

24. К. Маркс и Ф. Энгельс. *Сочинения*. Т. 6. – М., 1957. – С. 294, 470.

ваться, нам в прошедшем гордиться нечем...». Огарев признавался в любви ко всему человечеству, но, заметьте, отнюдь не к человеку («не люблю людей, но люблю человечество»). Белинский писал: уже во времена Екатерины II мы начали становиться «европейскими русскими, русскими европейцами», но продвижение идет медленно и, дабы ускорить его, надо «прибегнуть к насилию». «Некоторые думают, что Россия могла бы сблизиться с Европой без насильственной реформы, без отторжения, хотя бы и временного, от своей народности, но собственным развитием, собственным гением. Это мнение имеет всю внешность истины, и поэтому блестяще и обольстительно; но внутри пусто, как большой, красивый, но гнилой орех»²⁵. Согласно воззрениям Писарева, династия Романовых исторически уже обречена: «То, что мертво и гнило, должно само собой свалиться в могилу. Нам остается только дать им последний толчок и забросать грязью смердящие трупы»²⁶.

Революционеры, число которых было еще относительно невелико, воспользовались тем, что принято называть «эффектом долгого ожидания». Наступала совершенно иная эпоха, власть самодержавия пошатнулась. П.А. Валуев заносит в дневник свои новые ощущения: «Как будто совершилась революция между двумя эпохами. Наши борзописцы толкуют о 19 февраля. Нет, не отмена крепостной зависимости крестьян, сколь ни велико это дело, составляет главную грань между настоящим и прошлым. Падение крепостной зависимости духа – вот, что их разделяет. Взгляды и понятия изменились. Сила тяготения к центральному солнцу власти уменьшилась. Каждый начинает смотреть на самого себя как на самостоятельную единицу»²⁷. Как на перемены реагировали крестьяне, по всем признакам далекие от революции (в конце концов именно крестьянин Комиссаров толкнул руку стрелявшего в Александра II Каракозова, в результате чего тот и промахнулся)? Они, тем не менее, чувствовали, что в стране что-то происходит, порядок теряет устойчивость. Тверские либералы А. Унковский и А. Головачев отмечали в 1857 г., что среди крестьян ходят тревожные слухи, что те уже не хотят более повиноваться помещикам. Борьбы между дворянством и крестьянами еще нет, но «она уже наготове». А потому если полностью не уничтожить власть помещиков над крестьянами, ненависть между этими сословиями «поселится окончательно»²⁸. 45 губерний из 47 в

25. Белинский В.Г. Собрание сочинений в девяти томах. Т. 4. – М., 1979. – С. 52, 55.

26. Писарев Д.И. Избранные философские и общественно-политические статьи. – М., 1949. – С. 127.

27. Секиринский С.С. Петр Александрович Валуев / Российские консерваторы. – М., 1997. – С. 157.

28. Записка А.М. Унковского и А.А. Головачева о недостатках правительственной программы крестьянской реформы (1857) // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Т. II–III. – М., 1992. – С. 103.

Европейской части России были охвачены крестьянскими волнениями. Вообще от реформ все ожидали чуда: ждали быстрого разрешения всех проблем, ликвидации всех мерзостей и несправедливостей, денег, земли и воли. Крестьяне хотели земли и полного освобождения от власти помещика, помещики хотели сохранения своих привилегий и компенсаций, либералы хотели свобод и конституции, литераторы и ученые жаждали полнейшей независимости и т.д., и т.п.

На этом фоне свою деструктивную роль сыграла проблема «отцов» и «детей», их взаимного непонимания и противоречий. Если тот же А.С. Хомяков и его поколение (декабристы) задумывали то «бунт славян», то революцию и бежали из родительского дома «помогать эллинам», то дети заняли в отношении реформ в России нигилистическую позицию, восприняв их как обман и реакцию²⁹. Поэтому Ф. Достоевский и скажет о событиях 60–70-х годов: «Все реформы были сделаны прежними людьми, мимо помощи нашей молодежи, — она только свистела». Однако и молодежь, как вспоминал революционер-народник И.И. Попов, не очень-то жаловала Достоевского: «Мы, молодежь, признавая талант и даже гениальность писателя, относились к нему скорее отрицательно, чем положительно»³⁰. Ответ на то, почему немалая часть молодежи в России не желала принимать на веру действия правительства «отцов», лежал в области политики, экономики, психологии, но более всего в области воспитания молодого поколения. Еще А.Ф. Бестужев, писатель и просветитель, отец декабристов Бестужевых, отмечал, что дети подражают «тем людям, которые ими управляют». И если «родители непостоянны и без нравов», если на воспитание детей оказывают влияние вредоносные предрассудки, это действует сильнее, чем «часто повторяемые уроки добродетели»³¹. Взгляните на героев литературы. Если это русский, значит лентяй Обломов и бездельник Митрофанушка, если военный, то Скалозуб, если градоначальник, то Угрюм-Бурчеев, у которого в ходу фразы: «разорю!» и «не потерплю!» «Отцы» — все узколобые реакционеры и консерваторы. Зато «детки» умны, смелы и прогрессивны... Все иностранцы — штольцы, все революционеры — сплошь инсаровы, все смелые критики, «истинные отрицатели» — т.е. базаровы. «Отцы и дети» (1862), остро воспринятые читающей аудиторией, довольно точно отражали время и его героев. По словам И.А. Тургенева, его произведение «попало в настоящий момент нашей жизни, словно масло в огонь...» При этом если правые увидели в Базарове карикатуру на демократическую молодежь, ужасное существо, «дьявола», то левые, напро-

29. Кошелев В.А. Парадоксы Хомякова // Хомяков В.А. Соч. в 2-х т. — Т. 1. — М., 1994. — С. 6.

30. Селезнев Ю. Достоевский. — М., 1981. — С. 512.

31. Василькова Ю.В. Страницы отечественного образования. Из истории России, православия, литературы с древнейших времен до конца XVIII в. — М., 1996. — С. 342.

тив, узрели «личность беспощадного отрицателя», с которым никто не сравнится «ни по силе ума, ни по силе характера» (Писарев). Хотя сам Тургенев делает любопытное признание: «Мне кажется, главный недостаток наших писателей – и преимущественно мой – состоит в том, что мы мало соприкасаемся с действительной жизнью, то есть с живыми людьми»³². Можно, разумеется, сослаться на извечную проблему, создаваемую разницей в жизненных позициях различных поколений. Однако сугубо возрастными моментами нельзя объяснить главное в этих разногласиях. Молодежь хотела жить совсем иначе, чем старшее поколение. Она жаждала больше свобод, хотела иметь больше возможностей для реализации различных творческих и экономических интересов.

Молодежь выдвинула новые социально-политические цели. Если молодые люди не находили себе достойного места в общественной и культурной жизни, они становились бунтарями, революционерами, бомбистами, эмигрантами. В статье И.С. Тургенева, посвященной памяти Н.И. Тургенева, показано, сколь незавидна может быть в России судьба даже талантливой личности. С ней могут обойтись несправедливо, закрыть дорогу к творчеству или карьере. Он писал, говоря о сотнях людей: «Известны также причины, превратившие человека, которому, казалось, все сулило блестящую карьеру, которого ожидал министерский портфель, о котором сам император Александр не однажды выражался, что он один может заменить ему Сперанского, – превратившие... этого человека в государственного преступника, осужденного на смертную казнь»³³. Писатель прямо не назвал причин, но они известны: преследование свободомыслия, крепостничество, глупость власти, чиновничий произвол и т.д. Протест против крепостничества в обществе носил как личностный, так и системный характер.

Герцен в письме к Прудону называл себя «настоящим скифом», который с радостью видит, «как гибнет этот разваливающийся старый мир»³⁴. К его словам молодежь прислушивалась, и еще как! К нему шел поток писем из России. Либерал Кавелин восторженно признался Герцену: «Молодежь на тебя молится, добывает твои портреты... Словом, в твоих руках огромная власть... По твоим статьям поднимаются уголовные дела, давно преданные забвению, твоим «Колоколом» грозят властям. Что скажет «Колокол»? Как отзовется «Колокол»? Вот вопрос, который задают себе все, и этого отзыва страшатся министры и чиновники всех классов»³⁵. Прислушались к его словам: «В народ! К народу! – вот ваше место, изгнанники науки...»

32. Богословский Н. Тургенев. – М., 1964. – С. 317, 319.

33. Тургенев И.С. Собр. соч. в 12 томах. – Т. 12. – М., 1979. – С. 313.

34. Герцен А.И. Сочинения в 9 томах. – Т. 9. – М., 1958. – С. 366.

35. Прокофьев В. Герцен. – М., 1979. – С. 321.

В народ устремлялись не только по призыву лондонского изгнанника, но и под влиянием страстной музыки Некрасова. Н.А. Морозов вспоминал: «Повальное движение того времени учащейся молодежи в народ возникло не под влиянием западного социализма..., главным рычагом его была народническая поэзия Некрасова, которой все зачитывались в переходном возрасте, дающем наиболее сильные впечатления... Поэтические образы и выражения надолго сохраняются в памяти каждого. Некрасов же был великий поэт, его образы были могучи!». Хождение в народ стало внутренним порывом. С.М. Степняк-Кравчинский писал: «Ничего подобного не было ни раньше, ни после. Казалось, тут действовало скорее какое-то откровение, чем пропаганда... Точно какой-то могучий клик, исходивший неизвестно откуда, пронесся по стране, пронизывая всех, в ком была живая душа, на великое дело спасения родины и человечества. И все, в ком была живая душа, отзывались и шли на этот клик, исполненные тоски и негодования на свою прошлую жизнь, и, оставляя родной кров, богатства, почести, семью, отдавались движению с тем восторженным энтузиазмом, с той горячей верой, которая не знает препятствий, не меряет жертв и для которой страдания и гибель являются самым жгучим, непреодолимым стимулом к деятельности...»³⁶. Л.А. Тихомиров писал: «Летом 1874 г. сотни человек двинулись “в народ” с котомками и книгами. “Планы” и “мечтания” были крайне неопределенны. Массу молодежи потянуло в народ именно то, что в сущности тут не было никаких окончательных решений: “посмотреть”, “осмотреться”, “ощупать почву”, вот зачем шли, а дальше? Может быть, делать бунт, может быть, пропагандировать». А вот впечатления П. Кропоткина о той поре: «Во всех городах, во всех концах Петербурга возникали кружки саморазвития. Здесь тщательно изучали труды философов, экономистов и молодой школы русских историков. Чтение сопровождалось бесконечными спорами. Целью всех этих чтений и споров было разрешить великий вопрос, стоявший перед молодежью: каким путем может она быть наиболее полезна народу? И постепенно она приходила к выводу, что существует лишь один путь. Нужно идти в народ и жить его жизнью. Молодые люди отправлялись поэтому в деревню как врачи, фельдшеры, народные учителя, волостные писари, чтобы еще ближе соприкоснуться с народом, многие пошли в чернорабочие, кузнецы, дровосеки. Девушки сдавали экзамены на народных учительниц, фельдшерниц, акушеров и сотнями шли в деревню, где беззаветно посвящали себя служению беднейшей части народа. У них всех не было никакой еще мысли о революции, о насильственном переустройстве общества по определенному плану. Они просто желали обучить народ грамоте, просветить его, помочь ему каким-нибудь образом выбраться из тьмы и нищеты и

36. Степняк-Кравчинский С.М. *Россия под властью царей*. – М., 1976. – С. 89.

в то же время узнать у самого народа, каков его идеал лучшей социальной жизни»³⁷. Воистину поразительной была вера в народ России.

И все же в дальнейшем насильственный образ мыслей возобладал. Мыслитель и бунтарь П. Ткачев выпустил в Лондоне брошюру «Задачи революционной пропаганды в России» (1874), где утверждал, что освобождение от старого порядка возможно лишь при помощи революционно настроенного меньшинства: «Насильственная революция тогда только и может иметь место, когда меньшинство не хочет ждать, чтобы большинство само сознало свои потребности, но когда оно решается, так сказать, навязать ему это сознание, когда оно старается довести глухое и постоянно присущее народу чувство недовольства своим положением до взрыва». Далее идет спор и обсуждение опасностей, что это меньшинство, «захватив власть в свои руки, внезапно превратится в народного тирана». Он показывает и доказывает, что положительные идеалы российского крестьянства «еще не революционны; они не могут быть идеалами революции», добавляя, что даже «самое полное и беспрепятственное применение их к жизни очень мало пододвинет нас к конечной цели социальной революции – к торжеству коммунизма». В народном идеале тщетно было бы искать новые элементы и факторы развития. Они могут сформироваться только в революционном меньшинстве, которое поэтому и должно властвовать над народом. «Народ не в состоянии построить на развалинах старого мира такой новый мир, который был бы способен прогрессировать, развиваться в направлении коммунистического идеала; поэтому при построении этого нового мира он не может и не должен играть никакой выдающейся, первенствующей роли. Эта роль и это значение принадлежат исключительно революционному меньшинству». В народе Ткачев видит лишь разрушительную силу, которая ненавидит власть и помещиков и может уничтожить их и всех охранителей status quo³⁸. Хотя после краха народолюбцев Ткачев сойдет с ума в Париже (прогрессивный паралич мозга сведет его в могилу, его похоронят на кладбище Иври), его основные идеи будут унаследованы, использованы большевиками, их партией.

Таким образом, можно подвести итог предшествующему периоду. Многие поколения революционеров и писателей (Герцен, Огарев, Бакунин, Некрасов, Достоевский, Тургенев, Чернышевский, Добролюбов, Лавров, Ткачев, Плеханов, Ленин) проделали серьезную работу по распространению взглядов социализма в России. Все они выполняли данную ими некогда аннибалову клятву – бороться против самодержавия. То, о чем И.С. Тургенев писал Герцену, в той или иной форме воплотилось в жизнь: «Роль образованного класса в России –

37. Кропоткин П.А. Записки революционера. – М., 1966. – С. 270.

38. Ткачев П.Н. Сочинения в двух томах. Т. 2. – М., 1976. – С. 27, 142, 167.

быть передателем цивилизации народу, с тем чтобы он сам уже решал, что ему отвергать или принимать – эта, в сущности, скромная роль – хотя в ней подвизались Петр Великий и Ломоносов, хотя ее приводит в действие революция – эта роль, по-моему, еще не кончена. Эх, старый друг, поверь: единственная точка опоры для живой, революционной пропаганды – то меньшинство образованного класса в России, которое Бакунин называет и гнилыми и оторванными от почвы, и изменниками. Во всяком случае, *у тебя* другой публики нет»³⁹. В середине XIX в. «другой публики» для революционной пропаганды еще не было. Но шли годы, менялась Россия и экономические условия, и из русской почвы появлялись совершенно новые герои революционных битв. Многие были вполне искренне очарованы, заколдованы пением «революционных сирен». Хотя, как верно заметил Ф.А. Степун, революционное движение в России никогда не было низовым явлением. Революционеры не могли стать точными исполнителями воли народных масс, ибо революционная интеллигенция на протяжении всей жизни «защищала не столько ближайшие, насущные интересы народа, сколько свои представления о них». Она никогда не стояла у очага, у станка, у плуга, у руля жизни. Отсюда и грядущие беды⁴⁰. Однако главную роль в предстоящих революционных событиях предстояло сыграть уже не интеллигенции, а российскому пролетариату (и прежде всего его грамотному авангарду в лице рабочих-металлистов, железнодорожников, рабочих оборонных предприятий и т.д.).

39. Винникова Г. *Тургенев и Россия*. – М., 1977. – С. 241.

40. Степун Ф.А. *Чужая Россия*. – С.-П., 1999. – С. 31.

Л.А.Остерман

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ Л.Н.ТОЛСТОГО: ИСТОРИЯ ПУБЛИКАЦИИ

Остерман Лев Абрамович –
кандидат биологических наук.

Потребовалось ни много ни мало 40 лет, чтобы выпустить в свет Полное собрание сочинений Л.Н. Толстого. Цифра эта говорит о многом...

А началось все в далеком 1918 г. К этому времени весь огромный архив писателя, вывезенный В.Г. Чертковым из Англии, уже пять лет хранился в рукописном отделе библиотеки Петербургской академии наук.

В этом году Чертков обращается с предложением об издании полного научного собрания сочинений Толстого к наркому просвещения Луначарскому. Луначарский готов поддержать предложение Черткова, тем более, что через десять лет весь мир будет отмечать столетие со дня рождения великого русского писателя. Он докладывает Ленину и, заручившись его одобрением, начинает действовать.

В том же году Коллегия Наркомпроса утверждает проект договора с Чертковым. Согласуется даже ориентировочная сумма затрат на издание – в 10 млн. руб. Предполагается издать примерно 90 томов: 45 томов – художественные произведения и варианты к ним, а также изданные ранее статьи, 13 томов – дневники, записные книжки и ранее не публиковавшиеся статьи, 31 том – письма Толстого и к Толстому (их сохранилось более 8,5 тыс.). Вариантам крупных художественных произведений отводились отдельные тома. К примеру, неопубликованные, но вполне завершенные варианты больших фрагментов «Войны и мира» заняли четыре тома – столько же, сколько и окончательный текст.

В каждом из 90 томов не менее трех четвертей текста занимают научные комментарии: история написания, черновики и варианты, сведения о прототипах героев художественных произведений, об адресатах писем и прочее.

Текстологическая работа над уже опубликованными (даже при жизни автора) произведениями имела цель: устранение путем тщательной сверки с черновиками и корректурами цензурных изъятов, ошибок, допущенных при переписке рукописей, типографских опечаток. К примеру, поправок к последнему прижизненному изданию «Анны Карениной» набралось более 900! Дневники и

письма готовились к печати впервые. Их публикация разворачивала всю панораму жизни великого писателя, эволюцию его духовного мира, философские искания и творческие озарения, его взгляды на современное общество, да и всю историю общественного развития.

Многие высказывания Толстого и по сей день, спустя столетие, звучат поразительно актуально. Вот только один пример – размышления писателя о пользе культуры из дневниковой записи 1907 г.¹

Культурой при этом называлось все то, что сейчас трактуется как достижения научно-технического прогресса. Это – «железные дороги, телеграф, телефон, пароходы, пушки, все военные приспособления, взрывчатые вещества...».

«Средства воздействия культуры могут быть благодетельны только тогда, когда большинство... религиозно-нравственное...», – утверждает писатель и продолжает, – желательное отношение нравственности и культуры такое, чтобы культура шла одновременно и немного позади нравственного движения. Когда же она перегоняет, как это теперь, то это – великое бедствие...».

Читатель легко может сопоставить это высказывание Толстого с недавней историей использования атомной энергии, с дискуссиями по проблемам этики биомедицины и т.д.

Но вернемся к истории издания, начавшейся столь многообещающе. Сразу же после утверждения Наркомпросом проекта договора Чертков собирает сильную команду литературоведов и приступает к работе. Их труд в ожидании государственного финансирования оплачивает он сам и Александра Львовна Толстая из своих личных средств. Но вот 5 июля 1919 г. редколлегия только что созданного Государственного издательства утверждает смету расходов на издание. Согласно проекту договора подготовку к печати всех 90 томов возьмет на себя Редакционный комитет под руководством В.Г. Черткова, а само издание будет осуществлять Госиздат. Он по трудовым соглашениям будет оплачивать работу составителей томов. Решено, что все тома будут готовиться одновременно. Время подготовки каждого тома будет измеряться не месяцами, а годами. Возможное недоумение по этому поводу можно рассеять, назвав лишь одну цифру: варианты, черновики, корректуры и комментарии к четырем крупным произведениям писателя (в их числе «Война и мир», «Анна Каренина») займут более 600 тыс. страниц машинописного текста.

При этом следует иметь в виду, что Толстой ничуть не заботился о доступности своего архива. Последний представлял собой огромную, хаотически смешанную кипу листов, исписанных с обеих сторон весьма неразборчивым почерком. Их нужно было прочитать, рассортировать по произведениям и

1. ПСС. Т. 56. – С. 72.

последовательным авторским редакциям. Затем перепечатать, вновь тщательно сверить с автографами и лишь потом начать научную обработку: восстановление вариантов, сопоставление их между собой и с окончательным текстом, подготовку комментариев. То же с подготовкой статей и писем. Итак, смета утверждена, утвержден также Наркомпросом и текст договора между Чертковым и Госиздатом, остается только подписать его...

И тут радужные горизонты издания неожиданно закрывает черная туча. 29 июля 1919 г. Совнарком РСФСР издает декрет о национализации всех рукописей русских писателей, находящихся в государственных библиотеках и музеях. Готовится следующий декрет о монополии государства на их издание. Между тем Лев Толстой еще в 1891 г. не только отказался от гонораров за свои печатные труды, но и категорически запретил какую бы то ни было монополию на их издание. Ситуация складывалась нешуточная. Из «проклятого прошлого» вставала тень всемирно известного писателя и запрещала Советскому государству распорядиться тем, что оно по праву победителя считало своей собственностью. Чертков не мог с этим согласиться. Он подает в Совнарком докладную записку с просьбой сделать официальное разъяснение о том, что государство не будет претендовать на монопольное право издания произведений Толстого. Не получив ответа, в конце 1919 г. пишет по этому поводу личное письмо Ленину. Ответа нет.

Тогда Чертков через Бонч-Бруевича стал добиваться встречи с Лениным. Несмотря на сложность политической ситуации в России, 8 сентября 1920 г. Ленин принял Черткова. Правда, основной темой их беседы стал вопрос об отказе служить в Красной Армии по религиозным соображениям, поскольку Чертков был еще и председателем Объединенного союза религиозных общин. Но, по-видимому, шла речь и об издании Толстого. В ежедневной хронике деятельности Ленина в послереволюционные годы, составленной значительно позже научными сотрудниками Института Маркса–Энгельса–Ленина, есть такая запись: «8.IX-1920 г. Ленин принимает (10 час. 45 мин.) В.Г. Черткова, беседует с ним об издании полного собрания сочинений Л.Н. Толстого, в которое предлагает включить все написанное Толстым и снабдить произведения, дневники, письма исчерпывающими комментариями и чтобы было полностью соблюдено принципиальное отношение Толстого к своим писаниям: отказ от его авторских прав и свободная перепечатка текста»².

Однако декрет СНК не отменен, никаких официальных дополнений к нему нет. Госиздат на условиях Черткова подписывать договор отказывается.

После смерти Ленина вопрос об издании повис в воздухе. Чертков уже соглашается на монополию государства с условием, что на каждом томе будет

2. Биохроника Ленина. Т. 9. – С. 254.

надпись: «Перепечатка разрешается безвозмездно». Это уже не помогает: Госиздат подписывать договор отказывается. Осенью 1924 г. Чертков добивается встречи со Сталиным. Тот, вслед за Лениным, относится к планам Черткова благосклонно. Летом 1925 г. Совнарком принимает решение отпустить для издания 1 млн. руб. (новых). Но... Договор с Госиздатом не подписан, и деньги не поступают. Еще через год Чертков пишет Сталину и Рыкову о том, что его и Александры Львовны средства исчерпаны, и просит направить ему для оплаты работы составителей томов (большинство из них других источников дохода не имеют) хотя бы 100 тыс. руб.

Ответа нет, но зато ЦК неожиданно желает разобраться, что это за издание готовится к печати. Назначается некая «тройка» под руководством Молотова. Она, разумеется, передает дело «компетентной комиссии» под председательством президента Академии художественных наук П.С. Когана. Комиссия знакомится с подготовленными к изданию томами, беседует с Чертковым и докладывает в ЦК свое положительное заключение. В конце 1926 г. Совнарком «на основании решения высших партийных органов» еще раз утверждает план подготовки издания и... для идеологического контроля за оным назначает Государственную редакционную комиссию (ГРК) в составе Луначарского, М.Н. Покровского и Бонч-Бруевича. Комиссия тоже одобряет проект договора с Госиздатом, предложенный Чертковым. Но... договор все еще не подписан ввиду смены директора Госиздата (а они сменяются чуть ли не ежегодно). Наконец Госбанк переводит на счет Госиздата целевым назначением для Черткова... нет, не 100, а только 15 тыс. руб. Но договор Госиздат все равно не подписывает. Наступает 1928 год – 100-летие со дня рождения Толстого. В марте Чертков еще раз пишет Сталину о том, что дело издания тормозится, так как Госиздат все же не утверждает соглашения, одобренного Государственной Комиссией.

Наконец высочайшая команда дана! 2 апреля 1928 г. Чертков подписывает с Госиздатом договор об издании Полного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого. Между прочим 3-й пункт договора звучит так: «По настоящему соглашению в предпринимаемом издании основной текст Л.Н. Толстого должен быть издан **полностью и не подлежит никаким дополнениям, сокращениям или изменениям**. Редакция издания должна быть объективна и свободна от всякой тенденциозности и интерпретации тех или иных мест писаний Л.Н. Толстого».

Одновременно с договором утвержден и состав Редакционного комитета из семи человек. В него входят известные «толстоведы»: Грузинский, Гусев, Гудзий, Цявловский, Пиксанов и никому неизвестный рядовой сотрудник Госиздата Н.С. Родионов. В состав Комитета его включил Чертков.

Николаю Сергеевичу Родионову 39 лет. По матери он в родстве со старинным дворянским родом князей Шаховских. Прадед его командовал гвардейскими егерями в Бородинском сражении. Николай Сергеевич из тех дворянских

интеллигентов, которые сразу приняли революцию и Советскую власть. С Чертковым он познакомился еще в 1918 г. Несмотря на разницу в возрасте, между ними установились сердечные дружеские отношения. В 1928 г. Чертков просит Николая Сергеевича войти в состав его команды. Тому известно, что, кроме 15 тыс. руб., давно истраченных, Чертков еще не получил ничего. Все составители томов пока работают без оплаты. А у него жена и двое маленьких сыновей. И все же он принимает приглашение Черткова «быть главным работником по своду».

Быть «главным работником по своду» означает координировать работу всех составителей томов и редакторов, т.е. фактически руководить изданием. Одновременно придется направлять работу небольшой канцелярии Черткова. В отличие от научного Редакционного комитета, она именовалась «Главной редакцией» и состояла из минимального штата машинисток, секретариата, экспедиции и бухгалтера, которые размещались в нескольких комнатах небольшого дома № 7 в Лефортовском переулке, где жил и сам Чертков. В 1930 г. ему уже 76 лет, он серьезно болен, а новорожденное дитя никак не может стать на ноги: к 100-летию Толстого не вышло ни одного тома! В 1930 г. поступают запланированные как ежегодные 100 тыс. руб., но в течение последующих четырех лет — ни копейки.

27 июля 1934 г. Чертков, тяжело больной, в предчувствии близкой кончины, пишет последнее письмо Сталину. Он пишет о своем «безвыходном положении» должника, не имеющего возможности оплатить труд штатных сотрудников, о всяческих неприятностях, которым он подвергается, о том, что вместо обещанных 175 тыс. в 1930 г. дали только 100 тыс. Ему тяжело писать, сосредоточиться, он уже не вполне контролирует свои мысли.

Сыграло ли это письмо роль, или просто советская бюрократическая машина совершила со скрипом поворот, но 8 августа 1934 г. состоялось новое постановление Совнаркома. В распоряжении Черткова были направлены необходимые средства. Даже тираж издания был увеличен с 5 до 10 тыс. Но было уже поздно. Могучий организм Черткова сопротивлялся еще два года. 9 сентября 1936 г. Чертков умер. Функция главного редактора издания перешла фактически к Н.С. Родионову.

К началу 1937 г. напечатано только 17 томов из 90, хотя полностью подготовлены к печати и переданы Гослитиздату 80 томов. В этом же году бывшего генерального секретаря Профинтерна А. Лозовского с большим понижением назначают директором издательства. У него «камень на шее»: в 1917 г. за оппозиционные настроения он был исключен из партии. В 1919 г. приняли обратно, но, конечно же, не забыли. Сталин таких вещей не забывает. Это означает, что Лозовский «висит на волоске». На новой работе должен проявить особое рвение, а главное — не совершить ни малейшей политической ошибки. Прожженно-

го политика настораживает медлительность публикации научного собрания сочинений Толстого. Чего опасались его предшественники? Не в содержании ли дело? Не дай бог – серьезный «прокол». Лозовский вовсе останавливает печатание и начинает энергичную ревизию как вышедших, так и подготовленных к печати томов. Ленин и Луначарский (он тоже умер), когда поддерживали решение «печатать все», не читали неопубликованных статей Толстого, его дневников и писем. А там Лозовский находит немало весьма неприятных для руководства суждений. Ну, например, следующее:

«...То же, что большинство революционеров выставляет новой основой жизни социалистическое устройство, которое может быть достигнуто только самым жестоким насилием, и если бы когда-нибудь и было бы достигнуто, лишило бы людей последних остатков свободы, показывает только то, что у этих людей нет никаких новых основ жизни». (Статья «Конец века», 1905 г.³).

Лозовский понимает, что **такое** обязательно попадет в ЦК, а то и на стол к Сталину. Он спросит: «Кто издал?» О последующем «перемещении» директора Гослитиздата гадать не приходится... Но отказываться печатать или вводить цензуру, даже докладывать об этом «наверх» никак нельзя – ведь Ленин распорядился печатать все! Выход один – саботаж. Не отказываться печатать, но и не печатать! Придираться к комментариям, ссылаться на финансовые трудности – тянуть время. С наркомом Литвиновым у него был обнадеживающий разговор о переходе в Наркоминдел. За два года руководства издательством Лозовский печатает только два «безобидных» тома.

Маститые коллеги Николая Сергеевича Родионова по Редакционному комитету, понимая ситуацию, отходят в сторону. Он один в течение 20 лет будет бороться с руководителями Правительства и Партии вплоть до Политбюро. У него в руках только один, но крупный козырь – указание Ленина. Пишет письма Молотову, потом Жданову. Ответа нет. Звонит референтам. У них один ответ: материал получен, ждите. Телефонные атаки регулярно повторяются с тем же результатом. Письма возвращаются к Лозовскому. На одном из них тот пишет: «Впредь до решения дела в руководящих органах все переводы денег редакции Толстого прекратить». Николай Сергеевич снова звонит референту Жданова. Неожиданно тот его «отфутболивает» к Пospelову. Он – историк по профессии, недавно избран в члены ЦК. Неприятное дело с толстовским изданием из аппарата Жданова решили скинуть ему. Начинается новая канитель с секретарями Пospelова. В течение 20 дней обещание приема у Пospelова ежедневно переносится «на завтра». У товарища Пospelова непрерывные заседания. Но...

Вода камень точит! 20 апреля 1939 г. прием состоялся! И длился целых полчаса! Придя домой, Николай Сергеевич тут же его записывает в дневник. В короткой статье невозможно воспроизвести этот разговор. Приведу только два «руководящих указания»:

Поспелов: «Работа большая!.. Но у вас есть крупные ошибки, которые нужно исправить: первая – большие комментарии. Полное собрание сочинений Толстого заменяется полным собранием сочинений его комментаторов. Вторая – приемы комментирования. Вы не соблюдаете договора: в нем сказано об объективности. Но кто же объективнее подходил к Толстому, чем Ленин? Почему Вы не привлекаете этот самый объективный источник?».

(Н.С. объясняет, что ссылки на Ленина есть в томах с теоретическими статьями. Поспелов говорит, что такие ссылки должны быть в комментариях к каждому тому). Но вот фрагмент второго, самого важного для Н.С. указания:

Поспелов: «Все вышедшее из-под пера Льва Николаевича Толстого, будь-то художественные произведения, философское, религиозное письмо или записная книжка, все Советской властью будет опубликовано так, как было установлено раньше... лишь с теми изменениями в области комментариев, про которые я говорил».

«Как было установлено раньше» означает в соответствии с договором Чертова с Госиздатом, где прямо сказано, что «текст писаний **Л.Н. Толстого не подлежит никаким дополнениям, сокращениям или изменениям**». «Ленинский козырь» Николая Сергеевича убил карты партийного чиновника. А через полтора месяца Лозовского назначают заместителем наркома иностранных дел. Впрочем, вводят в состав Госредкомиссии вместо Бонч-Бруевича. Это неприятно, но не очень. Вряд ли у Лозовского будет время интересоваться делами издательства. Да и деньги уже не в его руках. Новый директор П.И. Чагин поддерживает подготовку Полного собрания сочинений Толстого и тут же возобновляет финансирование редакции. Правда, в ближайшие пару лет тома выходить не будут. Надо провести огромную работу по пересмотру и сокращению комментариев. Вся она ложится на плечи Николая Сергеевича. Эти пару лет он трудится, не покладая рук, а затем... Затем начинается война.

Старший сын Сережа (мой одноклассник и друг) уже в армии и вскоре отправится на фронт. Младший – Федя – 1 июля уезжает на «трудфронт» – рыть противотанковые рвы. Николай Сергеевич, которому уже 52 года, записывается в народное ополчение и 6 июля с дивизией ополченцев Куйбышевского района тоже покидает Москву. Сначала их тоже отправляют на трудфронт. Работа очень тяжелая, даже для молодых. 4 августа у него открывается кровоточащая язва желудка. Отправляют в госпиталь, и 8 октября 1941 г. «комиссуют» вчистую, т.е. отправляют домой. Язва, которая будет мучить его до конца дней, спасает жизнь. Примерно в то же время дивизия ополченцев, не имевших

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

никакой военной подготовки, под Боровском вступает в бой. Из 8 тыс. ее «личного состава» в живых остаются 600 человек.

16 октября 1941 г. в Москве паника. Утром Николай Сергеевич идет в Гослитиздат. Там – ни души и полный хаос. Находит всю группу сотрудников на площади у Курского вокзала. Ждут погрузки в эшелон. Николай Сергеевич остается один за всех... немцы бомбят Москву. В основном – «зажигалками», но иногда и «фугасами». Николай Сергеевич переносит домой рукописи всех подготовленных к печати томов. Квартира на верхнем этаже. Во время бомбежки они с женой не спускаются в бомбоубежище. В случае пожара будут спасать рукописи. И спасли, хотя пожара в доме не случилось, а вот в здании Гослитиздата попала фугасная бомба. Работа с рукописями Толстого, разумеется, прекратилась. Весь его архив заблаговременно был отправлен в Томск. Да и редакционный коллектив распался. Один Николай Сергеевич упорно работает над комментариями, благо подготовленные тома под рукой...

Сережа – старший сын Родионова – погиб. В мае 1943 г. в армию уходит Федя. Он погибнет в апреле 1945 г. на Украине от рук бендеровцев. Едва оправившись от этого, второго, удара, Николай Сергеевич возвращается на свое «поле боя» – за Толстого. Ему кажется, что ушедшие любимые дети требуют этого.

В 1946 г. с помощью Шолохова вопрос о полном издании Толстого вновь решается у Жданова. 7 сентября 1946 г. выходит специальное постановление Политбюро. Но времена изменились. Ослепительная слава «вождя народов, победителя Гитлера» заслоняет отодвинутые в далекое прошлое рекомендации Ленина. В постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) «О состоянии дела с академическим изданием сочинения Л.Н. Толстого» появляются такие строчки⁴:

«...В собрание сочинений Толстого включены все его реакционные религиозно-философские произведения... Многие тома собрания сочинений Толстого оказались заполненными проповедью толстовства, религиозных вероучений и идеализма. Тем самым, издание сочинений Толстого в нынешнем его составе не соответствует задачам воспитания советской молодежи и наносит ущерб идеологической работе партии...».

После решения Политбюро, как борзые после сигнала егеря, на Николая Сергеевича набросились «шавки» всех калибров. Редакционный комитет ликвидировали, нового директора Гослитиздата Котова вызывали в ЦК едва ли не каждый месяц и требовали все новых изъятий текстов Толстого. К счастью, сам Котов был на стороне Родионова. Но что он мог поделать?

Николай Сергеевич понимает, что для спасения всего издания надо уступить. Сначала он жертвует «мелочью» – записными книжками по сельскому

хозяйству. Потом дело доходит до всемирно известной «Исповеди» и статей на религиозную тему. Партийная шушера в Гослитиздате торопится выразить свою лояльность. Вот уже объявлен «выговор с предупреждением за безответственное отношение к делу». Это у Николая Сергеевича-то безответственное?! Наиболее уважаемые коллеги-литературоведы выражают ему свое сочувствие. Другие упрекают (оставаясь в стороне) за сдачу позиций.

Запись в дневнике от 7 февраля 1951 г.

«Есть такие товарищи-друзья, которые склонны меня обвинить в том, что я участвую и помогаю в цензурировании Толстого. Не принимаю этого обвинения. Я хочу искренне напечатания Толстого. В настоящих условиях полностью напечатать нельзя. Зная материал, я указываю, что надо выпустить, чтобы не рисковать всем делом... Я готов на любые компромиссы для себя лично, лишь бы был напечатан максимум Толстого. Соблюдать при всех обстоятельствах какую-то “невинность”, отходить горделиво в сторону и говорить: “Делайте, как хотите, я вам не помощник” глупо и неверно... Уход от дела в данной обстановке был бы с моей стороны прямым предательством...»

И все же Николай Сергеевич еще пытается бороться, «отыграть обратно» согласие на цензурирование Толстого. Посылает письмо Фадееву. Тот в это время – крупная политическая фигура, член ЦК ВКП(б) и генеральный секретарь Союза писателей СССР, а также председатель Госредкомиссии толстовского издания.

Ответ от Фадеева приходит через день. Он пишет, что задержка в печатании томов произошла «потому, что многие члены комиссии, и я в том числе, при всем их и моем глубоком уважении к литературному наследию Льва Николаевича Толстого и его памяти, усомнились в возможности публикации некоторых его произведений, носящих с точки зрения наших коммунистических взглядов открыто реакционный характер, являющихся прямой пропагандой религии (хотя бы и в особом толстовском понимании)...» И далее – в том же духе.

Больше просить о помощи некого. Позиционная война продолжается. Уже вовсе не хотят печатать дневники Толстого. Николай Сергеевич настаивает, напоминает об указании Ленина. Тома не выходят. А время идет... и... 5 марта 1953 г. умирает Сталин. Не сразу, но все меняется.

Запись в дневнике Николая Сергеевича 10 февраля 1954 г.

«Сегодня было заседание Госредкомиссии.

Решено: Все печатать. Конкретно сейчас: “Исповедь”, “В чем моя вера”, “Царство Божье”... О других не говорилось (но будем печатать!).

“Азбуку” решено печатать, “Русскую книгу для чтения” и прочее.

Письма к Александре Львовне Толстой печатать полностью...

Всегда верил, что Правда восторжествует, и еще при жизни своей увижу всего Льва Николаевича **напечатанным**, и можно будет сказать:

“Исполнен долг, завещанный от Бога”...

Действительно, уже в 1954 г. будет напечатано 11 томов без каких-либо сокращений и купюр, за следующие три года – все остальные, кроме последнего 90-го тома, который выйдет в 1958 г., – и все это еще при жизни Николая Сергеевича.

Десять лет, проведенные с Родионовым, были самыми счастливыми годами моей жизни. Когда он умер, я решил написать книгу воспоминаний о доме, о нем и его жене Наталье Ульриховне Авранек, которую я называл «матушкой». Я знал, что Николай Сергеевич всю жизнь вел дневник. Естественно, что начал с поисков этого дневника. Но... он исчез! Его не было ни в ЦГАЛИ, ни в Толстовском музее, ни в каталоге рукописей Ленинской библиотеки. Случайно я узнал, что существует еще особый каталог. И вот перед моими глазами появляются одна за другой 26 толстых тетрадей, исписанных очень трудным почерком. Я их штудирую, делаю выписки. Вся описанная выше история толстовского издания взята оттуда. Материал этот никогда и нигде не публиковался.

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

Х.Брам, В.Любин

АДЕНАУЭР И СССР: НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Любин Валерий Петрович – канд. ист. наук,
ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН.
Брам Хайнц – немецкий историк.

Московские переговоры 1955 г.: Сомнения и надежды

Полвека тому назад 8 сентября 1955 г. в аэропорту Внуково приземлились два самолета «Люфтганзы». На них по приглашению советского руководства в Москву для переговоров прибыли главные члены внушительной правительственной делегации ФРГ (141 человек¹) во главе с канцлером Конрадом Аденауэром. Остальные приехали на специальном поезде, в нем канцлер намеревался проводить рабочие совещания делегации. Хотя группа экспертов ФРГ во главе с фон Чиршки и МИД СССР заранее согласовали необходимые вопросы, план работы, официальных приемов и культурных мероприятий, размещения руководителей делегации в гостинице «Советская» и на правительственной даче номер четыре, западногерманские политики были напряжены и взволнованы. Никто не знал, каких сюрпризов можно ждать от Кремля.

Именно такое впечатление производят опубликованные мемуары Аденауэра² и некоторых из участников делегации. Наша статья основана не только на этих воспоминаниях, но и на неизвестных немецких и российских архивных материалах, показанных телевидением в преддверии 50-летнего юбилея визита делегации Аденауэра в Москву, хроникальных кинодокументах и интервью свидетелей тех событий³.

С момента создания в западной части страны нового немецкого государства, включившего земли оккупационных зон США, Великобритании и Франции, канцлера в его зарубежных поездках еще ни разу не сопровождало столько официальных лиц. Кроме него главными лицами делегации были представители высших законодательных и административных органов ФРГ: премьер-министр земли Северный Рейн – Вестфалия и председатель внешнеполитической ко-

миссии бундесрата Арнольд, председатель внешнеполитической комиссии бундестага Кизингер, его заместитель, социал-демократ, профессор Карло Шмид, министр иностранных дел фон Брентано, статс-секретарь МИД Хальштейн. В делегацию входили ведущие чиновники ряда министерств, дипломаты, переводчики. Хотя Аденауэр в желании перестраховаться и собрал максимальное число нужных людей⁴, специалистов по СССР среди них можно было пересчитать по пальцам⁵.

Никогда еще ожидания, напряженность и риск для западногерманских политиков не были столь велики. Аденауэра одолевали тяжелые сомнения, он вовсе не был уверен в успехе⁶. СССР удерживал тысячи военнопленных и интернированных немцев, происходивших из обеих частей разделенной теперь надвое Германии, хотя с момента окончания войны прошло уже десять лет. За ним оставалось последнее слово в деле объединения страны.

С мая 1955 г. ФРГ как суверенное государство стала частью западного союза, вошла в НАТО⁷. Но Аденауэр прекрасно знал, что США, Англия и Франция критически воспримут любой его шаг в Москве. На Западе еще не исчезла озабоченность, что ФРГ рано или поздно может попасть под воздействие сладкоголосых советских сирен и продолжить традиции политики Рапалло, чтобы приблизить момент объединения страны.

Летом 1955 г. в Женеве главы четырех великих держав-победительниц рассмотрели проблемы европейской безопасности в связи с вопросом объединения Германии. По мнению многих, его можно было бы решить так же, как в Австрии. 15 мая 1955 г. в Вене министры иностранных дел СССР, США, Англии, Франции и Австрии подписали договор, согласно которому послевоенная оккупация страны прекращалась. Австрия обязывалась соблюдать постоянный нейтралитет⁸. Но Бонн сделал другой выбор.

Несмотря на общность желания установить отношения между СССР и ФРГ, приоритеты Бонна и Москвы были различными. Руководители ФРГ хотели договориться об освобождении последних немецких военнопленных и интернированных гражданских лиц. Почти 80-летний канцлер прекрасно понимал, что если не добьется этого, то подвергнется на родине резкой критике и может потерять свой пост. Москва проявляла заинтересованность в экономическом сотрудничестве с ФРГ (учитывая, однако, свою концепцию двух германских государств и особые отношения со страной союзницей ГДР) и хотела выяснить, насколько прочно Аденауэр привязан к западным союзникам.

Подготовленное к приезду западногерманской делегации стоостраничное до-
с-
сье для высших советских руководителей – главными членами советской делегации были премьер-министр Н.А. Булганин, первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущёв, министр иностранных дел В.М. Молотов – читалось как захватывающий роман⁹. Биографию Аденауэра подготовил, по его собственным словам,

В. Фалин¹⁰. Советскому руководству, разумеется, было известно, что Аденауэр был противником и одновременно жертвой нацистского режима. Сразу после прихода нацистов к власти в 1933 г. он был объявлен преступником и смещен с занимаемого им с 1917 г. поста мэра Кёльна, а в 1944 г. арестован и отправлен в заключение. С поста обер-бургомистра он был смещен впоследствии и англичанами, в зону которых при разделе Германии попал Кёльн¹¹. В Кремле, вероятно, знали, что в бытность кёльнским обер-бургомистром в 20–30-е годы рейнский политик проявлял заметный интерес к СССР.

Предыдущие встречи с советскими коммунистами

Действительно именно к тому времени восходит опыт общения Аденауэра с людьми из страны Советов. Неплохие отношения установились у него с полпредом СССР в Германии Н.Н. Крестинским. В 1928 г. на территории только что выстроенных новых павильонов Кёльской ярмарки по инициативе Аденауэра была открыта всемирная выставка «Пресса», ставшая первой крупной международной выставкой в Германии после мировой войны. На нее приехали представители почти всех европейских и ряда заокеанских государств, две сотни дипломатов и около тысячи журналистов, восхищенные репортажи появились в ведущих мировых газетах. Для посетителей выставки было удивительным видеть на ней русских коммунистов без привычной тельмановской кепки, в особенности полпреда Крестинского в наряде дипломата. Ему была оказана честь выступить на открытии выставки с благодарственным словом первым из иностранных гостей, даже раньше американского посла. Крестинский говорил по-немецки, что вызвало симпатии публики.

Аденауэр назвал советский павильон одним из интереснейших разделов выставки. 14 мая 1928 г. он провел специальную встречу с советскими представителями, чтобы обсудить возможность развития культурных связей с СССР. Среди откликнувшихся на приглашение приехать на выставку были председатель Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС) Ольга Каменева, Артемий Халатов, другие официальные лица¹². В числе почетных гостей оказался подаривший Аденауэру свою книгу М. Горький, которого, по его собственным словам, очень впечатлили выставка и Рейн. Жена Крестинского в признательность за гостеприимство подарила Аденауэру папиросы ленинградского производства (совсем неподходящий презент для некурящего), в ответ Аденауэр послал ей флакон знаменитой «Кёльнише вассер» и в приложенной записке выразил надежду, что у ее мужа остались хорошие впечатления о Кёльне.

В июле 1928 г. во время обеда с приехавшим из СССР историком, академиком С. Платоновым Аденауэр рассказывал о проекте открытия в Кёльне сек-

ции Немецкого общества по изучению Восточной Европы, целью которого станет улучшение отношений с восточными соседями, развитие контактов с представителями советской науки и культуры. Сама идея создания филиала этого Общества на Рейне принадлежала, вероятно, его генеральному секретарю Хансу Йонасу, сопровождавшему академика Платонова в поездке по Германии.

24 марта 1929 г. Аденауэр открыл в Кёльне выставку русских икон и наверняка говорил о развитии связей с СССР во время многочасовой беседы за обедом с историком искусства, академиком И. Грабарем, специально прибывшим на эту выставку. Глазам Аденауэра открылся мир старинной русской культуры. Беседы с этими академиками и другими людьми из Советской России позволяли кёльнскому обер-бургомистру заключить, что за коммунистическом фасадом продолжает жить культура прежней России. Эти встречи, несомненно, оставили след и подогрели его интерес к динамично развивавшемуся СССР. Поступавшие оттуда новости теперь воспринимались по-другому. Печатавшиеся в кёльнской прессе статьи носили «благоприятный» для Москвы характер¹³.

«Кёльнцы вообще, Аденауэр в частности, были чрезвычайно любезны и внимательны. Кёльнское радушие приближается к восточнопрусскому, но является более бескорыстным, ибо Кёльн не может рассчитывать на какие-либо большие дела с СССР»¹⁴, – обобщал Крестинский в донесении в НКВД от 6 мая 1929 г. свои впечатления от новой поездки в Кёльн по приглашению Аденауэра на состоявшееся 3 мая открытие рейнского отделения Общества изучения Восточной Европы. «Аденауэр – организатор, а ныне уже председатель вновь организованной рейнской группы» Общества изучения Восточной Европы, «прислал приглашение мне, Бегге и другим нашим, знакомым ему по Кёльну, товарищам»¹⁵, – сообщал полпред. Доклад «Германия и Россия» было поручено сделать немецкому ученому, специалисту по России Гетчу.

Крестинский выступил на официальном завтраке, на котором почетными гостями были он и председатель немецкого Общества изучения Восточной Европы Шмидт-Отт, и на учредительном заседании, в президиум которого входил Аденауэр. «Затем Гетч перед аудиторией человек в 700 сделал не враждебный нам, но довольно бессодержательный доклад... После этого довольно долго просидели уже без уехавшего в Берлин Гетча вместе с Аденауэром, Шмидт-Оттом, Йонасом, членами вновь избранного президиума..., разговаривали об СССР, о Кёльне, о будущей работе и т.д.»¹⁶, – сообщал Крестинский. Аденауэр тогда же предложил официально открыть кёльнское отделение советского торгпредства (неофициально оно уже существовало). Позднее, в 1930 г. он просил полпреда содействовать открытию советского консульства в Кёльне, но бюрократическая волокита и отзыв Крестинского в том же году в Москву помешали этому¹⁷. Перед своим окончательным отъездом в Москву в 1930 г. советский посол

предложил Аденауэру встретиться, если он будет в Берлине. Получив от него письмо с этим предложением¹⁸, кёльнский мэр, прибыв в Берлин, нанес ему прощальный визит. Крестинский погиб в ходе сталинских репрессий 1937–1938 гг., оказавшись одним из немногих, кто сопротивлялся до конца и не признавал за собой никакой вины. По отзывам иностранных дипломатов в Германии того периода он был лучшим советским послом.

К началу 30-х годов относится, вероятно, и встреча Аденауэра с тогдашним председателем Моссовета Н.А. Булганиным, совершавшим поездку по крупнейшим городам Европы. В феврале 1955 г. спустя всего несколько дней после его назначения на пост председателя Совета министров СССР Аденауэр рассказывал в узком кругу о том, что он виделся с Булганиным в Кёльне. По отзыву Аденауэра тот был не только «одаренным коммунальным политиком», но и «приятным парнем». Они вместе осмотрели Кёльнский собор. Аденауэр теперь, однако, выражал сомнение, что маршал Булганин остался таким же, каким был во время его гражданской службы. Эти замечания тогда же попали на страницы шведской газеты «Стокгольм тиднингс»¹⁹. В «Воспоминаниях» Аденауэра лишь вскользь упомянуто, что, когда он был кёльнским обер-бургомистром, ему довелось беседовать с «коммунальным политиком» Булганиным.

Первым официальным лицом, встречавшим Аденауэра у трапа самолета во Внуково, оказался глава советской делегации на переговорах Н.А. Булганин. Ни он, ни Аденауэр ничем не выдали, что знакомы. Лишь некоторая фамильярность, допущенная ими в последующие дни, например, по окончании просмотра балета «Ромео и Джульетта» в Большом театре, позволяла заключить, что между ними установились особые отношения. На немецкоязычной театральной программке сохранилась надпись: «Федеральному канцлеру ГФР Г-ну Аденауэру в знак особого уважения. От Н. Булганина. 10/IX-55». В ходе переговоров Булганин называл Аденауэра «мой друг»²⁰. Канцлер официально называл его «министер-президент Бульянин» (так звучало имя в его произношении), а другого партнера по переговорам иногда – «Йеноссе Крушчов». Его рейнский диалект трудно поддавался переводу. «Дат ист ох эн райнлэндер» – «он тоже с Рейна», – заметил Аденауэр, увидев на стене одного из кремлевских кабинетов портрет Маркса. «А внучатый племянник Энгельса крупный капиталист Пффердменгес – мой друг»²¹.

По воспоминаниям участника переговоров в Кремле Бориса Майснера, в одном из разговоров уже в неофициальной обстановке Хрущёв заявил: «Социалисты в мире выступают за прогресс. Мы хотим, чтобы доходы рабочих постоянно увеличивались...». «Тогда Вам надо вступить в нашу партию ХДС», – парировал Аденауэр под улыбки собравшихся. Хрущёв возразил: «Я неудобный человек. Вы меня быстро прогоните». Аденауэр заметил: «Я из тех, кто держит слово». На что Булганин, перебив его, сказал: «Тебя не прогонят, Никита, но

если кто-то и вознамерится это сделать, я вступлюсь за тебя и напишу соответствующее письмо моему другу, федеральному канцлеру»²².

Противостояние в Кремле: Неудачное начало и успешная развязка

Дружелюбное отношение советских лидеров, представлявших страну-победительницу, понесшую огромные жертвы в войне, к представителю побежденной страны поразило Аденауэра. Подобного не было при его первых встречах с Де Голлем или Черчиллем. Но канцлеру не давала покоя мысль, как добиться освобождения остающихся пленных. Хотя большинство их уже вернулось на родину, кое-кто в ФРГ, исходя из завышенных оценок, полагал, что в советских лагерях в живых остаются еще примерно 130 тыс. человек²³. В Бонне, однако, знали, что число выживших намного меньше. Но в обеих частях Германии родственники пропавших без вести еще рассчитывали на чудо...

В период пребывания Аденауэра на посту кёльнского мэра в 20-е годы он сам, как и большинство немцев, не усматривал в Советском Союзе какую-то угрозу. Иное дело теперь, когда после окончания Второй мировой войны советские войска стояли на немецкой земле и СССР превратился во врага номер один. Но острая антикоммунистическая направленность риторики Аденауэра не должна вводить в заблуждение. Хотя он считал коммунизм враждебным ему самому и ХДС, он все же был готов к любым компромиссам, которые соответствовали бы его политическим убеждениям.

Переговоры в Москве развивались по канонам высокохудожественной театральной пьесы. Канцлер чувствовал себя уверенно, но Брентано, Хальштейн, Гreve ощущали себя в советской столице как в пасти льва. Открывая переговоры, Булганин говорил о злодеяниях нацистов на советской земле, тактике выжженной земли при отступлении вермахта, уничтожении большого числа людей в немецких концлагерях, об отбывающих наказание в СССР военных преступниках. Вопрос их освобождения касается обеих частей Германии и должен решаться совместно с ГДР. Но ввиду известного отношения ФРГ к подобным совместным переговорам данная проблема здесь не подлежит обсуждению. Вопрос объединения страны, по мнению советской стороны, должен рассматриваться на переговорах с участием ГДР и ФРГ. В конце речи Булганин подтвердил желание советского руководства установить дипотношения с ФРГ²⁴.

В ответной речи Аденауэр признал, что германские войска первыми напали на Россию и произошло много плохого. Но одновременно он напомнил, что при вступлении советских войск на немецкую землю происходили страшные вещи²⁵. Из-за ошибки немецкого переводчика, выбранное Аденауэром слово было переведено как «злодеяния», что вызвало гнев Хрущёва, воспринявшего это как

недопустимое оскорбление Красной Армии. Хотя канцлер затем вынужден был уточнить, что сказал другое: «страшные вещи»²⁶, возникла напряженность, и никто не знал, будет ли она преодолена. Последовал нелицеприятный обмен мнениями по поводу легитимности правительства ГДР, стороны занимали противоположные позиции. Когда профессор К. Шмид, коснувшись вопроса освобождения пленных, воззвал к чувству справедливости и традиционному великодушию русского народа²⁷, это не встретило понимания советской стороны²⁸. Аденауэр продолжал парировать атаки импульсивного Хрущёва, не допуская, чтобы переговоры пошли в нежелательном направлении. Хотя напряженность удавалось иногда смягчить шутками, надлежащее взаимопонимание удалось найти не скоро.

Советские лидеры поначалу не могли понять, почему боннская делегация так упорно настаивает на освобождении пленных и в случае отказа готова даже прервать переговоры. Незадолго до этого в Женеве советские представители категорически отрицали, что в их стране остаются военнопленные. Аденауэру объясняли, что в СССР содержатся лишь военные преступники. Остальные, кричал Хрущёв, давно лежат в земле. С другой стороны стола он погрозил Аденауэру кулаком. Аденауэр ответил ему тем же. Стремясь вывести переговоры из тупика, канцлер пошел на хитрость. В открытом телефонном разговоре он попросил прислать из Гамбурга самолеты «Люфтваффы», чтобы тут же отправиться в обратный путь. Преждевременный отъезд делегации ФРГ оставлял советских лидеров с пустыми руками. Под угрозой срыва оказывался большой государственный прием с участием дипкорпуса.

Сразу же после начала этого приема в Георгиевском зале Кремля с участием 600 человек Булганин отвел Аденауэра в сторону. Он осведомился, не является ли нежелание Аденауэра установить отношения с СССР следствием того, что он вынужден оглядываться на другие державы?²⁹ Параллельно с этим разговором с глазу на глаз Молотов также пытался выяснить у фон Брентано, не мешают ли США дипломатическому признанию СССР со стороны ФРГ? Последовал следующий «обмен мнениями». По свидетельству переводчика Кайля, Брентано ответил: «Нет, разумеется, нет». Молотов: «Это Англия?». Брентано: «Нет, тоже нет». Молотов: «Франция?». Брентано: «Совсем нет». Молотов: «Думаю, я угадал: Люксембург!». Брентано с натянутой улыбкой: «Конечно, да». Молотов: «Я же знал, что это не Коста-Рика»³⁰.

После того, как Аденауэр заверил, что сможет решить вопрос обмена польскими военнопленными, Булганин после выдержанной театральной паузы пообещал в ближайшее время освободить всех немцев – военнопленных и угнанных, если Аденауэр подтвердит свое решение официальной нотой³¹. Хотя Булганин и Хрущёв не давали письменных гарантий своего обещания, считая достаточным честное слово, канцлер почувствовал, что лед сломлен. Впору было это отметить. Заме-

тив, что Хрущёва и Булганина обслуживает отдельный официант, Аденауэр попросил у него бутылку, изучил ее содержание и, обнаружив, что те пьют лишь воду, призвал выпить вина³². Их согласие можно было воспринять как совместное желание успешного завершения переговоров.

Аденауэр отмечает в воспоминаниях, что ему было достаточно честного слова Булганина и Хрущёва, но ближайшие сотрудники подвергли его жесткой критике³³. Хальштейн и Брентано не верили своим ушам: антикоммунист Аденауэр, всегда обвинявший Советский Союз в нарушении договоренностей, поверил честному слову хозяев Кремля! Критики убедили Аденауэра добиться письменного заверения, чтобы было что показать правительству и бундестагу. Хрущёв был очень удивлен, когда на следующее утро Аденауэр все же попросил о письменном засвидетельствовании данного обещания. «Мне самому достаточно Вашего честного слова, но я не один в делегации», — сказал канцлер³⁴. «Извините, не хотите ли Вы сказать, чтобы мы помогли заставить вашу делегацию согласиться с Вами?», — спросил Хрущёв³⁵. «Примерно так оно и есть, хотя мне не следовало бы этого говорить», — ответил Аденауэр³⁶. Советским лидерам казалось странным, что канцлер не может заставить своих сотрудников замолчать. Хрущёв и Булганин повторили перед членами западногерманской делегации свои обещания. Порученное дипломатам согласование текста коммюнике об установлении отношений между СССР и ФРГ заняло несколько часов³⁷.

Аденауэр произвел впечатление на советских лидеров. В январе 1956 г. Булганин поздравил его с 80-летием. Молотова, как писал Кизингер, поразил аденауэровский стиль переговоров. Хрущёв, видимо, был искренен, когда сказал пресс-аташе делегации Экардту: «Ваш канцлер — великий человек»³⁸. Позднее он, однако, называл канцлера «умным и опасным». Но ему импонировала трезвая оценка Аденауэром международной ситуации. Хрущёв послал Аденауэру на 85-летие палехскую лаковую шкатулку с иллюстрацией к поэме «Конек-Горбунук»³⁹. Ее можно увидеть в специально выстроенном для отставного канцлера застекленном павильоне (где он, избегая телефонных звонков, писал мемуары) в саду ставшего музеем его дома в Рёндорфе близ Бонна.

Германский вопрос остался открытым

Результатом напряженных переговоров стало не только установление дипотношений, но и возвращение к своим родным в Германии почти 10 тыс. последних военнопленных и около 20 тыс. угнанных гражданских лиц⁴⁰. Но вопрос объединения страны не удалось продвинуть ни на шаг. Установление отношений было для Бонна не только вопросом престижа. Для Аденауэра было очень важно получать информацию о Советском Союзе от собственного посольства и не зависеть больше от дозированной информации западных союзни-

ков. До этого, по его словам, США, Великобритания и Франция рассматривали ФРГ как подростка, которого родители изредка берут с собой, но чаще оставляют дома: «А теперь мы снова встали с ними в один ряд»⁴¹.

В первые годы пребывания на посту канцлера его часто упрекали в том, что он совершенно не заинтересован в воссоединении страны. Но это было не так. Аденауэр вовсе не считал, что Советский Союз должен предоставить свободу ГДР в интересах Федеративной Республики. Выход ГДР из зоны советского влияния вызвал бы, по его мнению, цепную реакцию в Восточной Европе, захватившую бы прежде всего Венгрию и Польшу⁴².

Аденауэр полагал, что принятие предложения о нейтрализации ФРГ вызвало бы подозрение в Париже, Лондоне и Вашингтоне и торпедировало бы ее запланированную интеграцию в Западную Европу. В любом случае он не хотел создать впечатление, что сознательно собирается проводить политику, направленную на отрыв Польши от советской империи. Хотя ему было хорошо известно, что большинство поляков не разделяют коммунистических убеждений. 70% поляков, полагал он, в душе настроены абсолютно антикоммунистически⁴³.

Остававшийся открытым германский вопрос приобретал все большее значение. Аденауэр, насколько позволяла ему постоянная занятость, внимательно следил за происходящим в Кремле, что не мешало ему нередко приходить к неверным умозаключениям и занимать противоречивые позиции. Переживший приход и нахождение у власти нацистов он был убежден в том, что Советский Союз, бывший такой же несправедливой системой, когда-нибудь рухнет, и тогда ГДР получит свободу. В 1963 г. он заявил: «Мне всегда хочется знать, каково экономическое положение в СССР. Для меня это самое главное. С этими мыслями я ложусь спать и с ними же встаю»⁴⁴.

Иногда он опасался прихода советских танков. Он часто спрашивал свое окружение, как Кремль отреагирует на его действия⁴⁵. Аденауэр жадно вылавливал известия из прессы о состоянии советско-китайских отношений. Канцлер помнил о не попавших в официальные протоколы сетованиях Хрущёва по поводу КНР, вызывавшей немалую озабоченность советского руководства. Аденауэр сделал из этого вывод, что для СССР однажды станет невозможным защищать свои восточные и западные границы и одновременно энергично повышать жизненные стандарты советских людей⁴⁶. И тогда пробьет час, когда немцы встретят со стороны Москвы большее понимание в вопросе объединения. После этого можно будет вовлечь в процесс интеграции и восточноевропейские страны, полагал он⁴⁷.

Экономические трудности в СССР, которые он все же нередко слишком переоценивал, были для него признаком слабости советской системы, которая не справится с проблемами противоборства с Западом и рано или поздно пой-

дет на уступки. Но иногда ему казалось, что было бы лучше, если бы СССР выполнял свои пятилетние планы и был экономически стабилен. Улучшение жизни людей в ГДР, по его мнению, могло приблизить объединение. Нередко ему представлялось, что оно не за горами, но чаще все же, что ждать придется еще долго. Франции для решения вопроса Эльзас – Лотарингии потребовалось почти 50 лет, говорил он⁴⁸. Федеративная Республика не должна терять надежды на то, что немцы смогут жить в едином государстве, подчеркивал Аденауэр⁴⁹.

По завершении переговоров в Кремле Н.А. Булганин направил официальное письмо К. Аденауэру, в котором была ясно обозначена советская позиция. В нем, в частности, говорилось: «Господин Федеральный канцлер, в связи с договоренностью, достигнутой в ходе переговоров между правительственными делегациями Советского Союза и Германской Федеральной Республикой, я имею честь подтвердить Вам, что Советское Правительство приняло решение установить дипломатические отношения с Правительством Германской Федеральной Республики и обменяться дипломатическими представителями в ранге Чрезвычайных и Полномочных Послов. Правительство Советского Союза выражает уверенность в том, что устанавливаемые ныне дипломатические отношения будут способствовать развитию взаимопонимания и сотрудничества между Советским Союзом и Германской Федеральной Республикой в интересах мира и безопасности в Европе. Советское Правительство исходит при этом из того, что установление и развитие нормальных отношений между Советским Союзом и Германской Федеральной Республикой будет содействовать решению неурегулированных вопросов, касающихся всей Германии, и должно будет тем самым помочь разрешению главной общенациональной проблемы немецкого народа – восстановлению единства германского демократического государства»⁵⁰.

Советско-западногерманские отношения, начало которым положил визит Аденауэра в Москву 8–14 сентября 1955 г., переживали периоды взлетов и падений. Многие десятилетия за СССР оставалось решающее слово в деле объединения Германии. После того, как 15 лет назад оно было, наконец, произнесено, и страна стала единой (хотя различия в менталитете восточных и западных немцев остаются, и в 2005 г. они стали даже темой острой предвыборной борьбы) отношения Германии с правопреемницей Советского Союза – Россией развиваются успешно и динамично и, по общему мнению, никогда еще не были столь дружественными как в последние годы.

Примечания

1. Krekel M.W. Verhandlungen in Moskau. Adenauer, die deutsche Frage und die Rückkehr der Kriegsgefangenen. Bad Honnef-Rhöndorf, 1996. – S. 22.

2. Adenauer K. Erinnerungen. Stuttgart, 1965–1968. 4 Bde. Московские переговоры освещены во втором томе: Bd. 2. 1953–1955. Stuttgart, 1966. – S. 487–556. См. также: Adenauer K. Reden, 1917–1967. Hrsg. von H.-P. Schwarz. Stuttgart, 1975; Baring A. Aussenpolitik in Adenauer Kanzlerdemokratie. München, 1969; etc.

3. Часть документов, касающихся этой встречи, представлена в вышедшем в сентябре 2005 г. сборнике: Визит канцлера Аденауэра в Москву. 8–14 сентября 1955 г. Документы и материалы. М., 2005. В нем, по большей части, впервые опубликовано свыше 40 документов, предоставленных Архивом внешней политики Российской Федерации, Политическим архивом Министерства иностранных дел Федеративной Республики Германия, Российским государственным архивом новейшей истории.

4. Eckardt F. von. Ein unordentliches Leben. Lebenserinnerungen. Düsseldorf, Wien, 1967. – S. 384.

5. Одним из них был Борис Майснер, издавший впоследствии подборку документов об отношениях СССР и ФРГ послевоенного периода. Meissner B. (Hrsg.). Moskau – Bonn. Die Beziehungen zwischen der Sowjetunion und der Bundesrepublik Deutschland, 1955–1973. Dokumentation. Köln, 1975. Bd. 1.

6. Schwarz H.-P. Adenauer. Der Staatsmann: 1952–1967. Stuttgart, 1991. – S. 213 f.

7. Poppinga A. Konrad Adenauer. Eine Chronik in Daten, Zitaten und Bildern. Mit einer Einführung von R. Morsey. Bergisch Gladbach, 1996. – S. 95.

8. Krekel M.W. Verhandlungen in Moskau. Adenauer, die deutsche Frage und die Rückkehr der Kriegsgefangenen. Bad Honnef-Rhöndorf, 1996. – S. 9.

9. Falin V. Politische Erinnerungen. München, 1993. – S. 328.

10. Heimkehr aus dem Osten // Arte TV. Doku, Dtl., 24.08.2005.

11. О том, что он был дважды насильно отправлен в отставку Аденауэр напомнил в Москве. См.: Keil R.-D. Mit Adenauer in Moskau. Erinnerungen eines Dolmetschers. Bonn, 1997. – S. 94.

12. В доме-музее К. Аденауэра в Рёндорфе (Штифтунг-Бундесканцлер-Аденауэр-Хаус) сохранились фотографии, на которых Аденауэр запечатлен вместе с советской делегацией, прибывшей на выставку «Пресса». Одна из них опубликована в подборке: Konrad Adenauer. Dokumente aus vier Epochen deutscher Geschichte. Das Buch zur Ausstellung. Bad Honnef-Rhöndorf, 1997. – S. 56–57.

13. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 082. Оп. 13. Папка 53. Д. 10. Л. 61. См., например, статью «Zwischen Berlin und Moskau» in: Kölnische Zeitung, 25.04.1930 и помещенную в том же номере телеграмму Юста из Москвы под заголовком «Nach wie vor zu Rapallo» с пересказом статьи от 24.04.1930 из «Известий» о советско-германских отношениях «без критических против нее выпадов». Хотя большинство других немецких газет «выступают довольно резко против статьи “Известий”», подчеркивал в своем донесении Крестинский. АВП РФ. Ф. 082. Оп. 13. Папка 53. Д. 10. Л. 60.

14. АВП РФ. Ф. 082. Оп. 12. Папка 45. Д. 3. Л. 178–179.

15. АВП РФ. Ф. 082. Оп. 12. Папка 45. Д. 3. Л. 179.

16. АВП РФ. Ф. 082. Оп. 12. Папка 45. Д. 3. Л. 178.
17. АВП РФ. Ф. 082. Оп. 13. Папка 53. Д. 10. Л. 89.
18. Фотокопия данного письма, сохранившегося в Архиве города Кёльна, опубликована в нашей статье в газете «Франкфуртер альгемайне цайтунг», посвященной неизвестной ранее истории отношений Аденауэра с советскими официальными лицами на рубеже 20–30-х годов. Подробности визита правительственной делегации ФРГ во главе с Аденауэром в Москву в сентябре 1955 г. освещены в вышедшей по случайному совпадению в тот же день статье в «Независимой газете». См. Brahm H., Ljubin V. Ein unbekannter Adenauer // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 13.09.2005. – S. 10; Любин В., Брам Х. Дипломатия высокого риска. Конрад Аденауэр и советские руководители: Первое знакомство // Независимая газета. М., 13.09.2005. – С. 11.
19. Stockholms Tidningen. 10.02.1955.
20. Meissner B. Mit Adenauer im Kreml // Jahrbuch des baltischen Deutschtums 2001. Lüneburg, München, 2001. – S. 33.
21. Keil R.-D. Mit Adenauer in Moskau. Erinnerungen eines Dolmetschers. Bonn, 1997. – S. 93.
22. Meissner B. Mit Adenauer im Kreml // Jahrbuch des baltischen Deutschtums 2001. Lüneburg, München, 2001. – S. 33.
23. Köhler H. Adenauer. Frankfurt a. M., 1994. – S. 877 f.
24. Keil R.-D. Mit Adenauer in Moskau. Erinnerungen eines Dolmetschers. Bonn, 1997. – S. 94–95.
25. Adenauer K. Bd. 2. 1953–1955. Stuttgart, 1966. – S. 508–509.
26. Keil R.-D. Mit Adenauer in Moskau. Erinnerungen eines Dolmetschers. Bonn, 1997. – S. 94–98.
27. Schmid C. Erinnerungen. Bern, München, Wien, 1979. – S. 575 f.
28. Keil R.-D. Mit Adenauer in Moskau. Erinnerungen eines Dolmetschers. Bonn, 1997. – S. 114–116.
29. Adenauer K. Erinnerungen. Bd. 2. 1953–1955. Stuttgart, 1966. – S. 544.
30. Keil R.-D. Mit Adenauer in Moskau. Erinnerungen eines Dolmetschers. Bonn, 1997. – S. 122.
31. Krekel M.W. Verhandlungen in Moskau. Adenauer, die deutsche Frage und die Rückkehr der Kriegsgefangenen. Bad Honnef-Rhöndorf, 1996. – S. 29.
32. Adenauer K. Erinnerungen. Bd. 2. 1953–1955. Stuttgart, 1966. – S. 545.
33. Adenauer K. Erinnerungen. Bd. 2. 1953–1955. Stuttgart, 1966. – S. 544–545.
34. Adenauer K. Erinnerungen. Bd. 2. 1953–1955. Stuttgart, 1966. – S. 548.
35. Keil R.-D. Mit Adenauer in Moskau. Erinnerungen eines Dolmetschers. Bonn, 1997. – S. 126–129.
36. Adenauer K. Erinnerungen. Bd. 2. 1953–1955. Stuttgart, 1966. – S. 549.
37. Keil R.-D. Mit Adenauer in Moskau. Erinnerungen eines Dolmetschers. Bonn, 1997. – S. 132–136.

38. Eckardt F. von. Ein unordentliches Leben. Lebenserinnerungen. Düsseldorf, Wien, 1967. – S. 400.
39. Poppinga A. Meine Erinnerungen an Konrad Adenauer. Stuttgart, 1970. – S. 245.
40. Poppinga A. Konrad Adenauer. Eine Chronik in Daten, Zitaten und Bildern. Mit einer Einführung von R. Morsey. Bergisch Gladbach, 1996. – S. 95.
41. Schwarz H.-P. Adenauer. Der Staatsmann 1952–1967. Stuttgart, 1991. – S. 218.
42. Adenauer K. Teegespräche 1950–1954. Berlin, 1984. – S. 260.
43. Adenauer K. Teegespräche 1950–1954. Berlin, 1984. – S. 298.
44. Adenauer K. Teegespräche 1961–1963. Berlin, 1992. – S. 539–540.
45. Adenauer K. Teegespräche 1961–1963. Berlin, 1992. – S. 243.
46. Poppinga A. Konrad Adenauer. Eine Chronik in Daten, Zitaten und Bildern. Mit einer Einführung von R. Morsey. Bergisch Gladbach, 1996. – S. 96–97.
47. Osterheld H. Ich gehe nicht leichten Herzens. Mainz, 1986. – S. 177, 186.
48. Adenauer K. Erinnerungen. Bd. 2. 1953–1955. Stuttgart, 1966. – S. 69.
49. Adenauer K. Teegespräche 1961–1963. Berlin, 1992. – S. 69.
50. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 14. Папка 14. Д. 208. Л. 120; «Правда», 14.09.1955; Визит канцлера Аденауэра в Москву, цит., с. 185.

А.М.Филитов

МОСКОВСКИЙ ВИЗИТ АДЕНАУЭРА 1955 г.

**Филитов Алексей Митрофанович –
доктор исторических наук, ведущий
научный сотрудник Института
всеобщей истории РАН.**

К середине 50-х годов прошлого века Федеративная Республика Германия для советской пропаганды и Советский Союз для официальной западногерманской пропаганды представляли собой по существу одно и то же – образ абсолютного зла. Со времени смерти Сталина в СССР, правда, кое-что изменилось: если ранее единственным «светлым пятном» в западногерманской действительности виделась «героическая» деятельность тамошних коммунистов (среди которых, тем не менее, беспрерывно выявлялись все новые «предатели и агенты»), то где-то с начала 1954 г. усилилось обхаживание некоммунистической (и даже антикоммунистической) оппозиции блоку ХДС/ХСС – в первую очередь социал-демократов.

Что не менялось и даже набрало силу, так это, мягко говоря, критическое отношение к личности и политике главы правительства ФРГ – канцлера Аденауэра. Тот, в свою очередь, не оставался в долгу: Советский Союз и его руководители в его высказываниях представляли в качестве смертельных врагов западной цивилизации, с которыми недопустимы никакие соглашения и компромиссы. Аденауэр с крайним раздражением реагировал на первые признаки разрядки международной напряженности; преступную слабость перед лицом «угрозы с Востока» он усматривал в политике французского правительства Мендес-Франса и британского кабинета Идена; зато ему вполне импонировала воинственная риторика американского госсекретаря Даллеса. Вступление ФРГ в НАТО в мае 1955 г., которое Аденауэр «пробил» вопреки сопротивлению оппозиции внутри страны и всякого рода суровым «предупреждениям» со стороны советского руководства, казалось, ликвидировало всякие возможности для диалога между Москвой и официальным Бонном. Действительность оказалась совсем иной: «реваншист» и «милитарист» получил вежливое приглашение посетить Москву, бескомпромиссный борец с «безбожным коммунизмом» его принял и в ходе

переговоров, имевших место в Москве 9–13 сентября 1955 г., была достигнута договоренность об установлении нормальных дипломатических отношений.

Чем были обусловлены эти изменения? Советская инициатива по установлению дипломатических отношений с ФРГ воспринималась мировой общественностью в контексте общей «дипломатии уступок», которую советское руководство стало проводить с весны 1955 г. СССР пошел на заключение Государственного договора с Австрией и вывод советских войск из Австрии, ликвидацию советской военной базы в Финляндии; делегация во главе с Хрущёвым отправилась в Белград мириться с Югославией, признав ответственность советской стороны за длившийся с 1948 г. конфликт с ней. Эти меры можно было бы назвать «выравниванием линии фронта»: отступление с не очень выгодных позиций позволяло консолидировать положение на «главных участках». В частности, особенно важно было добиться от Запада признания, хотя бы косвенного, сложившейся ситуации двугосударственности в Германии. Между тем многие на Западе поддались иллюзии того, что стоит на СССР еще «нажать» – и он «капитулирует» окончательно, в том числе и по германскому вопросу.

В июне 1955 г. в СССР приехала группа западногерманских журналистов, представлявшая широкий спектр СМИ – от консервативных до леволиберальных. Они достаточно свободно излагали свои взгляды советским собеседникам – главным образом, сотрудникам Всесоюзного общества по культурным связям с заграницей (ВОКС). И вот на какие их высказывания было обращено внимание в информации, посланной 15 июля 1955 г. в ЦК КПСС: «Признавая большую искусность, оперативность и инициативность советской внешней политики, журналисты... пытались охарактеризовать ее как не всегда последовательную и принципиальную. В качестве примера они пытались привести политику Советского Союза в отношении Югославии и Западной Германии. “Непоследовательное” приглашение Аденауэра в СССР после ратификации Парижских соглашений, по их словам, расценивается на Западе как успех политики “с позиции силы”... Все журналисты подчеркивали, что Аденауэр поедет в Москву только будучи уверенным, что сможет вести переговоры по основному вопросу – объединения Германии, так как в противном случае он потеряет свое значение не только внутри страны, но и во вне ее (т.е. в глазах Америки). Учитывая, что, по словам Церера и Кемпски (они представляли весьма авторитетные органы печати ФРГ – соответственно “Ди Вельт” и “Зюддейче цайтунг”. – А.Ф.), Аденауэр рассматривает воссоединение Германии как свою единственную и последнюю миссию в жизни; по их мнению, следует предположить, что он не может игнорировать возможность непосредственно говорить с СССР»¹.

1. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ), ф. 5, оп. 28, Д. 328, Лл. 124, 127.

Однако как раз тему объединения Германии на переговорах в Москве по существу проигнорировали – и советская сторона (что понятно), и западногерманская. Еще сильнее был шок, когда в результате московских переговоров оказалось, что Аденауэр по сути принял советскую точку зрения о том, что разногласия по германскому вопросу не должны служить препятствием для развития двусторонних отношений. Заместитель главного редактора «Правды» Ю. Жуков в своей посланной в МИД записке привел характерные высказывания хорошо информированного представителя югославского агентства ТАНЮГ Чулича: «Чулич сказал мне, что среди западных дипломатов в Москве царят раздражение и растерянность в связи с неожиданным для тех успешным завершением переговоров с Аденауэром. По его словам, Жокс (посол Франции в Москве. – А.Ф.) заявил ему вчера: “Это катастрофа для Аденауэра. Он потерпел страшное поражение”. Однако, сказал Чулич, было бы правильнее сказать, что это катастрофа для Болен (посол США. – А.Ф.), Хэйтера (посол Великобритании. – А.Ф.) и Жокса, которые односторонне и пристрастно информировали свои правительства о ходе переговоров, заверяя их, что Аденауэр ни за что не согласится на установление дипломатических отношений с СССР... Для Даллеса, сказал Чулич, это очень тяжелый удар, так как он считал Аденауэра самым верным своим союзником. Кроме того, это очень затруднит его позицию в Женеве, поскольку Аденауэр фактически согласился с разделом Германии и теперь будет трудно вести игру вокруг проблемы германского единства»².

В своих прогнозах ошибались не только западные дипломаты. В беседе с руководителями Международного отдела ЦК КПСС, состоявшейся 15 августа 1955 г. незадолго до приезда западногерманской правительственной делегации, руководитель Компартии Германии М. Рейман заявил: «Аденауэр не пойдет на создание официального дипломатического представительства ГФР в СССР. Он, по-видимому, согласится лишь на какую-либо неофициальную миссию или группу, которая бы представляла интересы ГФР в СССР, ибо учреждение официального дипломатического представительства в СССР неизбежно означало бы признание им ГДР, что Аденауэру невыгодно»³.

«Невыгодно» – это было, пожалуй, слишком мягко сказано. Речь шла об отказе от одной из основных установок официальной политики ФРГ, в которой не без основания усматривалось реваншистское, направленное на дестабилизацию европейского мира содержание. К сожалению, выдвинув вскоре «доктрину Халыштейна», согласно которой существование посольств двух немецких

2. Архив внешней политики РФ, ф. 082, оп. 43, д. 14, п. 303, лл. 86–87.

3. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ), ф. 5, оп. 28, д. 326, л. 186.

государств в Москве трактовалось как исключение, недопустимое в будущем ни для какой другой страны, правительство ФРГ сделало шаг назад и надолго заморозило ненормальное положение в Европе. Только при социал-либеральной коалиции Брандта-Шееля началась «разморозка». «Новую восточную политику», ставшую знаменем разрядки начала 70-х годов, можно, таким образом, считать по сути возвращением к тому компромиссу, на который вышли стороны в ходе московских переговоров (и, конечно, его развитием в новых условиях). Думается, этот момент следует особо подчеркнуть, поскольку он свидетельствует о том, что осознание императивов развития отношений между ФРГ и СССР (а ныне его правопреемником – Россией) не имело и не имеет сугубо партийной окраски.

Верно, что готовность Аденауэра на реалистический подход к германской проблеме и в Москве была весьма ограниченной. Он уже после окончания переговоров дал указание сочинить «письмо» в адрес Председателя Совета министров СССР Н.А. Булганина с изложением прежних позиций ФРГ – не-признание послевоенных границ и претензия на единоличное представительство. На пресс-конференции перед отлетом Аденауэр изложил содержание этого письма, которое, как он заявил, «в этот час вручается премьер-министру Булганину»⁴. На самом деле, конечно, ни в «этот час» (8 часов утра!), ни позже никакого акта вручения главе Советского правительства этого «письма» не имело места; по некоторым данным, оно было сдано под расписку в Управление делами Совмина, причем эта расписка затем вроде бы затерялась⁵. Впрочем, согласно экспертизе одного из участников делегации ФРГ юриста-международника В. Греше, речь шла об «одностороннем правовом акте, который не требует того, чтобы Советский Союз его официально принял». Греше добавил еще, что если советская сторона, тем не менее, «явным образом отвергнет эти оговорки, то они станут в правовом отношении недействительными»⁶. Как известно, 15 сентября ТАСС опубликовало заявление, в котором подтверждалась советская позиция: существуют два германских государства, вопрос о границах Германии решен Потсдамской конференцией. В этой связи немецкий историк В. Килиан, автор самого полного труда о московском визите Аденауэра, отмечает: «Обе оговорки с точки зрения международного права значили немного. Они остались, однако, жестом, показавшим, что федеральное правительство, находясь “в логове льва”, со всей ясностью выразило свои взгляды по поводу положения Германии и тем самым доказало свое совершеннолетие, что было важно с точки зрения внутренней политики»⁷.

4. Визит канцлера Аденауэра в Москву 8–14 сентября 1955 г. Документы и материалы / Отв. ред. Загорский А.В. – М., 2005. – С. 194.

5. Kilian W. Adenauers Reise nach Moskau. – Freiburg – Basel – Wien, 2005. – S. 163.

6. Там же.

7. Там же.

Впрочем, во всех «жестах» и во всем визите имелся еще один аспект, который как-то до сих пор ускользал от внимания комментаторов и исследователей. Думается, одним из мотивов Аденауэра в этой связи было желание продемонстрировать «совершеннолетие» ФРГ не только по внутривнутриполитическим, но и по внешнеполитическим соображениям – не только своему населению, электорату, дабы повысить свой рейтинг, но и своим новым союзникам. Тем более, что они почти сразу же после вступления ФРГ в НАТО нанесли Аденауэру жестокую обиду. Даже две.

Первая заключалась в том, что, когда 15 мая стал известен текст Государственного договора с Австрией, в нем обнаружились положения, согласно которым признавалась законность конфискации расположенных в Австрии так называемых «немецких активов» и более того – запрещалось предоставление какой-либо компенсации их прежним владельцам (за исключением «мелких собственников»). Это существенно затрагивало интересы крупных западногерманских фирм, которые, скажем осторожно, были далеко не безразличны правительству ФРГ. Урегулирование вопроса о бывшей «немецкой собственности в Австрии» крайне негативно оценивается и в современной германской историографии консервативного направления. «Правительство США изменило основному принципу западного правопорядка – принципу защиты частной собственности, и дезавуировало своего младшего партнера в Европе (т.е. ФРГ. – А.Ф.)», – пишет по этому поводу автор солидной монографии о послевоенных австро-западногерманских отношениях М. Пале⁸. В мае 1955 г. тон высказываний прессы ФРГ был еще резче. «То, что в австрийском Государственном договоре сказано по поводу немецкой собственности, означает с точки зрения права и морали не что иное, как чистый грабеж», – такое высказывание позволил себе Пауль Зете, журналист далеко не экстремистских взглядов, ставший одним из самых активных критиков прозападного курса Аденауэра⁹.

За ударом в экономической сфере последовал удар в сфере политики. Президент США Эйзенхауэр, а за ним и госсекретарь Даллес выразили позитивное отношение к идее «нейтральной зоны» в Европе, хотя вся пропаганда ФРГ в пользу НАТО строилась на постулате об устарелости понятия нейтралитета и неприменимости его в условиях, сложившихся в Германии. Реакция Аденауэра в описании одного из его биографов выглядела следующим образом: он «немедленно вызвал к себе в Бюлерхоэ (место, где бундесканцлер проводил

8. Pape M., *Krisen und Irritationen. Der Staatsvertrag in deutsch-österreichischen Verhältnis 1955–1959 // Der österreichische Staatsvertrag. Internationale Strategie, rechtliche Relevanz, nationale Identität* / Hg. A. Suppan, G. Sturz, W. Müller. – Wien, 2005. – S. 507.

9. *Ibid.*, S. 522.

свой отпуск. – А.Ф.) послов из Вашингтона, Лондона и Парижа; туда же прибыли Хальштейн, Бланкенхорн и генерал Адольф Хойзингер. 25 мая он провел с ними экстренное совещание, которое превратил в одну большую лекцию на тему глупости и предательской сущности этих янки... Он чувствовал, что его предали те, кого он раньше считал своими верными и надежными союзниками»¹⁰.

С точки зрения Аденауэра, было бы естественно «проучить» Запад, дать ему понять, что ФРГ – это не политический карлик, с которым можно поступать, как заблагорассудится Вашингтону, Лондону или Парижу, что новый западногерманский союзник – это отнюдь не сателлит. Уже на первую нанесенную ему «пощечину» (в виде решения о бывшей «германской собственности» в Австрии) бундесканцлер ответил нотой правительствам трех западных держав, в которой «указал, что он в своей внешней политике будет отныне принимать решения совершенно по-новому»¹¹. В числе этих новшеств оказалось как решение принять приглашение о поездке в Москву (которое он, правда, обговорил с новыми союзниками по НАТО), так и решение – уже в ходе визита – принять советское предложение об установлении дипломатических отношений (что он сделал без согласования с ними и, более того, вопреки ранее согласованной с ними позиции).

Советское руководство со своей стороны исходило в своих контактах с Аденауэром из традиционной для советской внешней политики заповеди об использовании «межимпериалистических противоречий» (впрочем, разве не есть это задача любой дипломатии – вскрывать и использовать различие интересов среди своих контрагентов, не обязательно даже противников?). В свое время на этой основе были установлены дипломатические отношения с Веймарской республикой. В условиях 1955 г. о «новом Рапалло», разумеется, речь не шла, но определенный рычаг для советской дипломатии в ее отношениях с ведущими державами НАТО нормализация отношений с их новым и младшим партнером, к тому же «обиженным», создавала. Таким образом, хотя ФРГ и СССР руководствовались разными мотивами, но цель у них была одинаковая.

В этом плане можно усомниться в том, насколько серьезным препятствием для обеих сторон был вопрос о репатриации военнопленных и прочих немецких граждан, обсуждение которого заняло большую часть времени переговоров и о котором больше всего написано и пишется. Не было ли здесь определенной «игры» с обеих сторон? Аденауэр вряд ли руководствовался исключительно

10. См.: Уильямс Ч. Аденауэр. Отец новой Германии. – М., 2002. – С. 494–495.

11. Jerabek R. Vermögensfragen im deutsch-österreichischen Verhältnis 1955–1957 // *Der österreichische Staatsvertrag*, S. 558.

гуманитарными мотивами: они ему ранее не помешали использовать все рычаги, в том числе и апелляцию к оккупационным властям, чтобы воспрепятствовать решению вопроса о репатриации через Красный Крест либо через контакты между советскими представителями и оппозицией. Кроме того, трудно предположить, чтобы глава правительства не знал того, в чем были уже почти уверены представители далеко не самых информированных кругов западногерманской общественности – а именно о том, что СССР уже готовится вот-вот репатриировать последних остававшихся еще в лагерях немецких военнопленных (соответствующее решение ЦК КПСС, датированное 14 июля 1955 г., было, конечно, секретным – и остается, как ни странно, засекреченным до сих пор, но с самого начала это был скорее секрет Полишинеля).

В этой связи следует очень осторожно отнестись к версии о том, что известное обещание Булганина отпустить «всех-всех» немцев, за которых ходатайствовал бундесканцлер, данное во время приема в Кремле 12 сентября, последовало якобы в результате того, что незадолго до этого Аденауэр телефонным звонком по открытой линии вызвал в Москву самолеты «Люфтганзы» и дал тем самым понять, что готов прервать переговоры и вернуться в Бонн. Во всяком случае упомянутый Вернер Килиан достаточно осторожен. «Не исключено, но маловероятно», – таков его вывод, который он делает исходя из простого расчета времени: даже если телефонный разговор Аденауэра действительно был предназначен для того, чтобы его перехватили советские службы подслушивания, информация о нем просто не могла столь быстро дойти до советского руководства и вызвать столь быстрый поворот в его позиции¹².

Однако есть и другое возможное объяснение пресловутого звонка. Расчет мог быть на то, что его перехватят *западные* спецслужбы и лишний раз убедятся в лояльности и твердости западногерманской делегации, верности ее ранее согласованной союзниками по НАТО линии на то, чтобы не устанавливать дипломатические отношения, а ограничиться лишь созданием неких «комиссий» для изучения имеющихся между СССР и ФРГ разногласий. На первый взгляд, такая интерпретация противоречит идее о том, что Аденауэр хотел «проучить» Запад за пренебрежение его интересами, однако это противоречие кажущееся.

Тонкость замысла Аденауэра состояла в том, чтобы практически до последнего дня переговоров поддерживать у западных союзников представление о том, что они окончатся ничем. Этим можно объяснить, в частности, неожиданную жесткую перепалку на заседаниях 13 сентября – уже после того, как Аденауэр получил обещание относительно осужденных военнопленных (проинформировал ли он об этом обещании западных послов в Москве – этот вопрос и сам

12. Kilian, Werner, *Adenauers Reise nach Moskau*, S. 163.

Аденауэр, и многочисленные хроникеры визита как-то обходят¹³). Тем сильнее был достигнутый эффект, когда оказалось, что представление о срыве – не более, чем миф.

Между прочим свой неожиданный (для западных дипломатов, да и всего внешнего мира) кульбит Аденауэр, ничтоже сумняшеся, объяснил тем, что он-де получил на него санкцию со стороны не кого иного, как президента США. Речь шла о телеграмме, которую канцлер действительно получил накануне последнего дня переговоров, где президент сообщал, что он поддержит «любые действия» главы западногерманского правительства на переговорах в Москве. Многие говорят за то, что под «любыми действиями» Эйзенхауэр имел в виду срыв переговоров, но никак не их окончание на основе компромисса. Однако прямо это не было сказано, и Аденауэр блестяще использовал это явное упущение американской дипломатии.

Если говорить о тактике и технике советских переговорщиков, то она объективно помогла Аденауэру в его хитроумном замысле введения в заблуждение союзников по НАТО. Трудно сказать, была ли эта помощь оказана сознательно, или все сложилось более или менее «стихийно». Во всяком случае, как освещение переговоров в советской печати, так и манера поведения советских представителей (особенно Хрущёва) на пленарных заседаниях, а также и в ходе встреч на более низком уровне поддерживали впечатление о непреодолимых разногласиях и неизбежном провале переговоров. Показная советская «жесткость» в вопросе о репатриации (притом, что, повторим, вопрос был решен еще в июле!) помогла Аденауэру отбить нападки критиков за то, что он так много «уступил» по германскому вопросу. Кстати сказать, такие уступки были сделаны им и в решении вопроса о репатриантах, В ноте ФРГ от 12 августа говорилось о лицах, «которые еще задерживаются в настоящее время на территории или в сфере влияния Советского Союза» (курсив мой. – А.Ф.). Таким образом, требовалось, чтобы СССР решал проблему не только за себя, но и за своих союзников, в том числе и за ГДР, тем самым признав их несамостоятельность! В ходе решающей беседы в Кремле бундесканцлер воздержался от упоминания

13. Обходится и напрашивающийся вопрос: почему самолеты «Люфтвафзы» не прибыли в Москву на следующий день – ведь телефонного звонка, отменяющего заказ, не последовало. Посол Р.А. Сергеев, бывший переводчиком советской делегации во время визита Аденауэра в Москву, высказывает предположение, что сказанные Аденауэром в этом телефонном разговоре фразы содержали какое-то кодовое слово или комбинацию слов, которые либо отменяли заказ, либо предусматривали дополнительное его подтверждение. По мнению Р.А. Сергеева, Аденауэр в своем поведении вынужден был учитывать тот факт, что в составе его делегации были фигуры крайне антисоветского и проамериканского толка и их надо было как-то «умиротворить». Вероятно, это довод имеет под собой определенные основания.

о «сфере влияния» СССР, отметив, что вопрос стоит в отношении «военнопленных и лиц, удерживаемых в Советском Союзе» – и только. Проблема отношений с другим германским государством была выведена за скобки.

С другой стороны, на заключительном этапе переговоров с советской стороны были сделаны существенные уступки, из которых кое-каких, пожалуй, можно было избежать. Так, западногерманской стороне удалось добиться от советских переговорщиков изъятия из заключительного документа формулировки о «немедленном» установлении дипломатических отношений. Аргументация была попросту надуманной: утверждалось, что этот вопрос может решить не правительство, а только парламент, что так, мол, записано в конституции. На самом деле, ничего подобного в Основном законе ФРГ не было, однако, как ни странно, наличие там соответствующего положения подтвердил не кто иной, как главный эксперт по германским делам в советском МИДе – В.С. Семенов. Трудно сказать, что здесь имело место, – нежелание обострять дискуссию или простая некомпетентность. Эту загадку, видимо, не решить уже никогда.

В историографии имеется тезис, согласно которому советская сторона могла бы сделать еще больше для повышения авторитета и международно-правового статуса своего союзника – Германской Демократической Республики. Имеется в виду, в частности, эпизод, когда министр иностранных дел ФРГ Г. фон Брентано предложил обсудить вопрос о репатриации военнопленных с участием представителей ГДР, на что советская сторона отреагировала весьма прохладно. На первый взгляд, принятие предложения Брентано действительно означало бы очевидное признание равноправного статуса двух германских государств, а вдобавок еще и реализацию старого лозунга СЕПГ «Немцы – за один стол», причем без участия западных держав, но зато в присутствии советского «арбитра». Но это только на первый взгляд. Во-первых, делегации ГДР, в случае ее прибытия для участия в переговорах по вопросу о немцах на территории СССР, пришлось бы либо поддерживать требования ФРГ и выступить таким образом оппонентом советской позиции, либо солидаризироваться с последней и подставить себя под обвинение в равнодушии к судьбам соотечественников. В обоих случаях выигрыш был бы у другой стороны. Во-вторых, если бы даже предположить, что делегации ГДР удалось бы сформулировать какую-то среднюю линию (например, в духе более позднего обращения президента Пика к советскому руководству), то вряд ли оно стало бы приемлемым для западногерманской стороны, дискуссия бы наверняка затянулась и скорее всего зашла бы в тупик. Вероятно, таков и был замысел Брентано, который представлял собой куда большего «ястреба», чем Аденауэр, и, видимо, не имел бы ничего против безрезультатного окончания переговоров.

Конечно, уступив инициативу в обнаружении договоренности о репатриации находившихся в СССР немецких граждан Аденауэру (он сделал это в

ходе упомянутой пресс-конференции утром 14 сентября, перед отлетом делегации ФРГ из Москвы), советская сторона обеспечила ему, говоря современным языком, отличный пиар. Бундесканцлер предстал перед мировой и немецкой общественностью как «спаситель немецких военнопленных». Лишь 29 сентября 1955 г. был опубликован датированный предыдущим днем Указ Президиума Верховного Совета СССР «О досрочном освобождении германских граждан, осужденных судебными органами СССР за совершенные ими преступления против народов Советского Союза в период войны». В нем содержалась ссылка на то, что соответствующее решение было вынесено, «принимая во внимание ходатайство Президента и Правительства Германской Демократической Республики от 27 июля с.г. и ходатайство Правительства Германской Федеральной Республики»¹⁴. Упоминание на первом месте ГДР должно было создать впечатление, что именно «рабоче-крестьянскому государству» принадлежит инициатива и главная заслуга в достижении соглашения по данному вопросу. Однако в условиях, когда об этом соглашении уже в течение двух недель с подачи Аденауэра трубила вся западная пресса, запоздалая попытка советской стороны противостоять этой пропаганде успеха иметь не могла.

Возможно, советское руководство решило выждать с обнародованием договоренности о репатриации до того момента, пока будет реализована договоренность об установлении дипломатических отношений, в частности, после того, как она будет одобрена боннским кабинетом и бундестагом. Между тем своевременная и даже опережающая информация советской стороны относительно достигнутого компромисса никак не могла бы помешать его позитивной оценке в Западной Германии и лишь усилила бы эту оценку и вдобавок помогла бы создать более сбалансированное представление о позиции всех заинтересованных сторон в данном вопросе и, соответственно, о заслугах каждой из них в его решении.

Уже после первого обмена нотами между СССР и ФРГ представители западногерманской оппозиции предупреждали советских собеседников о том, что советская инициатива, обращенная к Аденауэру, повысила авторитет последнего; в этой связи советской стороне предлагалось провести ожидавшееся освобождение «немецких военнопленных» таким образом, «чтобы одновременно нанести удар Аденауэру с тем, чтобы их возвращение в Германию... явилось бы не результатом политики с позиции силы, а демонстрацией политики доброй воли»¹⁵. Исходя из такой целеустановки, было бы логично объявить о репатри-

14. Визит Аденауэра..., с. 228.

15. Эти мысли высказал близкий к «свободным демократам» политик Дикфельд в беседе с представителем посольства СССР в ГДР Ковалевым. См.: РГАНИ, ф. 5, оп. 28, д. 128, л. 131.

ации остававшихся в СССР немецких граждан еще до начала визита Аденауэра; если бы этот акт был к тому же подан как ответ на просьбу ГДР, то тем самым было бы не только предотвращено дальнейшее повышение авторитета Аденауэра, но и был бы повышен авторитет немецкого «рабоче-крестьянского государства». Не ошиблось ли советское руководство, проигнорировав соображения такого рода?

Думается все же, что ошибки в данном случае не было. Лишив Аденауэра пропагандистского козыря, который создавала для него проблема «освобождения военнопленных», можно было оказаться перед неприятной перспективой: западногерманскому гостю пришлось бы, чтобы оправдать свою поездку в Москву, акцентировать тему «германского единства», что не соответствовало ни интересам советского руководства, ни самого Аденауэра. Результатом был бы скорее всего провал переговоров. Это была слишком высокая цена за пропагандистский выигрыш. Заслуга обеих сторон в московских переговорах заключалась как раз в четком осознании собственных приоритетов, границ свободы действий партнера и возможностей нахождения взаимовыгодного компромисса. Это был хороший урок для будущего. К сожалению, в дальнейшем и с советской, и с западногерманской стороны этот урок зачастую игнорировался. Но это уже другая история.

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Ю. В. Бельчич

ИНФОРМАЦИОННО-КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР «РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ»

Бельчич Юлия Викторовна –
кандидат исторических наук,
главный специалист Российского
государственного архива экономики.

Информационно-культурный центр «Русская эмиграция» был создан в 1998 г. при поддержке комиссии по культуре Законодательного собрания СПб. Центр возглавила кандидат биологических наук Чернышева М.Д. Основную часть его коллектива составили преподаватели Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств и работники ведущих библиотек города, решившие начать свою деятельность с выпуска справочника об организациях Санкт-Петербурга, которые занимаются изучением русской эмиграции. Составители справочника постарались включить в него максимум информации – телефоны, адреса организаций, темы исследований и фамилии их авторов.

Следующим мероприятием стала международная конференция «Зарубежная Россия», организованная в 1999 г. совместно с Пушкинским домом и Институтом истории РАН. В ее рамках был проведен «круглый стол» – «Информационные проблемы изучения русской эмиграции», положивший начало контактам Центра с московскими архивами, библиотеками,

Фондом Солженицына и пражским архивом.

К празднованию 300-летия Санкт-Петербурга Центр получил грант от Фонда Сороса на создание сайта «Петербург глазами эмигрантов». В том же году по инициативе Фонда Солженицына был подготовлен указатель «Русские в Англии», предназначенный для конференции, проведенной Библиотекой-Фондом «Русское зарубежье».

Осенью 2000 г. Центр принял участие в совместном российско-французском проекте, посвященном Е.Ю. Кузьминой-Караваевой (Матери Марии). Из-за финансовых трудностей проект не был реализован полностью, однако Центру все же удалось издать библиографический указатель трудов самой Е.Ю. Кузьминой-Караваевой и литературы о ней.

Параллельно группа сотрудников Центра начала работу над библиографическим указателем «Русские в Финляндии», который продолжит серию «Русский мир», основанную после издания указателя «Русские в Англии». При поддержке Университета культуры и искусств осенью 2003 г. Центром была организована международная конференция «Русские в Финляндии».

В 2002 г. Центр приступил к изданию информационно-аналитического альманаха «Берега», на сегодняшний день выпущено его пять номеров.

В том же году начинается работа на CD-ROM о русских сезонах С.П. Дягилева, а в 2004 г. прошла его успешная презентация в Мемориальной библиотеке Голицына. В 2005 г. на Дягилевском фестивале в Перми диск был отмечен жюри и получил приз. В дальнейшем планируется издание библио-

графического указателя о С.П.Дягилеве.

В 2004 г. Центр заключил договор со Славянской библиотекой в Праге, который предусматривает обмен сотрудниками, совместные издания и проведение «круглого стола». Речь идет об исследовании личных библиотек эмигрантов, находящихся в пражской библиотеке.

Особый интерес сотрудников Центра вызывают правовые проблемы русской эмиграции. Несмотря на актуальность проблемы, она изучена сегодня крайне слабо. Первым шагом в привлечении к ней внимания стала состоявшаяся осенью 2005 г. конференция по правовым проблемам эмиграции, в ходе которой были рассмотрены общие вопросы правового положения эмигрантов из России в 1920–1930 гг., положение их отдельных социальных групп, региональные особенности в решении беженского вопроса и источники изучения данной проблематики. Надо отметить, что законодательная практика и реальное положение бывших российских подданных в разных странах существенно различались между собой.

Первоначально урегулирование правовых вопросов, связанных с пребыванием «лиц русского происхождения», осуществлялось странами-реципиентами самостоятельно, но постепенно возникали проблемы и самого общего для всех стран характера. Становилось очевидным, что вопросы юридического статуса россиян-апатридов могут быть решены только с учетом международного права, приоритет в разработке норм которого принадлежал Лиге Наций. Проблемы формирования между-

народного режима по делам беженцев, введения нансеновских паспортов для россиян-апатридов, обеспечение им правовой защиты и законного права на труд, проживание и передвижение наравне с подданными государств-реципиентов были подробно изложены в докладе З.С. Бочаровой (МГУ).

Российские эмигранты обладали меньшим объемом прав и свобод, нежели граждане стран пребывания, они были лишены и дипломатической защиты. Ситуация для многих из них осложнялась из-за отсутствия документов, удостоверяющих личность эмигранта, его образование и т.д. Возникла необходимость в организации эмигрантских центров, способных решать правовые вопросы на местах.

В докладах Е.М. Мироновой (Институт всеобщей истории РАН), М.Г. Гришунькиной (РГГУ, Москва) анализировалась правовая база дипломатической системы русского зарубежья, роль русских общественных организаций и профессиональных объединений юристов в организации правовой защиты российской эмиграции, процессы ее социально-экономической и культурной адаптации в 20–30-е годы.

Участники конференции заслушали также доклады, посвященные правовым аспектам деятельности русских зодчих за рубежом (С.С. Левашко, НИИ теории архитектуры и градостроительства, СПб), проблемам права и трудоустройства русских сестер милосердия во Франции (Л.А. Мнухин, Дом-музей М. Цветаевой, Москва), служащих КВЖД (И.К. Капран, ДВГУ, Владивосток), причинам невостребованности знаний российских специалистов (А.В. Квакин, МГУ).

Адаптации русских на чужбине во многом способствовала церковь. О канонических, церковно-административных и правовых основах ее деятельности за рубежом подробно рассказал А.В. Попов (РГГУ, Москва).

Некоторые докладчики уделяли внимание проблемам правового положения наших соотечественников в Болгарии (докладчики Цветана Кыосева и Лилия Цветкова, Болгария), в Германии (Е.И. Белова, Ун-т экономики и финансов, СПб), Китае (Е.Е. Аурилене, Хабаровский пограничный институт ФСБ РФ, Хабаровск), Харбине (Н.В. Гончарова, Выборг. Филиал РГПУ), Польше (Т.М. Симонова, Ин-т военной истории МО РФ Москва), США (Т.И. Ульянкина, ИИЕТ, РАН, Москва), Чехословакии (Е.П. Серапионова, Ин-т славяноведения, Москва), Эстонии (А.А. Иванов, ФГУ МГУ). Тема нашла продолжение в докладах о положении русских эмигрантов в странах Латинской Америки в 20–30-х годах и советских граждан в Западной Европе после Второй мировой войны (докладчики М.Н. Мосейкина, РУДН, Москва и Андрей Янко, Чикаго, США). Сравнительный анализ правового положения российских беженцев в Европе был сделан в докладе И.В. Сабенниковой (ВНИИ документоведения и архивного дела, Москва).

Предметом обстоятельного разговора стали источники изучения правового положения российской эмиграции. В докладе Л.И. Петрушевой (ГАРФ, Москва) было показано исключительное важное значение документов собрания Пражской коллекции Государственного архива РФ, которые располагают информацией о деятельности россий-

ских дипломатических и общественных эмигрантских организаций, направленной против политики правовой дискриминации по отношению к русским беженцам в странах-реципиентах, о мерах международных организаций по урегулированию «русского вопроса». Кроме того, документы дают представление об оказании правовой помощи нашим соотечественникам Земско-городскими объединениями и их представителями в странах русского рассеяния, комитетами по делам русских беженцев, организациями профессиональных юристов-эмигрантов, Российским обществом Красного Креста.

Трудно переоценить фактический материал по истории зарубежной России, содержащийся в личных фондах наших соотечественников, которые хранятся в других российских архивах. Обзор документов личных фондов геолога, ученого с мировым именем – Э.Э. Анерта, теоретика в области сельскохозяйственной экономики – А.Н. Челинцева, инженера-конструктора, принимавшего участие в создании французского морского лайнера «Нормандия», совершавшего трансатлантические рейсы, – В.И. Юркевича позволил Ю.В. Бельчич (РГАЭ, Москва) ярче представить картину правовой, социальной и культурной адаптации этих незаурядных людей, в силу разных причин вынужденно покинувших Родину, оценить их вклад в развитие науки, техники и экономики стран их пребывания.

Из доклада Н.В. Рыжак (РГБ, Москва) о правовом положении русских беженцев, построенного на материалах газеты «Возрождение», стала очевидна роль средств массовой информации в

освещении тематики конференции. Подводя итоги ее работы, М.Д. Чернышева отметила, что выступление участников обрисовали общие проблемы в правовом поле, с которыми столкнулись эмигранты из России, пути становления норм международного права в отношении к ним, а также проблемы адаптации бывших граждан Российской империи, оказавшихся без ее юридической защиты.

В дальнейшем Центр планирует продолжить серию «Русский мир» и начать собирать материал на тему «Русские в Польше» и «Русские в Скандинавии». Речь идет также о создании специализированной библиотеки по русскому зарубежью. Уже заключен договор с отделом русского зарубежья РГБ о передаче Центру дублетных изданий.

Ю. М. Хильчевский

ЦЕНТР-МУЗЕЙ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ

**Хильчевский Юрий Михайлович –
Чрезвычайный и полномочный
посол, руководитель Центра.**

11 сентября 2006 г. исполняется ровно пять лет со дня открытия в здании МИДа на Смоленской площади экспозиции Центра истории российской дипломатической службы (в повседневной практике именуемого музеем). Создание этого Центра воплотило в жизнь идею, давно вынашиваемую как ветеранами дипломатической службы, так и ее молодыми представителями. И не случайно она нашла активную поддержку тогдашнего министра иностранных дел России Е. Примакова и его преемников на этом посту, поскольку богатейший исторический опыт и во многом уникальный инструментарий, накопленные в течение столетий дипломатией России, имеют непреходящее значение для совершенствования профессионального мастерства наших дипломатов и их воспитания в традициях патриотизма и верности гражданскому долгу.

Время создания Центра-музея было приурочено к знаменательной дате – 200-летию Министерства иностранных дел России. Сегодня, когда Россия, преодолевая колоссальные трудности,

вступила в XXI в., в котором она, без сомнения, займет подобающее ее потенциалу место, представляется весьма своевременным оглянуться на прошлое российской дипломатии, вспомнить о ее успехах и неудачах, задуматься над ее духовным и профессиональным наследием. Показательно, что этими возможностями за истекшие годы воспользовались около 10 тыс. посетителей Центра, прежде всего сотрудники самого Министерства, слушатели Дипломатической академии, студенты МГИМО(У), МГУ и других московских и периферийных профильных вузов страны, а также многие гости МИДа из разных регионов и иностранных государств. Центр посетили практически все аккредитованные в Москве послы и сотрудники посольств, различные делегации, представители российских и зарубежных СМИ.

В Центре регулярно проводятся обзорные и тематические экскурсии для посетителей (при необходимости на английском и французском языках), организуются выставки и презентации книг, написанных нашими дипломатами, отмечаются памятные даты в двусторонних отношениях с другими государствами и деятельности выдающихся российских и советских дипломатов.

О растущем интересе к фактически пока единственному в мире Центру истории дипломатической службы говорят многочисленные обращения посольств Норвегии, Австрии, Бельгии, Китая, Кубы и США с просьбой получить рекомендации для организации аналогичных музеев (так, инициативная группа из США намерена открыть такой музей в Вашингтоне уже в

2007 г., причем, в отличие от нашего Центра, деятельность американского музея будет строиться на сугубо коммерческих началах).

Экспозиция Центра, собранная сотрудниками МИДа при содействии ряда музейных и архивных организаций, размещена в восьми залах и насчитывает более 8 тыс. документов. Она сформирована на основе архивных материалов, частных коллекций ветеранов дипслужбы, мемуаров, фотоматериалов и памятных подарков. В залах помещены специальные кассетники, которые содержат различные документы – от личной переписки и шифртелеграмм послов до официальных нот, меморандумов и докладных записок. Эти материалы доступны как для исследователей, так и для профессиональных дипломатов. В них освещаются различные этапы развития российской дипломатии, передается подлинная атмосфера каждой эпохи и история дипслужбы через судьбы отдельных личностей, неразрывно связанных с историей России.

Сама экспозиция выстроена по историческому принципу: свой рассказ она ведет начиная с первых дипломатических шагов Киевской Руси в IX–X вв. создания Посольского приказа и Коллегии иностранных дел в XVI–XVIII вв., основных дипломатических акций в XIX в. Завершают экспозицию материалы о деятельности дипломатии России на рубеже XX и XXI столетий.

Поскольку далеко не все желающие могут посетить наш Центр в силу естественных режимных ограничений, видимо, будет уместным хотя бы вкратце рассказать о содержании экспозиции.

История дипломатии на Руси насчитывает более тысячелетия. Еще в 944–945 гг. князь Игорь добился заключения фактически первого международного письменного договора Киевской Руси с Византией о мире, дружбе и военном союзе, где князь Игорь был титулован как «великий князь русский». В XV в. было образовано Русское централизованное государство, руководство внешней политикой которого сосредоточилось в руках московского князя Ивана III. Московия уже в этот период поддерживала регулярные дипломатические отношения с двумя десятками иностранных государств. Но более знаковым для русской дипломатии стало решение царя Ивана IV Грозного образовать в 1549 г. специальное внешнеполитическое ведомство – Посольский приказ. Первым главой приказа, размещавшегося на территории Кремля, был назначен дьяк Иван Висковатый, проявивший себя как блестящий дипломат. К сожалению, его жизнь оборвалась трагически: в годы опричнины он был казнен на Лобном месте на Красной площади.

Посольский приказ, образно названный одним из его руководителей А. Ордын-Нащокиным «оком всей великой России», просуществовал почти 200 лет до 1720 г., когда Петр I заменил его на Коллегию иностранных дел (КИД). В царском указе по поводу деятельности новой структуры говорилось: «К делам Коллегии допускать людей добрых и честных, чтоб дыряво не было и в том крепко смотреть». Дипломатическая служба при Петре I стала государственной, высокой по значению и положению, расширился круг государств, с которыми Россия установила

дипломатические отношения. С конца XVII столетия стала создаваться и сеть дипломатических представительств России за рубежом.

Особая глава в истории внешней политики России – правление Екатерины II, отмеченное заметным ростом авторитета страны в Европе, крупными успехами в обеспечении ее национальных интересов и появлением целой плеяды блестящих дипломатов. Среди них – Н.И. Панин, А.А. Безбородко, А.М. и Д.М. Голицыны, А.М. Обресков и др. Указами Екатерины II были развиты и дополнены функции Коллегии, положения о статусе ее служащих. В частности, представляют интерес указ «О соблюдении чиновниками КИД тайны и посещении домов иностранных представителей в России только по делам службы», а также запрет дипломатам владеть какой-либо недвижимостью на территории иностранных государств (видимо, первичная форма борьбы с коррупцией?). Обо всех этих деталях говорят документы, выставленные на стендах и в специальных кассетниках в залах. Вообще же представленные документы являются, образно говоря, песчинками в море материалов – архивов МИДа РФ, насчитывающих сотни тысяч единиц хранения.

В соответствии с манифестом Александра I была осуществлена реформа центрального управления российским государством, в ходе которой 2 сентября 1802 г. было создано Министерство иностранных дел. В законодательном акте по этому поводу утверждалось: «МИД имеет предметом политические отношения с иностранными государствами, ходатайство о законной

защите российских подданных в чужих краях и содействие к удовлетворению справедливых домогательств иностранцев к делам их в России».

В XVIII–XIX вв. на службе во внешнеполитическом ведомстве состояли многие известные деятели отечественной культуры: А.Д. Кантемир, Д.И. Фонвизин, А.С. Пушкин, В.К. Кюхельбекер, К.Н. Батюшков, А.С. Грибоедов, Ф.И. Тютчев. Все они – кто кратко, а кто и длительное время – находились в штате МИДа, подтверждением чему служат экспонируемые документы с личными пометками упомянутых литераторов и общественных деятелей. Следует отметить, что эта традиция – органичного единения дипломатии и культуры – сохраняется и поныне. Сегодня в МИДе работают немало людей, любящих и знающих поэзию, здесь ежегодно проводятся вечера поэзии, выходят в свет сборники стихов, написанных сотрудниками министерства, в числе которых нельзя не назвать и С.В. Лаврова, министра иностранных дел.

Значительное место в экспозиции Центра по праву занимают материалы, посвященные выдающемуся русскому дипломату князю А.М. Горчакову. Заняв пост министра иностранных дел, а затем, в 1856 г., государственного канцлера, А. Горчаков после серьезного поражения России в Крымской войне на протяжении четверти века последовательно проводил внешнюю политику, позволившую восстановить ведущую роль России в решении мировых проблем. В историю дипломатии он вошел, в частности, и знаменитой фразой из циркулярной депеши русским послам: «Говорят, что Россия сердит-

ся. Нет, Россия не сердится, она сосредоточивается».

На следующих стендах представлены документы и фотоматериалы о первых внешнеполитических шагах советской дипломатии. Особый интерес среди них вызывают сюжеты, связанные с деятельностью народного комиссара по иностранным делам Г.В. Чичерина, талантливого и разносторонне эрудированного человека, на чью долю выпал самый сложный период в процессе формирования внешней политики нового государства. Документы о прорыве дипломатической блокады Советской России, и прежде всего Раппальский договор с Германией, итоги Генуэзской конференции, деятельность в поддержку усилий по разоружению в Лиге Наций достаточно убедительно свидетельствуют об активной дипломатической борьбе Советского Союза в условиях нарастающей угрозы мировой войны.

Вместе с тем в течение этих лет НКВД, как и другие госучреждения, подвергался суровым репрессиям, жертвами которых стали многие ведущие дипломаты. Загранпредставительства опустели, в 1939 г. нарком Литвинов был вынужден доложить Сталину, что места послов в девяти ведущих странах вакантны более года из-за отъезда и исчезновения лиц, занимавших эти посты. Сходная картина сложилась и в центральном аппарате, о чем говорят имена, помещенные в «Книге памяти».

Документы и экспонаты зала, посвященные дипслужбе СССР накануне и в период Второй мировой войны, рассказывают о сложных дискуссиях по поводу дальнейшего внешнеполитического курса страны. Позиция наркома М.Литвинова, ориентированная на союз

с Великобританией и Францией, была отвергнута с учетом бесперспективности данного направления в то время. Назначение на этот пост главы правительства В.М. Молотова предопределялось и подписанием так называемого «Пакта о ненападении» между СССР и Германией в августе 1939 г. Как бы к этому договору ни относиться, следует признать, что он обеспечил почти два года мирной жизни для нашей страны, столь важных в преддверии войны.

Новые нелегкие задачи по созданию антигитлеровской коалиции, налаживанию эффективного сотрудничества с союзниками, выработке программы послевоенного устройства, вставшие в военные годы перед советской дипломатией, убедительно опровергают расхожий тезис о том, что, «когда говорят пушки, дипломаты молчат». Относительно небольшой аппарат МИДа (552 человека) в годы войны обеспечивал повседневную работу по организации встреч «Большой тройки» и интенсивной переписки между ними, подготовке документов для решения конференций в Тегеране, Ялте и Потсдаме. Выполняя свой профессиональный долг, сотрудники НКВД СССР непосредственно участвовали в боях за оборону Москвы, собирали в посольствах деньги и ценности на строительство танков и т.д.

Много усилий приложила советская дипломатия и для создания вместо Лиги Наций новой международной организации безопасности, в результате чего появилась ООН.

В послевоенный период истории внешнеполитической службы СССР существенно расширился объем работы НКВД, который в 1946 г. был

преобразован в МИД. Главными задачами на этом этапе было закрепить итоги войны в политико-дипломатическом отношении, гарантировать безопасность страны и обеспечить ее национальные интересы. Наряду с открытием новых или восстановлением ранее действующих загранучреждений, а к 1946 г. Советский Союз поддерживал дипломатические отношения уже с 50 странами, МИД занимался вопросами послевоенного урегулирования с Германией и ее бывшими союзниками, первым признал КНР и независимую Индию, участвовал в разрешении конфликтов в Индокитае, проводил курс на более тесное сотрудничество с развивающимся миром. По инициативе советской дипломатии Генеральная Ассамблея ООН приняла в 1960 г. историческую Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам, что позволило за один год обрести независимость 17 африканским государствам. Эти события находят свое отражение в экспонируемых документах и фотографиях.

Выступления советской дипломатии в пользу ограничения гонки вооружений и нераспространения ядерного оружия привели в 60–70-е годы к подписанию соответствующих договоров и договоренностей по проблемам разоружения, до сих пор являющихся важными составляющими международной стабильности. Диалог между Востоком и Западом развивался в основном в русле общеевропейского процесса до того периода, когда драматические события вокруг Афганистана нанесли значительный удар по разрядке международной напряженности.

Тем не менее несмотря на сложность и противоречивость внутренней и меж-

дународной обстановки, за эти годы Советскому Союзу удалось выйти на мировую арену в качестве великой державы, полновесно участвовать в решении основных мировых проблем. Возросла роль МИДа в формировании внешнеполитического курса страны, еще более усилившаяся после назначения в 1957 г. министром иностранных дел А.А. Громыко, высокопрофессионального дипломата, возглавлявшего министерство в течение 28 лет. (Портрет, личные вещи А. Громыко, как и портреты всех министров иностранных дел России за 200 лет, размещены на стендах.) Интересны и другие фотографии встреч и дипломатических приемов, в частности, фотографии дипломатической династии – выдающихся послов А.А. и О.А. Трояновских.

В целом же 1949–1991 гг. в деятельности МИДа были отмечены как взлетами и безусловными дипломатическими достижениями, так и рядом неудач. Несмотря на это, МИД можно охарактеризовать как одну из самых устойчивых и динамичных государственных структур. За последние годы значительно обновлена сама дипломатическая служба, привлечены на работу новые кадры (ежегодно аппарат министерства пополняется примерно на 170–180 молодых специалистов).

Распад СССР и кардинальные изменения, произошедшие в России, потребовали серьезной реорганизации структуры внешнеполитического ведомства. Президентом В.В. Путиным была утверждена новая редакция «Концепции внешней политики России», ориентирующая МИД на создание вокруг России стабильной безопасной обстановки, которая позволила бы мак-

симально сконцентрироваться на решении социально-экономических задач. Указ Президента РФ о координирующей роли МИДа в проведении единой внешнеполитической линии преследует именно эти цели, тем более актуальные в этом году, когда Россия председательствует в «Большой восьмерке».

Действия российской дипломатии в последние годы естественно требуют более длительной временной дистанции для всесторонней и объективной оценки. Время для такого анализа с позиций исторической целесообразности и практических результатов вряд ли уже наступило. Но потенциал российского МИДа вполне соразмерен с масштабами стоящих перед нашей дипломатией задач. В аппарате министерства и его загранучреждений – 140 посольствах, 12 представительствах при международных организациях и 80 консульских учреждениях – работают более 4 тыс. дипломатических, свыше 6 тыс. административно-технических сотрудников. Эволюция масштабов российских диппредставительств за рубежом и иностранных в Москве за 200 лет существования МИДа отражена в экспозиции.

В небольшом зале расположены стенды, на которых размещены материалы о деятельности МИДа по подготовке дипломатических кадров, в первую очередь по линии МГИМО и Дипломатической академии, где открыты своеобразные филиалы Центра – музеи об их истории.

В системе МИДа функционирует практически уникальная организация – Главное управление по обслуживанию дипломатического корпуса. Объем его услуг по обеспечению необходимых

условий для работы в Москве иностранных представительств постоянно расширяется, о чем говорят данные, представленные на отдельном стенде.

В шкафах и витринах Центра представлены подарки МИДу от иностранных государств и политических деятелей, в том числе ювелирные работы и картины, карта мира, выполненная из полудрагоценных камней, хрустальная ваза от дуайена дипломатического корпуса в Москве, памятные медали и т.п. Привлекает внимание памятная медаль, посвященная А.М. Горчакову, и икона, подаренная Алексием II во время посещения Центра.

На отдельном стенде находятся книги (мемуары, учебные пособия), написанные российскими дипломатами, а также публикации и другие информационные материалы, выходящие под эгидой МИДа. На стенде помещен также текст Указа Президента РФ о ежегодном праздновании 10 февраля профессионального праздника – Дня дипломата России.

Таким образом, в залах Центра есть над чем поразмышлять, есть чему и поучиться. Дипломатия эффективна и профессиональна тогда, когда она, принимая во внимание новые реалии, опирается на проверенную историческим опытом надежную базу традиций и ценностей, когда за понятиями государственность и гражданственность стоит прочная связь времен.

Своей повседневной работой мы пытаемся помочь тем, кто серьезно интересуется историей российской внешней политики, стремится лучше понять ее современное содержание. На эти цели и направлены запланированные в Центре различные мероприятия.

В. Л. Кушпель

О МУЗЕЕ ИСТОРИИ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ МИД РФ

Кушпель Валерий Леонидович –
заместитель директора Историко-
документального департамента
МИД РФ.

Музей истории Дипломатической академии был создан в 2002 г., когда российское внешнеполитическое ведомство отмечало свой 200-летний юбилей. Сегодня Музей является филиалом Центра истории российской дипломатической службы Министерства иностранных дел. Размещенная в 16 витринах экспозиция Музея отражает процесс становления системы подготовки дипломатических кадров после 1917 г.

Прежний императорский МИД не имел учебного заведения, специализирующегося в этой сфере, однако попытки учредить его предпринимались неоднократно. Так, еще в 1801 г. был издан указ за подписью Александра I о создании при Коллегии иностранных дел «дипломатического училища». Как писал товарищ Министра иностранных дел князь А.А. Чарторыйский Министру просвещения графу П.В. Завадскому «По предначертанному о сем заведении плану предполагается, чтобы поступающие в оное закончили свое учение в каком-либо университете и чтоб (сверх языков российского, французского и немецкого) приобрели пред-

варительные знания во всех нужных по политической части науках, дабы тем успешнее усовершенствоваться в оных в заводимом при Коллегии училище».

Эти предварительные знания должны были включать изучение «частной истории всех главнейших Государств», изучение «естественного общего публичного и общего народного права, римского гражданского права, публичного права Германской империи». Молодые люди должны были пройти курсы «управления государств, всеобщей статистики и политической экономии», проявить осведомленность в области «изящных наук и художеств».

Эти «прописанные науки без изъятия и со всевозможной точностью» составили учебный план училища. И тот юноша, «который по надлежащем испытании не оказался довольно сведущим в сих науках», в Коллегию иностранных дел «определен не будет».

Однако указ Императора так и не был реализован, и все замыслы остались лишь на бумаге, причиной чему, вероятнее всего, послужила нехватка финансовых ресурсов.

В начале XX в., по данным 1913 г., МИД России на 15% был укомплектован выходцами из аристократических кругов. Аналогичная картина сложилась и в загранпредставительствах. Естественно, Наркомат по иностранным делам Советской России не мог опереться на прежнее министерство. Лишь несколько десятков его сотрудников согласились работать в НКВД и еще меньше в посольствах и миссиях за рубежом.

В экспозиции музея собраны документы, отражающие начальный этап

подготовки дипломатических кадров младшего звена. 5 мая 1920 г. нарком Г.В. Чичерин направляет письмо председателю СНК В.И. Ленину, в котором, в частности, отмечается: «Мы теперь стали заниматься политическим воспитанием молодых сил, организуем курсы...».

Параллельно НКИД использует возможности существовавших высших учебных заведений, профиль которых отвечал потребностям внешнеполитического ведомства. Несомненный интерес в этой связи представляет документ учетно-распределительного отдела НКИДа, предназначенный ректору Института востоковедения им. Нариманова, где выражалась просьба присвоить шести выделенным НКИДом стипендиям имени сотрудников Наркомата, погибших при исполнении служебного долга, в том числе Т. Нетто, П. Войкова, В. Воровского.

На этом же стенде можно ознакомиться с замечаниями наркома Г.Чичерина по проекту тезисов о подготовительных курсах НКИДа и НКВТ (1921). В них указывается, что «Специальное высшее учебное заведение для советских посланников есть дело будущего. Наши же курсы преследуют более скромную цель: подготовку того квалифицированного подсобного персонала, в котором мы ощущаем крайнюю нужду». Архивные документы показывают, что с организации курсов начался достаточно длительный и сложный период поиска таких форм подготовки кадров для дипломатической службы, которые обеспечили бы обучение специалистов в «самые короткие сроки», что диктовалось требованиями наступившей эпохи. С середи-

ны 20-х годов рабочие выдвиженцы от московских предприятий направлялись в НКИД по рекомендации МК РКП(б). В записке отдела кадров НКИДа о выдвиженцах за 1930 г., имеющейся в Музее, говорилось: «К настоящему времени с достаточной ясностью выявилось, что выдвижение на практику в НКИД себя полностью оправдало. Мы имеем ряд фигур среди выдвиженцев, переросших в крупных работников... Недостаток специальной подготовки достаточно компенсируется твердостью рабочей психологии и производственной закалкой». План работы с выдвиженцами, разработанный в 1930 г. предусматривал, в частности, заочное обучение этой категории сотрудников по специальной программе на курсах при МГУ. Вопросы работы и учебы выдвиженцев регулярно обсуждались на коллегиях НКИДа, и, несмотря на трудности организационного и учебно-методического порядка, курсы в определенной мере обеспечили подготовку дипломатических кадров.

К началу 30-х годов СССР был уже довольно глубоко вовлечен в систему международных отношений. Большинство стран признало Советский Союз, и число советских загранпредставительств соответственно резко возросло. В этих условиях задача системного подхода к подготовке квалифицированных кадров становится особо актуальной. 10 января 1934 г. Коллегия НКИДа уже рассматривает вопрос о целесообразности «создания при НКИДе Института для подготовки дипломатических и консульских работников с двухлетним сроком обучения».

По своей организационной структуре и учебному плану Институт созда-

вался как специальное ведомственное учебное заведение применительно к потребностям НКИДа. Обосновывая необходимость в такого рода учебном заведении, Наркомат в докладной записке ЦК ВКП(б) от 14 января 1934 г. отмечал: «До последнего времени одним из источников комплектования кадров среднего и ответственного звена работников НКИДа являлись Курсы дипломатических работников, периодически организуемые при Наркомате. Однако, как показал опыт истекших лет, этот метод подготовки работников нужной для Наркомата квалификации не мог удовлетворить полностью всем требованиям, которые предъявлялись к ним, особенно в отношении овладения иностранными языками и специальными дисциплинами».

29 июля 1934 г. решением Оргбюро ЦК ВКП(б) был создан Институт для подготовки дипломатических и консульских работников при НКИДе СССР. Этот документ в музейной коллекции завершает раздел о качественно новом подходе к подготовке кадров с учетом растущих потребностей Наркомата в высококвалифицированных специалистах.

Создание Института стало знаковым событием, отражающим важность системного подхода к подготовке дипломатических кадров для советского внешнеполитического ведомства. Ежегодный набор слушателей в Институт был установлен в количестве 40 человек. В него принимали членов ВКП(б) в возрасте от 25 до 32 лет с партийным стажем не менее пяти лет, с законченным высшим образованием «с предварительным испытанием в объеме вуза». Предпочтение при этом от-

давалось лицам, имеющим опыт «ответственной партийной, советской и комсомольской работы», а также знающим иностранные языки. 21 августа 1934 г. был объявлен прием заявлений для поступления в Институт, о чем сообщалось в центральных газетах – в «Правде» и «Известиях». На 40 мест поступило более 600 заявлений.

Несмотря на широкие возможности отбора абитуриентов, Наркомат столкнулся с большими трудностями. Начальник управления делами НКИДа Туманов в служебной записке от 8 октября 1934 г. на имя наркома М. Литвинова обращал внимание на низкий уровень подготовки претендентов, имеющих высшее образование: «Культурное развитие недостаточно, крайне низкая грамотность, незнание элементарных, буквально крупнейших событий истории, литературы. Многие из испытуемых не слыхали о таких классиках, как Данте, Гёте, Шекспир; не отвечали на вопросы, кто такой Марат, Кромвель, Робеспьер. Один из испытуемых прямо заявил, что не читал Ленина. Подавляющая часть прошедших испытание элементарно не знает географической карты». Жесткий отбор – испытание выдержали лишь 12 абитуриентов – позволил принять в Институт хорошо подготовленных слушателей.

Среди окончивших Институт в 1936/37 уч. г. немало выпускников, ставших в дальнейшем видными советскими дипломатами, среди которых Я.А. Малик, Ф.Т. Гусев, Б.Ф. Подцероб, Ф.Ф. Молочков, Г.М. Пушкин и др.

В сложный период второй половины 30-х годов в жизни страны (репрессии и нарастание военной угрозы) система подготовки кадров претерпела

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

изменения. Этот раздел экспозиции Музея открывают приказ наркома В. Молотова от 27.08.1939 г. о реорганизации Института в «Высшую дипломатическую школу Наркоминдела» и «Положение о ВДШ», утвержденные постановлением секретариата ЦК ВКП(б) от 19.08.1939 г. Главной задачей Школы, указывается в документе, является подготовка работников, владеющих основами советской дипломатической науки и иностранными языками, способных отстаивать международные интересы в практической работе. В ВДШ создаются два отделения: восточное и западное со сроками обучения соответственно 3 и 2 года. Увеличивается количество часов на изучение специальных дисциплин и языка: истории международных отношений – с 30 до 120, международного права – на треть. На овладение иностранными языками отводится теперь по 1120 часов на западном отделении и по 2120 – на восточном. В духе времени 60 часов используются для наставлений по борьбе со шпионажем, диверсиями и контрразведкой капиталистических стран. Школа была закрытым учебным заведением, набор в которую производился через ЦК ВКП(б). Кандидаты в ВДШ отбирались по личным делам в райкомах ВКП(б) в Москве, Ленинграде, Горьком, Харькове и других городах, куда выезжали ответственные работники НКВД.

С началом Великой Отечественной войны слушатели ВДШ обратились с коллективной просьбой направить их на фронт, многие из них ушли в ополчение. Сама школа была эвакуирована в октябре 1941 г. в Фергану, а в 1942 переведена в Куйбышев (Самара), за-

тем – в 1944 г. вернулась в Москву. В Академии открыта мемориальная доска сотрудникам и слушателям ВДШ, погибшим на фронтах войны. Несмотря на трудности военного времени, занятия в Школе не прерывались, были созданы новые языковые секции. В результате в 1943/44 уч. г. в Школе изучали 23 основных языка мира. Представленные документы, в частности записка замнаркома В. Деканозова секретарю ЦК Г. Маленкову, рассказывают о значительном расширении контингента слушателей ВДШ в 1944/45 году. Это диктовалось не только преобразованием НКВД из общесоюзного в союзно-республиканский с увеличением штата на 200 человек, но и растущими кадровыми потребностями Наркомата в контексте складывающейся обстановки в Европе после разгрома фашизма и образования ООН.

В первые послевоенные годы среди слушателей ВДШ были широко представлены демобилизованные военнослужащие. На стендах Музея среди выпускников этого периода пять Героев Советского Союза, среди них – Азаров А.Н., Козаков В.Ф. и др. Есть и Полный Кавалер ордена Славы – Булычев Н.С. В экспонируемой «Книге окончивших Школу и регистрации дипломатов», начатой в 1940 г., под номером 172 значится Добрынин А.Ф., поступивший в ВДШ в 1944 г. и окончивший ее с отличием в 1946 г. в ранге атташе.

В 1950 г. перед ВДШ была поставлена задача перейти от обучения дипломатов среднего звена к подготовке кадров высшей квалификации – секретарей и советников. К этому времени в Школе преподавали выдающиеся

деятели науки – В.М. Хвостов, Е.В. Тарле, С.Б. Крылов, В.Н. Дурденевский, Н.Н. Любимов и др. Новые реалии ставили перед ВДШ новые задачи. Экспозиция рассказывает о начавшейся в 1964 г. подготовке слушателей из Польши, Болгарии, Венгрии, Чехословакии, ГДР, Албании, Кубы, Монголии, Вьетнама, Камбоджи и ряда других стран.

Большую роль для совершенствования подготовки дипломатических кадров стало преобразование Высшей дипломатической Школы в Дипломатическую академию МИДа СССР. Этот раздел экспозиции открывает Постановление Совета Министров СССР от 8.01.1974 г., подписанное А.Н. Косыгиным. В нем указывается, что Академия – это «закрытое специальное высшее учебное заведение первой категории, непосредственно подчиненное Министерству иностранных дел СССР». Обучение в ДА обеспечивало высший уровень подготовки и переподготовки руководящих дипломатических кадров. Академию возглавляет ректор. В годы, последовавшие за Постановлением, ректорами назначались видные политические деятели, имеющие большой международный опыт в ранге Послов СССР и Российской Федерации: В.И. Попов, С.Л. Тихвинский, С.К. Романовский, О.Г. Пересыпкин, Ю.Б. Кашлев, Ю.Е. Фокин.

В 90-е годы Академия, как и вся российская внешнеполитическая служба, переживала непростой период. Тем не менее удалось не допустить срыва учебного и научного процесса, сохранить высококвалифицированные кадры. Значительный раздел экспозиции дает целостное представление о жизни

сегодняшней Академии, теперь уже открытого высшего учебного заведения. Ежегодно различными формами обучения в нем охвачены почти 1700 человек. ДА осуществляет подготовку кадров для МИДа, ряда ведущих федеральных учреждений, субъектов Российской Федерации, МИДов ряда стран СНГ. Профессорско-преподавательский состав Академии насчитывает сегодня 170 человек, из них докторов наук, профессоров – 39. Дипломатические ранги имеют 46 сотрудников, в том числе 14 – ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла, звания «Заслуженный деятель науки» удостоены 11 человек. Экспонируемые материалы отражают развивающееся сотрудничество Академии более чем с 50 аналогичными учебными заведениями Европы, Азии, Латинской Америки, США и Канады. Девятнадцать видным политическим и государственным деятелям присвоено Академией звание Почетного доктора Дипломатической академии МИДа РФ. Среди них Примаков Е.М., Чубарьян А.О., П. Лайфер – бывший ректор Венской дипломатической академии, и др. В приветственном послании президента В.В. Путина, направленном в 2004 г. по случаю 70-летнего юбилея Академии, отмечалось, что «за прошедшие десятилетия она превратилась в крупный учебный и исследовательский центр, известный своими традициями и сильным профессорско-преподавательским коллективом». Президент выразил уверенность в том, что «Дипломатическая академия будет и впредь готовить профессионалов, способных эффективно работать на благо России, укреплять ее позиции и престиж в мировом сообществе».

Бринкман А.А. фон

НЕДОВЕРИЕ*

(Предисловие к публикации)

В 1907 г. в журнале «Русская мысль» были опубликованы две статьи правоведа, в начале столетия служившего по ведомству Министерства внутренних дел, изредка выступавшего в печати по вопросам аграрного права и земского самоуправления, Александра Александровича фон Бринкмана «Неполномощные законы (К психологии русской исполнительной власти)» (Кн. VI) и «Недоверие» (Кн. XII). К моменту их публикации, известность имени автора практически не выходила за пределы профессиональной среды. По-видимому, публикация его работ на страницах ведущего русского либерального журнала принципиально не изменила сложившуюся ситуацию.

В «Неполномощных законах»¹ А. Бринкман сформулировал неординарное для русской исторической науки и историко-политической мысли XIX – начала XX в. видение хода отечественной истории второй половины XVI – начала XX вв. В той или иной степени разделяемый многими историографическими школами и направлениями, тезис о противостоянии государственной власти и «земли» («народа») усложнялся и переосмысливался благодаря введению в систему координат различения собственно верховной власти и власти исполнительной («попечительной»), и что особенно важно, представлений о неуклонно возрастающих в пореформенный период политических противоречиях между отдельными властными структурами и между слоями общества. Все это в статье Бринкмана концептуально, но вместе с тем метафорически описано как противопоставление «опричнины» и «земщины», во всей диалектике их многосложных отношений с верховной властью, рождающих такой выразительный феномен российской истории Нового времени как «неполномощные законы».

* Рус. мысль. – М., 1907. – Кн. XII. – С. 60–69.

1. Статья опубликована в журнале «Полис» (М., 2006. – № 1).

Основные положения этой статьи А. Бринкмана, опубликованной через полгода второй его работы «Недоверие», обрели форму концептуального историко-политического комментария к характеру взаимоотношений власти и общества в действительности 1905–1906 гг., прежде всего социально-психологических механизмов этих взаимоотношений.

«Острота противоположения опричнины земщине, взаимная вражда этих двух начал...», глубочайшее взаимное недоверие их друг другу и недоверие, пронизывающее отношения между отдельными «партиями», как в «опричнине, так и в «земщине» – сущностная черта общественного сознания и общественной психологии эпохи.

Взгляд А.Бринкмана на характер отечественного историко-политического бытия в целостности своего выражения (возможно, на намеренно несколько архаизированном языке) по существу не совпадал полностью ни с одной из существовавших в начале XX в. концептуализаций проблемы. Может быть, именно этим объясняется своего рода «выпадение» А.А. фон Бринкмана из «строя» отечественной исторической и политической мысли конца XIX – начала XX в. Его имя отсутствует в исследованиях и справочных изданиях по истории русского правоведения. О его статьях 1907 г. не писали его современники (таковой, во всяком случае, представляется эта историографическая ситуация автору данного предисловия). Некоторое удивление вызывает то обстоятельство, что мимо них, по крайней мере в своих опубликованных работах, прошел П.Б. Струве, вступивший именно в 1907 г. в руководство «Русской мысли».

К глубокому сожалению, биография А.А. фон Бринкмана и, что особенно печально, даже просто годы его жизни до сегодняшнего дня остаются нам неизвестными. Единственный справочник, сообщающий о нем хоть что-то – это издание «Весь Петроград на 1917 год», из которого явствует, что в 1916 г. отставной коллежский советник, присяжный поверенный и присяжный стряпчий, член ряда комиссий по усилению вооруженных сил, А.А. Бринкман жил в Петрограде (ул. Преображенская, д. 15)². Установление биографии А.А. фон Бринкмана – важнейшая неременная задача будущего исследования.

Текст публикуемой в нашем журнале статьи «Недоверие» не нуждается в особых пояснениях. Но есть одно исключение. А. Бринкман упоминает о появившейся на страницах «Русского знамени» статье присяжного поверенного Булацеля против «опричнины». Речь, очевидно, идет об одной из статей видного деятеля «Союза Русского народа» П.Ф. Булацеля (1867–1919) в редактируемой им крайне правой газете «Русское знамя». Для всех его статей в этой газете

2. Пг., 1917. – 82 с.

(1906–1907) характерна критика высшей исполнительной власти, т.е. правительства П.А. Столыпина за нерешительность в борьбе с революцией³.

Проблематика обеих статей А. Бринкмана требует еще одного замечания. Тема «опричнины» (как реально-исторического явления, этапа истории Руси эпохи Ивана Грозного) – одна из наиболее спорных проблем отечественной исторической науки⁴. Представляются чрезвычайно значимыми некоторые историографические контексты обеих статей А.Бринкмана. Речь идет о взаимосвязи изучения истории политических форм и институтов России XVI–XVII вв. в конце XIX – начале XX в. с социально-политической реальностью эпохи⁵.

И.Л. Беленький

I

По роковой необходимости исторического возмездия, *неполномощность законов*⁶), создаваемая системой опричного управления, отражается прежде всего на положении самой опричнины в ее представителях. С одной стороны, недоверие к земщине, как враждебному к «правительству» лагерю, вооружает этот лагерь взаимным недоверием ко всему, что так или иначе носит отпечаток «правительства»; с другой стороны, политика попечительного усмотрения, позволяющая игнорировать закон, ради достижения «благожелательных» целей, порождает предъявления к опричнине непомерных требований об уврачевании немедленно всех будничных зол повседневного существования обывателей. Презируемая в своем отчуждении от интересов страны и вместе с тем призываемая ежеминутно обывателями на помощь – опричнина, ради сохранения своего внеш-

3. Статьи эти он переиздал в кн.: Булацель П.Ф. Борьба за правду. – СПб., 1908.

4. См.: Эскин Ю.М. Иван IV Грозный // Отечественная историография России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. – М., 1996. – Т. 2. – С. 305–307; Богатырев С.Н. Грозный царь или грозное время? Психологич. образ Ивана Грозного в историографии // История и историки: Историогр. вестн. 2004. – М., 2005. – С. 62–81. Из современных расширительных и метафорических толкований понятия «опричнина» надо назвать в каких-то отношениях перекликающийся с суждениями А. Бринкмана, раздел «Тайная власть» в книге Ю.С.Степанова «Константы. Словарь русской культуры» (М., 1997. – С. 465–471).

5. См., в частности, опыты историографической реконструкции: Семенов А.И. Знание как политика и призвание (По материалам истории российской Конституционно-демократической партии) // Власть и наука. Ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х годов. – СПб., 2003. – С. 358–372.

6. См. нашу статью: «Неполномощные законы». – (Рус. мысль. – М., 1907. – Кн. VI).

него престижа, ради того, чтобы из носительницы власти не выродиться во всеми помыкаемого слугу, должна драпироваться в тогу неприступного величия и ограждаться штыками, специальными постановлениями и внешними знаками отличия не только от дерзости, но и от простой фамильярности обывателя. И чем ближе к населению поставлен данный представитель опричинного управления, тем щепетильнее охраняет он свое внешнее служебное достоинство.

Внутреннее презрение и внешний почет, абсолютное недоверие и постоянное требование на помощь – вот чем платит опричнине земщина за неполномощность в отношении последней государственных законов. И убаюкиваемая этим внешним почетом в связи с постоянными обращениями за помощью, опричнина, в конце концов, проникается сознанием своей внутренней крепости и безусловной необходимости для страны. Указание на это беспрестанное обращение за помощью является самым неотразимым аргументом со стороны представителей опричного управления в доказательство безусловного соответствия их существования истинным потребностям страны. Между тем одно самое простое наблюдение совершенно опрокидывает весь этот аргумент. Крамольность наших окраин твердо установлена всей охранительной печатью и даже, за последнее время, правительственной властью. Действительно, недоброжелательное отношение инородческого населения окраин к представителям чуждого им русского управления не подлежит сомнению. И однако нигде в коренной России население не обращается так часто к содействию администрации в обход суда, как именно на этих окраинах.

Психология подобного явления отлично обрисовывается случаем, бывшим в 1905 г. в м-ском губернском присутствии: некий помещик-поляк требовал вмешательства губернской администрации в его чисто судебные споры с крестьянами. На это один из неперменных членов весьма неосторожно заметил, что польские помещики, относясь крайне недружелюбно к русской администрации, любят, однако, слишком часто обращаться к ее содействию. Помещик отвечал: «Это понятно. Ведь и с ассенизаторами неприятно иметь дело, а приходится к ним обращаться, и чем чаще, тем лучше»!... Подобная откровенность и ее безнаказанность, конечно, легко объясняются общим настроением 1905 г., но сущность этого взгляда мне приходилось слышать и от «истинно-русских» людей даже в последнее время.

Таким образом, не доверие к власти, не уважение к справедливости представителей опричного управления, а наоборот, отношение к ним, как к людям, которых не зазорно марать в своих грязных делах, заставляет обращаться к ним огромное большинство обывателей. И как только опричнина под влиянием тех или иных соображений надевает на себя маску охранительницы законности, так тотчас негодование и явное пренебрежение к ней обитателей стихийно пробивается наружу.

Как ни парадоксально, на первый взгляд, подобное явление, оно, однако, легко находит себе объяснение. Весь смысл опричнины, как системы управления, заключается в предоставлении возможности обходить положительный закон. Но в обходе законов, как общих норм, более всего нуждаются те, кому они препятствуют в осуществлении личных эгоистических целей. Каковы же могут быть эти цели? Очевидно, что никакая власть никогда не решится издать закон, открыто нарушающий господствующие в данную эпоху основные понятия справедливости, и пробивающиеся иногда тенденции к подобному нарушению всегда прикрываются соображениями якобы общественного или государственного блага. Таким образом, закон как таковой, всегда на стороне нравственно правого. Следовательно, в обходе закона всегда заинтересованы или те, которые стремятся к обделыванию темных делишек, или те, которые домогаются особых преимуществ себе в ущерб другим лицам одной с ними группы. Как в том, так и в другом случае побуждения обходящих закон несомненно безнравственны, и пользующиеся в этих целях услугами опричнины отлично это сознают, как сознают и настоящее значение для них опричнины. И вот, если опричнина почему-либо становится в ограждение закона, она не исполняет того назначения, к которому все привыкли и, не будучи в состоянии привлечь доверия земщины в ее целом, возбуждает негодование массы отдельных обывателей, именно тех, которые принципиально стоят за опричнину, как систему управления.

Я умышленно подчеркиваю разницу между земщиной, как целым, как противоположением опричнине, и отдельными обывателями, входящими в состав земщины. Земщина, как таковая, всегда оппозиционна по отношению к опричнине. Обыватели же, входящие в состав земщины, в силу своих будничных, житейских дрызг, в огромном большинстве заинтересованы в опричнине, и все стремление последней направлено к тому, чтобы целую духом земщину превратить в различные, противоположные друг другу по целям группы обывателей. Но оттесняя последних ото всего, это выходит за пределы будничных дрызг, громко именуемых ею «областью хозяйственного благоустройства», опричнина тем самым напоминает обывателям о их принадлежности к земщине и связует их всех единой цепью общего недоверия. Так устанавливается заколдованный круг, к выходу из которого земщина приближается очень медленными шагами, по мере усиления произвола опричнины и параллельной эволюции обывателя, как носителя своих собственных интересов, в гражданина, как сознательного члена единой земщины. Но и здесь, у самого выхода, земщина встречает одно препятствие, прикрывающее таковой и неоднократно заставлявшее ее возвращаться к исходному пункту. Препятствие это заключается в одном особом свойстве опричнины, как системы управления, на котором следует здесь остановиться подробнее, хотя я и отметил уже его в статье «Неполномощные законы».

Необходимо твердо помнить, что «опричнина» не есть учреждение, а система. То, что обыкновенно в просторечии именуется «опричниной», есть лишь ее выражение в отдельных представителях. А так как среди таковых встречаются люди, действительно руководящиеся идеями общественного или частного блага и приносящие пользу, в представлении большинства земщины зло, причиняемое самой опричниной, ставится в счет отдельным опричникам. Таким образом, приносящие вред личности заслоняют собою породившую их вредоносную идею. Кроме того, система опричного управления, в основание которой положено начало недоверия вообще, допускает в принципе выражение этого недоверия в отдельных случаях со стороны верховной власти и к отдельным представителям опричнины. Вследствие этого, в представлении земщины не угасает надежда добиться «опричным» путем верховного правосудия над данным опричником, и доверие к верховной власти парализует силу проявления недоверия к опричнине.

II

Сплоченная общим духом недоверия к опричнине земщина только и сильна этим недоверием. Все противоопричное считается земским, и земщина становится во всем своем целом в явную оппозицию к «правительству». Такую картину мы видели в нашем отечестве до 17 октября 1905 г. В то время политическая окраска той или иной личности определялась весьма просто: за или против? Тот, кто был «за», пользовался в лучшем случае скрытым презрением; кто был «против» — открытым одобрением земщины. Почему — «за», почему — «против» — это никого не интересовало, принималась во внимание только степень силы «за» и «против». Принадлежность к тем, которые были «против», выдавала патент на доверие земщины и, наоборот, принадлежность к тем, которые были «за», заставляла относиться к данным субъектам подозрительно. Характерно, что и подозрительность эта проистекала в глазах земщины не из оценки данных политических убеждений, а из априорного предположения об *отсутствии* самих убеждений и наличности корыстных видов. Быть «за» — значило носить клеймо бессознательности, было равносильно неимению никаких убеждений; наоборот, быть «против» — значило сознательно относиться к действительности, иметь твердые убеждения. До такой степени сочувствие опричнине представлялось в то время явным абсурдом, несвойственным здравомыслящему честному человеку.

Острота противоположения опричнины земщине, взаимная вражда этих двух начал получила еще особый специфический отпечаток, благодаря тому нарочитому свойству русской психологии, по которому все для данного субъекта противоположное представляется ему нестерпимо гнусным. Как кажется, ни

на одном языке обозначение «противного», в смысле отвратительного по физиологическому ощущению, не производится от слова «против» и не является, вместе с тем, синонимом противоположного!

Неожиданность развязки 17 октября и последовавших затем событий совершенно перевернула все мировоззрение земщины. Единая прежде в своем недоверии к опричнине земщина раскололась на партии и каждая из последних перенесла на остальные громадную долю своего «противного» отношения к опричнине. В силу той же психологии каждая партия стала критиковать все другие исключительно под углом подозрения в корыстных видах или в бессознательности, что, при отсутствии политического воспитания и такта в общей массе, произвело картину отталкивающего по внешним способам выражения междоусобия.

Однако и в этом хаосе межпартийной «брани» основная, общая всей земщине тенденция отрицательного отношения к опричнине, как таковой, остается ненарушимой. Ход выборов в первую и вторую Думу определенно показывал, что преимущественными кандидатами в депутаты являлись те, которые были более «против» или имели более оснований быть «против». Поэтому всякая кара в административном порядке немедленно вызывала кандидатуру данного лица в Думу. Со своей стороны и печать, которая, по первому взгляду, не может насчитать в своих рядах двух не враждующих между собою органов, по вопросу об опричнине отличается редким единодушием и, кроме официозов, у нас нет органов печати, относящихся не отрицательно к правительству. Даже если бы показать нашим предкам, без всяких предупреждений, *Русское Знамя* и *Речь*, то, вероятно, они сразу бы ошиблись, отнеся первое к крайним левым, а вторую – к правым.

Наконец, и общественное мнение массы в своей оппозиции опричнине остается неизменным, оценивая как данную личность, так и данный орган печати исключительно по способу прежней оценки: за или против. Наш «несознательный» среднеинтеллигентный слой хотя и не может до сих пор разобраться в причинах и стимулах окружающей действительности, однако инстинктивно ценит независимость. Рептилии и официозы пользуются всеобщим нескрываемым презрением, а успех в этом слое такой газеты, как *Новое Время*, объясняется исключительно тем, что обдуманые выпады ее против известных представителей правительства принимаются большинством за непререкаемое доказательство честности и независимости ее направления. Именно этот аргумент мне приходилось весьма недавно слышать от горячих поклонников *Нового Времени* с перечислением его смелых нападок, например, на министра народного просвещения Кауфмана, вообще, или на премьер-министра Столыпина после известной декларации по аграрному вопросу. Не лишено в этом смысле интереса и то обстоятельство, что на страницах именно *Русского Знамени* появилась

статья прис. пов. Булацеля против опричнины, как учреждения, причем значение опричнины для земщины оценивалось почти так же, как и мною несколько ранее на страницах *Русской Мысли*.

Наша благодушная Коробочка – общественное мнение – никак не может усвоить себе, что опричина не учреждение, а система, что система эта тесно и неразрывно связана с абсолютизмом, и, консервативное в своем исконном недоверии к опричнине, оно дает себя морочить мнимыми победами над отдельными опричниками, принимая за разрушение то, что ведет к сохранению и наоборот! Эта Коробочка никак не может понять, что до тех пор, пока центр тяжести в разрешении вопроса – «желательно или нежелательно?» будет лежать *над* земщиной, до тех пор будет существовать опричина, как система, как принцип «благожелательного попечения». Они никак не может усвоить себе, что до перемещения этого центра тяжести в самую земщину последняя роковым образом обречена постоянно валиться то на одну, то на другую сторону. Между тем еще Гейне рисовал абсолютную монархию в виде трона, балансирующего на остром шпиле, а конституционную – в виде спокойного кресла, прочно установленного на широком фундаменте. И Коробочка не доверяет шпилю, но не доверяет ему не потому, что он острый, не потому, что шпиль по самой природе своей не может удовлетворять назначению надежной поддержки, а потому, что данный шпиль представляется ей сделанным из ненадежного материала. Она заботится только о том, чтобы один шпиль заменить другим, более, по ее мнению, прочным.

III

Нечего и говорить, насколько подобное положение на руку опричнине. С одной стороны, громадная доза недоверия к ней парализуется взаимным недоверием партий друг к другу; с другой – общественное мнение отвлекает свое внимание от нее, как целого, как системы, на борьбу с отдельными ее представителями. Отсюда простой логикой подсказываемый выход: увеличить как можно больше количество этих представителей и поставить их, по-видимому, вне зависимости от центра. В результате земщина получает ту децентрализацию управления, на которой она постоянно настаивала, но только в виде эксцентрических генерал-губернаторств с неограниченными полномочиями для предупреждения и пресечения. Наступает эпоха «неограниченных возможностей», и в ее хаосе бедная Коробочка окончательно сбивается с толку.

Замена известных понятий соответствующими им словами – составляет вообще один из испытанных приемов опричнины в те периоды, когда она считает необходимым прикрыть свое существование, и опричина охотно рассыпает те слова, которые, не будучи органически связаны с заключающимися в них

понятиями, не влекут за собой неотразимой необходимости ее упразднения; к другим же любезным земщине словам она пристегивает то или иное прилагательное, которое дает возможность объявить заключающееся в самом слове понятие спорным. Таким образом, опричнина охотно признает «децентрализацию», «равенство всех перед законом» и т.п. К таким же словам, как «свобода совести», «неприкосновенность личности» и т.п. прибавляется прилагательное «истинная» и, таким образом, сохраняется возможность проводить «истинную» и преследовать «ложную». В крайнем случае в обращение пускается просто слово без всякого соответствия с заключающимся в нем понятием, согласно Мефистофельскому правилу: «а если недочет в понятиях случится, – их можно словом заменить...». И результаты получаются поразительные!...

Слыша знакомые, милые слова и встречаясь с сопутствующими им совершенно неожиданными понятиями, общественное мнение легко склоняется к осуждению самих понятий, и не тех, которые ему преподносит опричнина, а именно тех, которые оно раньше берегло, как зеницу ока!... Тогда опричнина открыто выступает в роли спасительницы от заблуждений, и реакция утверждается в массе.

На этой именно психологии русской Коробочки, на этом расчете побороть недоверие к себе развитием еще большего недоверия ко всему окружающему – и был построен весь план борьбы с революцией в эпоху графа Витте. Я далек, конечно, от мысли приписывать последнему сознательное построение этого плана. Он вылился сам собой, как Афина из головы Зевса, потому что граф Витте не мог не впитать в себя все соки опричнины за время долголетнего пребывания в ее рядах. Действуя инстинктивно, не продумывая до конца ни одного хода, он, однако, поступил так, как именно должен был поступать умный и опытный опричник.

Акт 17 октября разбил всю земщину на куски, разрознил и расслоил ее взаимным недоверием. Далее опричнине приходилось только оставаться самой собою, чтобы все пошло так, как это необходимо опричнине. И напрасно из рядов последней несутся проклятия на голову автора всеподданнейшего доклада 17 октября. Он спас опричнину в самый критический для нее момент, он заменил революцию смутой, он и только он наметил весь ход дальнейших событий!... Его преемникам пришлось только плыть по испытанному течению, смело направляя государственный корабль в самую мутную струю, ибо – где муть, там и глубь.

Но та ненависть, которая окружает имя графа Витте со стороны всей земщины, и особенно справа, показывает, что земщина инстинктивно чувствовала в нем спасителя опричнины. В рефлексиях «малого разума» она, правда, бранила его совсем за другое; но «большой разум» земщины не переставал шептать ей, что это змий, отогретый ею на своей груди.

Как ни странно, но «правая» часть нашей земщины, пожалуй, еще более проникнута традициями последней, чем «левая». Ведь она включает в себе остаток земщины Грозного, ее ненависть к опричнине питается историческими корнями, и ее отнюдь не надо путать с союзом русского народа, даже в том случае, если она сама себя с ним путает. Последнее может быть лишь плодом недомыслия, результатом ослепления от «иллюминаций» и результатом только временным. Ведь не даром же такие лица, как князь Н.Ф. Касаткин-Ростовский, считались «красными» в царствование Александра III, хотя они и тогда были теми же, что и теперь!... Вот почему мне кажется, что представление об «опасности справа», действительно, несколько преувеличено. Эта опасность питается только другою опасностью – «слева».

Если бы представители «правой» земщины были более образованы, более сознательны; если бы они могли понять в данный момент, что они делают, проходя мимо единственного выхода из заколдованного круга, устроенного опричниной, – они сами прониклись бы ужасом и завопили: «нет, этого мы не хотим!». Но, воспитанные в духе казенного православия, русской самобытности и официальной народности; обученные по учебникам, «одобренным для средних учебных заведений», эти представители правой земщины не в состоянии отрешиться от младенческих верований, равных по силе только их недоверию к опричнине, и не могут понять, что эти верования нисколько не препятствуют выходу из заколдованного круга и что последний только мешает чистоте их богослужения; что их стремление к Богу зиждется только на страхе перед дьяволом!...

IV

Но совершенно особенное основание проклинать автора Всеподданнейшего доклада 17 октября имеют представители «левой» земщины.

Проникнутые недоверием к тем устоям, которые пропагандировались опричниной в качестве «исторических» и «исконных», но которые созданы Иоанном Грозным только около трехсот лет тому назад, эти представители уже давно призывают к выходу из заколдованного круга путем отрешения от всяких традиций, всякой связи с историей. И здесь крупное недомыслие, крупное невежество!...

Приняв слова за содержавшееся в них понятие, возненавидя эти слова за искажение их понятия опричниной, представители «левой» земщины объявили поход самым понятным и предали анафеме всех их последователей. Воспитанные, в противоположность «правым», в духе полного отрицания религии, всякой самобытности и национальности; обученные исключительно по книгам совершенно запрещенным опричниной и, главным образом, по брошюрам «по Марксу», – эти представители «левой» земщины могли импонировать после-

дней в ее целом только до тех пор, пока все «против» считалось непогрешимым, все запрещенное глубоко истинным. Акт 17 октября, сделав кое-что запрещенное дозволенным, уничтожил сладость запретного плода и сорвал священный ореол истины со многих учений, непогрешимости – с их последователей, ума – со многих вождей!...

Акт этот оказался той костью, которая заставила правое и левое крыло земщины броситься друг на друга. Как первоначально в борьбе с опричниной, так и потом, в борьбе с правым крылом, левое пользовалось широко теми же приемами, которые были ему столь ненавистны в опричнине. Под видом всеобщего равенства, оно пропагандировало диктатуру пролетариата, под видом неприкосновенности личности, – насилие над малейшим независимым ее проявлением, под видом свободы совести и слова, – строжайшую цензуру всякой противной мысли. Вся разница заключалась в том, что лестница наказаний, применяемых «левой» земщиной к ослушникам ее воли, состояла только из двух ступеней: смертной казни и «презрения», т.е. бойкота, и что протест именно против смертной казни был основным ее лозунгом! Но подобно тому, как опричнина душила всякое свободное слово путем воспреещения и закрытия собраний, так и «левая», с ненавистью ко всякой критике, заглушала неугодные ей речи свистом и громовыми возгласами «долой!». Вместе с тем, «левая» земщина заимствовала у опричнины и ее главное оружие в деле поддержания собственного престижа – ложь. Все деяния «левых», как бы дики их проявления ни были, оправдывались всеми мерами с пеной у рта, а открытое признание собственных ошибок считалось совершенно недопустимым. Наконец, и самый принцип классовой борьбы так настойчиво выдвигаемый «левыми», как нельзя более соответствовал исконной тенденции опричнины разбивать земщину на взаимно противоположные группы.

Результаты подобной тактики не замедлили сказаться.

Опять-таки, слыша родные, милые слова и видя воочию их совершенно неожиданные проявления в действительности со стороны уже не опричнины, а своих же собратий, правая, столь же мало сознательная часть земщины, сначала пришла в глубокое недоумение. По инерции она продолжала было действовать против опричнины, но вскоре почувствовала себя в положении короля Лира между Реганой и Гонерильей. «И злая тварь мила пред тварью злейшей!» – воскликнула тогда «правая» земщина и, «видя пред собой бушующее море», «бросилась назад в пасть медведя» – к опричнине. Со слепой яростью убежденного ренегата, она стала сжигать все, чему поклонялась, и поклоняться всему, что сжигала. «Левая опасность» совершенно заслонила в ее глазах опасность опричнины и ненависть к последней. Понимая таковую не как систему, а как совокупность опричников, она с пламенной верой фанатика снова обратилась к тому источнику доверия, который уже не раз прикрывал от ее гнева опричнину как систему.

И опричнина отлично воспользовалась этим. Актом 3 июня н.г. все выгоды акта 17 октября перенесены на правую сторону и, не уничтожая последнего формально, опричнина восстановила по существу все свои права и преимущества. Она поняла, что «левая» земщина прогонит «правую» мимо выхода и что последняя будет принципиально выбирать всех тех, кто только против «левой», т.е. будет поступать точно так, как раньше поступала вся земщина в отношении самой опричнины.

Но возненавидя «левых», «правые» заимствовали у них в свою очередь все способы борьбы – и ложь, и неистовые вопли, и тайные убийства, под именем «смертной казни».

Таков результат недоверия как принципа.

V

Очевидно, что при подобных условиях борьба с опричниной представляет- ся не чем иным, как борьбой со спрутом. Отрубая присосавшиеся к ней щупальца, земщина вместе с тем наносит удары самой себе, а спрут выпускает только ту кровь, которую высосал из самой же земщины. И чем более бьется несчастная жертва в тисках его эластичных объятий, тем крепче впиваются в ее тело смертоносные присоски. Решительный удар спруту может быть нанесен только при отсутствии судорожных движений, при плановности и выдержке. Решительный удар опричнине должен быть нанесен как системе, а все отдельные выступления против опричников или их совокупности только портят дело. Земщина должна объединиться опять, должна понять свою солидарность в борьбе с опричниной и хладнокровно выждать, когда охвативший ее спрут выставит свою голову.

И это неминуемо должно быть.

Во-первых, кроме «левой» и «правой», у нас есть еще, к счастью, и коренная, настоящая земщина; во-вторых, эти крайние крылья единой по существу земщины представляют друг для друга отличные зеркала, в которых они отражаются, – и это не может не содействовать внутреннему отрезвлению всей земщины, как целого; в-третьих, наконец, то обстоятельство, что опричнина не учреждение, а система, заключает в себе не только ее силу, но и залог гибели. Учреждение может быть прикрыто другим учреждением, но система может только или оставаться такой, какая есть, или упраздниться.

То, что мы видим в настоящее время, – та вакханалия произвола и анархии, – все это последняя ставка опричнины, и эта ставка может держаться лишь до тех пор, пока «правые» и «левые» взаимно парализуют силы друг друга. Но как только они объединятся или как только победа перейдет хотя бы даже на правую сторону, – опричнина предстанет во всей своей наготе, ибо в пылу борьбы она на этот раз сбросила все свои покровы.

Л. Н. Шаншиева

**ОБЪЕДИНЕННАЯ ГЕРМАНИЯ:
СОЦИАЛЬНАЯ АСИММЕТРИЯ.
(Обзор)**

Шаншиева Лариса Николаевна –
кандидат философских наук,
зав. сектором ИНИОН РАН.

В контексте рассматриваемой проблемы важно учитывать, что «формирование социальной политики подвержено влиянию экономических, политических, исторических, социокультурных, профессиональных факторов, а также норм, ценностей и традиций, сложившихся в обществе» (11, с. 55). Это весьма наглядно прослеживается на примере социальной политики в Германии и, в частности, в восточных федеральных землях.

Международный опыт показывает, что в проведении социальной политики есть много общего и сходного у тех или иных стран. То есть речь идет об определенных типах, моделях социальной политики. За основу ее научной типологизации, как правило, берется подход, который был определен английским социологом Р.М. Титмуссом. Он предложил условно разделить все страны на две группы в соответствии с тем, как решается проблема социального обеспечения населения. Имеются в виду два подхода – «остаточный» и «институциональный». В соответствии с этим выделяются две модели социальной политики. В качестве основных

критериев определения модели служат: цели и средства социальной политики; уровень развития и формы организации рыночной среды; степень вмешательства государства в рыночные отношения.

Данная классификация получила дальнейшее развитие в работах других ученых, например, Г. Эспинг-Андерсена, который в качестве основного критерия взял понятие «де-коммодификации». Этот термин означает степень возможностей, предоставляемых государством своим гражданам, для поддержания определенных стандартов существования, независимо от действия рыночных сил.

Как отмечает Л.В. Церкасевиц, на этой основе можно выделить три основных типа социальной политики: *либеральный, консервативный/корпоративный и социально-демократический* (11, с. 57). Отличаются между собой они следующими основными параметрами:

- местом социальной политики среди национальных приоритетов;
- распределением социальных функций между государством, гражданским обществом и предпринимательским сектором;
- глубиной вмешательства государства в рыночные отношения;
- участием государства в перераспределительных процессах;
- особенностями и сферой распространения программ социальной политики (см.: там же).

В континентальной Европе преобладает консервативный тип социальной политики, он характерен и для ФРГ. Вместе с тем в рамках этого типа существуют свои разновидности. В част-

ности, германская модель обусловлена сложившимся в послевоенный период «социальным рыночным хозяйством». Особенностью концепции социальной рыночной экономики является то, что ее основу составляет «порядок» (Ordnung), под которым подразумевается совокупность институтов и норм, регулирующих отношения между различными элементами народного хозяйства. «Задачами экономического порядка являются создание и обеспечение способности экономики к функционированию, оптимальное управление экономическим процессом в рамках системы внеэкономических целей общества, а также способствование достижению общественно-политических целей» (5, с. 17). Иначе говоря, государство не определяет экономические цели, а создает правовое поле для реализации экономической деятельности. При этом государство активно вмешивается в социальную сферу, занимаясь проблемами образования, квалификации, здравоохранения, социального обеспечения.

Эти принципы лежали в основе государственной политики на протяжении не одного десятилетия. Они были положены в основу институционализации социальной системы в восточных землях Германии после объединения в 1990 г.

Особенности восточногерманской трансформации

Следует подчеркнуть, что социальная политика в Восточной Германии отличалась своим противоречивым характером от таковой в других посткомму-

нистических странах, вставших на путь рыночной экономики. С одной стороны, было проще адаптировать общество, имея необходимые финансовые средства (выделяемые из бюджета ФРГ и специального фонда «Подъем Востока») и реальный образец, к которому нужно было стремиться. С другой – заданные параметры и нормативность социальных процессов сковывали инициативу восточных немцев и обуславливали их пассивность при столкновении с неизбежными трудностями.

На сегодняшний день результаты социально-экономической трансформации бывшей ГДР по образцу ФРГ еще далеки от тех, которые виделись в момент германского объединения. После 15 лет объединительного процесса западные и восточные немцы все еще продолжают жить в двух разных мирах. Несмотря на гигантские усилия по реструктуризации экономики на востоке страны, государственные программы по ее подъему, финансовые вливания, борьбу с безработицей, распространение развитой системы социальной защиты на жителей новых федеральных земель, многие серьезные социально-экономические и психологические проблемы «осси» не удалось решить до сих пор. Опрос, проведенный журналом «Шпигель» в восточных землях накануне выборов в бундестаг осенью 2005 г.¹, показал, что бывшие граждане ГДР все еще чувствуют себя людьми «второго сорта», испытывают тяжелое бремя жизни в

1. Были опрошены 1005 респондентов. Возможный допуск колебаний результатов + 1–3% (19, с. 38).

новых условиях. На вопрос о том, «удалось ли за 15 лет достичь внутреннего объединения Германии?» 75% опрошенных ответили «частично», 16 – «нет», 8% – «значительно». В целом назвали «скорее несправедливым» 72%, «скорее справедливым» – 24%. И все же около половины респондентов отметили позитивные изменения: 42% считают, что жизнь на Востоке в целом улучшилась, 32 – стала хуже; 15% – осталась такой, какой была раньше, до объединения. Оценивая личный опыт, 50% сочли свое положение лучшим, 22 – худшим, 23% – без изменений. Ответы на вопрос: «К кому вы лично себя причисляете – к выигравшим или проигравшим?» распределились на три группы. 38% восточных немцев считают, что они в выигрыше, 11 – в проигрыше, 51% – ни то, ни другое (19).

Разумеется, эта усредненная картина общественного мнения в Восточной Германии дает лишь весьма схематичное представление о происходящих процессах, но все же свидетельствует о наличии болевых точек во внутригерманских отношениях, экономическом и социальном отставании Востока.

Еще изначально, в период заключения валютного, экономического и социального союза между ФРГ и ГДР, предшествовавшего Договору об объединении 1990 г., многие политики и ученые предвидели сложности и длительность процесса сращения двух государств с различными общественными и идеологическими системами, с разными типами социализации. Ю. Хабермас предупреждал общество о негативных последствиях избранной формы объединения Германии. Он считал, что немцам нужно входить в будущее

с другой конституционной основой. «Отказ от осознанного акта принятия новой конституции препятствовал тому, чтобы объединение стало общим проектом. Вместо этого был принят вариант будущего в форме прошлого» (цит по: 18, с. 29). Заместитель председателя фракции СДПГ в бундестаге В. Тирзе высказывал в 1990 г. идею о том, что в Германии появился исторический шанс конвергенции Запада и Востока. Но он не был использован. Вместо этого Восток принудили пойти по пути даже не столько «догоняющей», сколько «подражательной» модернизации.

По мнению В.П. Гутника, валютный союз, ставший фактом 1 июля 1990 г., был на деле никаким не союзом, а простой заменой слабых денег сильными. «Обмен марок ГДР на немецкие марки (DM) в соотношении 1:1 для части наличности (2000 – для детей, 4000 – для взрослых, 6000 – для лиц старше 60 лет), а также для зарплаты, и 2:1 для долгосрочных сбережений фактически означал трансплантацию покупательной способности в восточную часть. Не надо было заниматься бессмысленной “стабилизацией” дискредитированной валюты. Тем самым восточным немцам удалось счастливым образом избежать периода так называемой макроэкономической стабилизации с ее весьма неприятными социальными последствиями» (3, с. 44–45).

Социальный союз означал быстрое введение на территории Восточной Германии западногерманской системы социального обеспечения и социального страхования. Но слишком быстрая смена социальных институтов вызвала у людей кризис адаптации, поскольку она

осуществлялась как «пересадка» готовых форм и институтов общественной жизни ФРГ на восточные федеральные земли. От восточных немцев требовались постоянные сверхусилия по адаптации к новой системе управления, системам страхования, образования и пр. Серьезная проблема состояла в том, что в силу уже сложившегося менталитета у населения бывшей ГДР был блокирован механизм социализации и свободного проявления определенных личностных качеств (см.: 12).

Расширение зоны действия немецкой марки на Восточную Германию произвело эффект «монетарного большого взрыва». Поскольку решения в пользу валютного союза в тот период определялись не столько экономическими, сколько политическими соображениями, последствия начатого развала экономики ГДР явно недооценивались. С годами стало все более очевидно, что правительство Г. Коля излучало накануне объединения излишний оптимизм, предрекая в скором будущем появление на Востоке страны «цветущих ландшафтов».

Трезво мыслящие политики и экономисты говорили, что на процесс объединения в течение последующих десяти лет потребуется примерно 1500 млрд. марок. В итоге к 2000 г. только государственные трансферты с Запада на Восток составили примерно 1700 млрд. марок (10, с. 48).

Изменения в государственном секторе экономики Восточной Германии предполагалось осуществить путем решения трех основных задач: создания эффективной системы управления, модернизации государственной инфраструктуры, организации (по типу сло-

жившейся в ФРГ) системы социального страхования. При всех сложностях реализации этого плана восточные немцы были достаточно быстро интегрированы в систему социального страхования. Хотя сам этот факт не снимал весь комплекс социальных проблем, порожденных процессом германского объединения. Например, в ходе перестройки экономики с целью создания конкурентоспособных предприятий число работающих сократилось с 9,86 млн. до 6,3 млн. к концу 90-х годов (10, с. 48). Это произошло преимущественно вследствие ликвидации большого числа старых рабочих мест и создания меньшего числа новых.

Одним из спорных узловых вопросов социально-экономического «сращения» старых и новых германских земель продолжает оставаться политика в области заработной платы. По мнению одних специалистов, быстрое «подтягивание» зарплат восточных немцев до уровня оплаты труда западных было ошибочным решением и негативно сказалось на процессе преобразований. С точки зрения других, именно сохраняющийся разрыв в уровне зарплат служит источником социальной напряженности и недовольства бывших граждан ГДР. Правда, ряд экономистов высказывают суждение, что политике в области заработной платы не стоит придавать чересчур большое значение. Есть и другие факторы, влияющие на ситуацию. К ним относятся изначально низкая экономическая привлекательность восточногерманских предприятий, их технологическое и структурное отставание. На протяжении многих лет доходы наемных работников на востоке страны колеблются вокруг показателя

75% от западногерманского уровня. Например, через десять лет после объединения этот показатель составлял 73,8%; в то же время производительность труда достигла лишь 59% соответствующего уровня в западной части страны. Следствием этого были высокие расходы на единицу рабочей силы, которые в тот период составляли 124% по сравнению с западногерманским уровнем (10, с. 49). Таким образом, одним из серьезных факторов отставания Востока является сравнительно низкая производительность труда. Кроме того, восточногерманские товары еще недостаточно конкурентоспособны на мировом рынке.

Следует, однако, отметить, что за макроэкономическими данными скрывается картина дифференцированного развития восточных земель и городов. Это зависит и от их месторасположения, и от наличия традиционно развитых отраслей производства (например, производства оптики в Йене, фарфоровой мануфактуры в Майсене и др.). К 2005 г. ряд восточногерманских фирм вышел на мировой рынок. Если в 1991 г. число частных предприятий составляло 4 тыс., то теперь – почти четверть миллиона. Только за 2003 г. их открылось 40 тыс. Список наиболее активных в этом отношении городов возглавляет Лейпциг.

Среди германских специалистов высказывается мнение, что благодаря глубоким структурным переменам перспективы на Востоке Германии сегодня лучше, чем в любой другой стране Центральной или Восточной Европы. По сравнению с прочими государствами бывшего Восточного блока новые федеральные земли занимают лидиру-

ющие позиции. Их экономический потенциал (если исключить Берлин, который не был целиком «восточным») сегодня в три раза больше, чем в Венгрии или Чешской Республике. «Постепенно выясняется, что благодаря краху больной восточной экономики возник уникальный шанс ее возрождения. Ведь он освободил место для возникновения совершенно новой инфраструктуры, что сделало Восток Германии более приспособленным для будущего, чем любой другой регион Европы» (13, с. 53). Об этом свидетельствуют приводимые ниже данные по показателю ВВП (в евро):

- Германия (только новые федеральные земли) – 242,7 млрд.
- Польша – 159,9 млрд.
- Чешская Республика – 87,0 млрд.
- Венгрия – 81,4 млрд.
- Словакия – 32,6 млрд.
- Словения – 26,0 млрд.
- Литва – 17,7 млрд.

Таким образом, по объему ВВП новые земли Германии (без Берлина) заметно опережают новых членов ЕС из Восточной Европы.

Наряду с этим сравнительный анализ социально-экономического развития Германии со старыми членами ЕС оказывается не в ее пользу. В августе 2004 г. на сайте газеты «Financial Times» сообщались результаты исследования, проведенного в ФРГ при участии федерального статистического ведомства. Основной вывод специалистов сводился к тому, что длительная экономическая стагнация привела к потере страной статуса одной из самых благополучных стран Евросоюза. Число ее малообеспеченных жителей постепенно растет, а в Восточной Германии этот

показатель за последние десять лет увеличился. По показателю качества жизни (без учета новых членов ЕС) Германия опережает лишь три страны – Грецию, Италию и Португалию (список возглавляют Великобритания и Ирландия). В результатах исследования четко проявилась поляризация экономического самоощущения немцев, явно обозначился разрыв между западными и восточными землями. Если в 2001 г. 60% «весси» и 38% «осси» заявляли, что удовлетворены функционированием демократии в своей стране, то в 2004 г. это были, соответственно, 66% и 32%. 76% восточных немцев заявили, что социализм «в принципе является хорошей идеей, которая была плохо реализована» (2).

Ссылаясь на немецких экспертов, газета огласила итог 14-летнего совместного существования восточных и западных земель: объединение Германии провалилось. Восток перестал развиваться после первоначальной эйфории. Он «глупеет, беднеет и стареет»², несмотря на то, что в его развитие было вложено 1,25 трлн. евро. При этом 1/3 населения восточных земель полагают, что вложенных средств было явно недостаточно, а их материальное положение не улучшилось после объединения.

Специалисты считают, что никогда еще в истории индустриального мира

одна территория государства не находилась в такой сильной зависимости от другой. К тому же результативность финансовых вливаний оказалась значительно ниже намечавшейся, и вместо подъема на востоке Германии обозначились признаки деградации германской экономики в целом.

Образованная молодежь в массовом масштабе переселилась в западную часть страны. В результате восточные земли, где находится 1/4 рабочей силы страны, стали местом компактного проживания 50% безработных немцев. Почти половина всех трансфертов была потрачена на социальную помощь. Следствием такого порядка вещей стали определенные социальные деформации в обществе. Хотя можно привести и другие примеры, когда западные немцы, переехав на восток страны, активно участвуют в экономическом возрождении отсталых регионов. Эти граждане также получили свое характерное название – «wossi», но их значительно меньше, чем «весси» и «осси».

В Докладе Федерального правительства о бедности и богатстве (апрель 2001 г.) содержались цифры и факты, свидетельствующие о бедности в богатой стране. Парадоксальным явлением при высоком уровне социального обеспечения в Германии стало образование паразитирующего класса, так называемых «новых бедных». Речь идет о безработных, получающих пособия в размере 70% от уровня прежней заработной платы, что позволяет им жить, совсем не работая (9).

В связи с актуальностью данного вопроса в СМИ все чаще стали появляться заголовки типа «Паразиты присосались к социальному государству».

2. Такой комментарий дал один из советников министра ФРГ Манфреда Штольпе. Именно он был инициатором привлечения группы экспертов к анализу проблем социально-экономической интеграции страны.

Безработные и обладатели пособия по бедности получили клеймо «снимающих сливки». В этих условиях правительство ФРГ приняло решение о более строгих правилах предоставления пособий по безработице и бедности. Оно дало понять, что для нежелающих трудиться или отказавшихся от приемлемой работы выплаты могут быть приостановлены (выплата по безработице, как правило, производится не более года; лицам, старше 57 лет, – максимум 32 мес.). В 2000 г. власти временно приостановили выплату пособий в 91 тыс. случаев; 17 тыс. человек были лишены их полностью – это почти 2% от армии безработных (9).

Особое внимание под этим углом зрения было обращено на восточные земли. Тем более, что бремя социально-экономических проблем в значительной мере ложится на налогоплательщиков Запада Германии – ежегодно им приходилось жертвовать 4% своего ВВП на нужды восточных соотечественников. Это в известной степени создает угрозу и для западных земель, поскольку, по расчетам специалистов, германская экономическая рецессия в начале нового века на $\frac{2}{3}$ определяется «уходом» средств на Восток. О нарастающем экономическом кризисе заявила новый канцлер ФРГ, выступая перед членами бундестага. По ее словам, рост экономики находится вот уже несколько лет на недопустимо низком уровне, долги «чудовищны, прогресс в восточных землях – на грани краха» (6).

Заметное акцентирование на этих проблемах свидетельствует о том, что немцам до сих пор не удалось достичь желанной интеграции и после 15 лет

падения Берлинской стены. «Внутреннее срастание» остается весьма актуальной задачей экономической и социальной политики нового федерального правительства. В интервью журналу «Штерн» накануне выборов А. Меркель четко сформулировала свою позицию: «Я хочу побороть старое мышление, разграничивающее Восток и Запад». Выразив желание стать канцлером всех немцев, она подчеркнула: «Мы должны теперь сконцентрировать все усилия на том, чтобы полностью завершить объединение. Несколько забывается, что благосостояние старых земель зависит, в том числе, и от благосостояния в новых землях. Финансовые различия уменьшатся, если Восток встанет на ноги. Это не какая-то благотворительная задача, которую можно поставить или не поставить, а судьбоносная задача для всей Германии. Это – мое кредо» (15, с. 42). Подобная четкая позиция вероятно способствовала росту голосов избирателей в пользу кандидата от ХДС. В ходе опроса граждан ФРГ, которым было предложено определить свой выбор между Шрёдером и Меркель по 15 позициям, присутствовал и вопрос о том, кто может принести подъем Германии. 41% выбрали Меркель, 25% сочли, что это Шрёдер (14, с. 44). Таким образом, решение назревших социальных проблем во многом будет зависеть от той политики, которую будет проводить новое правительство ФРГ.

Перспективы Востока

Еще в период заключения Договора об объединении активно обсуждались долгосрочные перспективы развития

восточных земель. В основном они сводились к трем вариантам: 1) успешная интеграция и быстрый экономический подъем; 2) затяжное «переваривание» проблем сращивания и постепенное выравнивание ситуации; 3) участь бедного региона на многие десятилетия. Сегодня ясно, что самый оптимистичный сценарий осуществить не удалось, и все чаще перспективы восточных земель связываются с третьим вариантом.

Эксперт Института международной экономики (Вашингтон) А.-С. Позен категорично писал в начале 2005 г.: «Если ситуация не изменится, Восток Германии и через десять лет будет плестись в хвосте Запада, причем в целом на более низком уровне» (8, с. 65). Такой прогноз был дан, когда у власти находилось еще «красно-зеленое» правительство. В тот период уже появились симптомы кризиса германской экономики и обострения социальных проблем. Предложения по реформированию экономики, выдвинутые правительством Г. Шрёдера, равно как и предложения консервативно-либеральной оппозиции, не нашли большой поддержки в обществе. Бросалось в глаза отсутствие у всех партий и коалиций широкой экономической концепции, а соответственно и новой социальной политики. Благополучная прежде Германия оказалась в тисках растущей государственной задолженности, не дающей простора для реформаторского маневра. Как и многие другие специалисты, А.-С. Позен акцентировал внимание на том, что «германская политическая экономия ориентирована на то, чтобы поддержать социальную стабильность посредством перераспреде-

ления доходов. Несмотря на все разговоры о переменах, именно в этом состояла цель всех западногерманских руководящих деятелей в правительстве, компаниях и профсоюзах в ходе воссоединения страны» (8, с. 68).

По его мнению, даже «увеличение доходов населения на Востоке Германии до западного уровня не приведет к подъему экономики». Поскольку важна конкурентоспособность не страны в целом, а одного сектора по отношению к другому внутри страны и в трансатлантическом сравнении, «становится ясно, что до 2015 г. рассчитывать на ускорение экономического роста в Германии не приходится» (8, с. 72). Каков же наиболее вероятный прогноз этого ученого? В связи со старением населения многие города станут менее оживленными. «Пригороды попадут под контроль сообществ нелегальных иммигрантов. И везде будут очереди – особенно в сфере медицинского обслуживания и услуг, хотя ситуацию еще нельзя будет сравнивать с тем, что была в бывшей ГДР. Уровень жизни в восточных землях будет значительно ниже, чем на западе – несмотря на то, что после объединения пройдет уже 25 лет» (8, с. 73).

В последние годы среди немецких ученых все чаще высказывается точка зрения о том, что многие проблемы связаны с патриархальным характером социального государства и соответственно устаревшей системой социального обеспечения. В результате сложилась «дефицитная социально-государственная структура» (18, с. 30). Поэтому сложившийся status quo необходимо заменить новой общественной социальной политикой. Традици-

онно германское государство придерживалось компенсационного принципа в социальной политике, теперь должен быть усилен превентивный подход. Это связано с тем, что в социальном государстве произошли базисные изменения, обусловленные новой структурой на рынке труда. Под этим углом зрения видно, что с усилением массовой безработицы, нарастающей напряженностью в сфере занятости и сохранением прерывистого характера труда у большей части населения одной из приоритетных тем становится борьба с бедностью. Особенно остро это проявляется в социальных проблемах матерей-одиночек.

Критике подвергается сам принцип социального обеспечения, когда базисным источником финансов служат налоги с работодателей. Все чаще поднимается вопрос о повышении личной ответственности каждого работающего гражданина в заблаговременном обеспечении своего существования, в его вкладе в социальное переустройство. Очевидно, что эти аспекты будут учтены в ходе реформы социального страхования, которую предполагается провести в Германии в ближайшее время.

В связи с перспективами развития восточных земель обращает на себя внимание региональный подход. Чем больше времени проходит со дня объединения, тем более заметной становится разница между отдельными федеральными землями. Все это дает почву для противоположных мнений и оценок. Одни констатируют, что «Восток рассыпался» (по выражению Гельмута Шмидта), другие утверждают: «Восток возвращается», а третьи, как У. Пфайфер, считают, что Востока как целого

больше нет. Есть регионы, переживающие бурный экономический рост, есть города (например, Лейпциг), куда переселилось множество жителей Восточной Германии. Наряду с этим возникли «прореженные регионы», где остается низкой рождаемость, и откуда продолжается миграция в более привлекательные места бывшей ГДР или в промышленные районы запада страны. Эти процессы происходят в условиях старения населения в целом, что не позволяет обратить вспять тенденции экономической эрозии, поскольку для этого просто не хватает людей. «В соответствии с этим требуется совершенно разная региональная стратегия» (17, с. 49). По мысли Пфайфера, экономическая динамика регионов и их различия определяются отраслями, которые производят «надрегиональные» товары и услуги и тем самым повышают покупательную способность конкретных регионов. «Сектор локально производимых и потребляемых благ является почти идентичным во всех немецких регионах. В этих областях Восточная Германия уже давно завершила процесс приближения к западным стандартам. Для того чтобы сократить разрыв с западными землями по показателю роста Восточная Германия должна решительно развивать надрегиональные сектора» (17, с. 50). Исходя из этого, делается вывод о необходимости политики большей региональной дифференциации в решении социально-экономических проблем. Данный подход должен опираться на знание рынка труда и уровня занятости в Восточной Германии. Следует направить усилия на «обеспечение демографического базиса», лучшую органи-

зацию обучения и образования молодежи, повышение квалификации. Это в известной мере может компенсировать недостаток финансовых средств, необходимых для «вытягивания» Востока.

Самый пессимистичный прогноз для Восточной Германии связан с вечным отставанием – подобно итальянскому Югу, поэтому довольно часто восточные земли называют «вторым Mezzogiorno». Правда, сторонники этой точки зрения делятся в свою очередь на абсолютных пессимистов и относительных оптимистов. Последние считают, что, несмотря на значительное сходство, оба региона, хотя и являются проблемными, но все же, по сути, отличаются между собой (см.: 12). Характерно, что о возможном «втором Mezzogiorno» начали говорить еще в 1990 г., затем – по мере социально-экономического подъема в восточных землях тема не поднималась, но вновь возникла с нарастанием кризиса в Германии и усилением социальной напряженности.

Определенный вклад в решение восточногерманских проблем должен внести новый, второй по счету Пакт солидарности. Первый пакт солидарности, согласно которому восточные земли получили, начиная с 1993 г., в общей сложности 94,5 млрд. евро, был рассчитан на десять лет. С 1 января 2005 г. вступил в действие Пакт II. По этому договору из федеральных средств должно быть выделено на восстановление восточных земель до 2019 г. 156,5 млрд. евро (4). Но чрезмерных надежд возлагать на него, видимо, не стоит. Выплачивать солидарные взносы в фонд помощи восточным землям для запад-

ных немцев становится все труднее, да и делают они это без всякого энтузиазма. Рассчитывать на финансовую помощь Евросоюза также не приходится, поскольку он выделяет значительные суммы на поддержку новых членов из Восточной Европы. Можно лишь констатировать, что в ближайшем будущем Германию ждут нелегкие времена, и многое будет зависеть от того, насколько эффективной окажется политика нового канцлера и нового правительства.

Литература

1. Антропов В.В. Социальная рыночная экономика: Путь Германии. – М., 2003. – 223 с.
2. Германия скатывается в число беднейших стран Евросоюза. Режим доступа: <http://revolutiy.narod.ru>. 16.01.2006.
3. Гутник В.П. Объединенная, но не единая: Десять лет экономической и социальной интеграции Германии // Объединенная Германия: Десять лет / РАН ИНИОН. – М., 2001. – С. 38–89.
4. Западные инвестиции в восточную бездну. Режим доступа: <http://www.isramir.com/index.php?> 16.01.2006.
5. Ламперт Х. Социальная рыночная экономика. – М., 1994. – 164 с.
6. Меркель А. Рост экономики Германии уже несколько лет находится на недопустимо низком уровне. Режим доступа: <http://www.finmarket.ru>. 16.01.2006.
7. Перганде Ф. Цветущие ландшафты. Плохое настроение // Internationale Politik = Международная политика. – Bonn; М., 2005, № 5. – С. 10–17.
8. Позен А.-С. На распутье // Там же, 2005, № 1. – С. 65–73.

9. Преллер С. Бедные и богатые в Германии. Режим доступа: // <http://www.moskau.diplo.de/ru>.

10. Хиккель Р. Свет и тень: Подъем экономики на востоке // Deutschland: Политика, культура, экономика и наука. – Франкфурт-на-Майне, 2000, № 4. – С. 46–49.

11. Церкасевиц Л.В. Социальная политика и стратегия ее реализации в странах Европейского союза. – СПб., 2003. – 194 с.

12. Шаншиева Л.Н. Проблемы социально-психологической адаптации жителей восточных земель // Объединенная Германия (указ. соч.). – С. 133–145.

13. Шумахер Х. Экономика: Регион с преимуществами // Deutschland, 2005, № 4. – С. 50–55.

14. Heilemann U. Ostdeutschland – ein «Mezzogiorno-Fall»? // Wirtschaftsdienst. – 2005, N 8. – S. 505–512.

15. Merkel A. Ich will altes Denken zwischen Ost und West überwinden // Stern. – Hamburg, 2005, N 34. – S. 40–44.

16. Merkel oder Schröder? // Ibid. – S. 44.

17. Pfeifer U. Den Osten gibt es nicht // Neue Gesellschaft. – Bonn, 2005, N 10. – S. 49–52.

18. Schröder W. Neue Akzente in der Sozialpolitik // Ibid., 2004, N 3. – S. 28–32.

19. So denkt der Osten // Stern, 2005, N 36. – S. 38.

20. Thierse W. Zukunft Ost – Perspektiven für Ostdeutschland in der Mitte Europas. – B., 2001. – 160 S.

Риш-Флор В.

**ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ШОК:
ГРЯДУЩИЕ ИЗМЕНЕНИЯ**

**Riches-Flores V.
Choc demographique: Les mutation
a venir // Problemes econ. - P.,
2005. - N 2884. - P. 45-48.**

Происходящие в настоящее время демографические изменения в странах континентальной Европы и особенно во Франции будут иметь серьезные последствия для экономики, считает французский исследователь.

За период с настоящего времени до 2050 г. доля лиц старше 65 лет в группе экономически активного населения должна, как минимум, удвоиться в большинстве европейских стран. В этот же период рост дефицита в государственной системе здравоохранения превысит на 30% рост ВВП, а доля пенсионеров в общей численности населения увеличится, как минимум, на $\frac{1}{3}$ во Франции, Германии и Бельгии и на 70% в Нидерландах, Италии, Ирландии и Греции. Кроме того, при слабых шансах на ускорение роста производительности труда тенденция к снижению численности экономически активного населения в странах ЕС отразится на потенциале роста: ее «вклад» в среднегодовое сокращение роста ВВП оценивается в 0,1% вплоть до 2015 г., в том числе в целом за десять лет в 1,2% – для Германии, 1,7 – для Франции и 1% – для Италии (с. 46).

Увеличение средней продолжительности жизни вносит поправки в ранее сделанные прогнозы. Можно предположить, что поведение будущих пенсионеров будет отличаться от поведения нынешних: они, вероятно, будут гораздо больше средств, чем их предшественники, тратить на свой досуг и на путешествия, а также будут шире использовать системы льготного кредитования. Некоторые эксперты предполагают, что эти тенденции окажут благоприятное влияние на экономику стран ЕС.

Оценка экономического поведения поколения «бэби-бума», вступившего сначала в предпенсионный возраст, затем в пенсионный и, наконец, в заключительный период жизни, требует особой осторожности. Обследование «молодых» пенсионеров этого поколения показывает, что они являются в большинстве случаев досрочно вышедшими на пенсию в результате политики, активно проводившейся до недавнего времени. Имея много привилегий, они не могут быть характерным примером «среднего поведения», которое станут демонстрировать будущие поколения пенсионеров.

В противоположность выводу теории жизненного цикла, в соответствии с которым пожилые граждане не делают сбережений, на практике старение населения первоначально выражается в увеличении уровня накоплений по ряду причин.

Прежде всего, это связано с деформацией структуры населения: до 2015 г. в рамках ЕС ожидается увеличение более чем на 13 млн. человек группы 45–64-летних, т.е. той части населения, которая имеет не самые высокие доходы и характеризуется относительно

большей склонностью к сбережениям, чем другие слои населения. По данным исследования бюджетов домашних хозяйств, проведенного во Франции в 2001 г., доля доходов от наследства увеличивается у более старших возрастных категорий: с 3,6% у 45–54-летних до 7% у граждан в возрасте 56–64 лет. Эта тенденция может усиливаться. Неспособность пенсионных систем удовлетворить потребности будущих пенсионеров служит стимулом для увеличения личных сбережений, необходимых для создания наследства, сглаживания прогнозируемых недостатков социального страхования и обеспечения более длительной жизни пенсионера.

Какова бы ни была действующая система пенсионного обеспечения в различных странах ЕС, ни одна из них не может обеспечить сохранение доходов будущим пенсионерам в пропорциях, сравнимых с теми, которые существовали в последние годы.

Уровень возмещения, определяемый как соотношение доходов пенсионеров и работающих, неизбежно будет снижаться. Аналогичным образом системы медицинского обслуживания будут испытывать все больший дефицит. Высокий относительный уровень доходов, которые в настоящее время работающие получают в конце экономически активной жизни, позволяет осуществлять значительные сбережения, снижая возможные риски будущего бедственного существования (подобно тому как это испытали на себе в 1970-х годах поколения послевоенных пенсионеров).

Характер демографических процессов (старение населения) в будущем

может стать важным фактором развития рынка недвижимости. Теоретический тезис, в соответствии с которым старение населения является негативным фактором для рынка недвижимости, может быть поставлен под сомнение. Этот тезис, основанный на эмпирически неоспоримом утверждении, что уровень инвестиций в недвижимость уменьшается среди пожилого населения, может быть опровергнут. Основной эффект старения населения проявится при значительном увеличении группы 45–65-летних. В действительности в течение этого этапа жизни значительно расширяется доступ людей к недвижимости. Доля владельцев недвижимости начинает увеличиваться с 45 лет и достигает пика в возрасте 65–74 лет. Автор задается вопросом – не связан ли с демографическими изменениями недавний бум инвестиций в недвижимость в большинстве стран ЕС, за исключением Германии? С учетом значительного увеличения за последнее пятилетие численности и доли населения в возрасте 45–55 лет это кажется очень правдоподобным. Однако, по мнению автора, недостаток информации о структуре группы покупателей недвижимости не позволяет точно измерить влияние демографического фактора на приобретение жилья.

Среди других очевидных изменений, относящихся к воздействию старения населения на экономику, отмечается деформация потребностей и привычек в потреблении различных товаров и услуг, являющаяся следствием значительного увеличения доли пожилых людей. Данные по странам Европы и США отражают разницу в потребительских расходах пожилых людей и мо-

лодежи. Во-первых, с возрастом увеличиваются расходы на медицинское обслуживание: так в ЕС соответствующие расходы лиц старше 60 лет приблизительно на 80% превышают расходы остальной части населения (в США разрыв составляет 200%) (с. 48). Расходы, связанные со страхованием, также значительно возрастают. Наконец, расходы на питание и жилье у лиц старше 60 лет, хотя и превышают 50%, но занимают не первую позицию в расходах этих семей. Расходы на приобретение одежды, транспорт, досуг и развлечения значительно ниже среди пожилых лиц, чем среди молодежи.

Таким образом, старение населения, меняя структуру его потребления, оказывает влияние на развитие конкрет-

ных отраслей промышленности. На примере анализа ситуации во Франции автор делает вывод о том, что могут возникнуть структурные разрывы в динамике спроса на отдельные товары и услуги: значительный относительный рост спроса на медицинские услуги, страхование и жилье при относительном спаде спроса на автомобили и одежду.

Автор считает, что через несколько лет экономика стран ЕС изменится и станет похожа на экономику Швейцарии, которая характеризуется низкими темпами роста, низким уровнем процентной ставки, высоким уровнем сбережений, стабильной национальной валютой и возрастанием спроса на услуги.

С.Н. Куликова

*Круз-Кастро Л.,
Санз-Менендес Л.*

ИСПАНСКАЯ ПРОГРАММА ВОЗВРАЩЕНИЯ НАУЧНЫХ И ТЕХНИЧЕСКИХ КАДРОВ

**Cruz-Castro L.,
Sanz-Menendez L.
Bringing science and technology
human resources back in:
The Spanish Ramon y Cajal
programme // Science a. public
policy. - L., 2005. - Vol. 32,
N 1. - P. 39-53.**

Сотрудники Высшего совета по научным исследованиям Испании (Consejo Superior de Investigaciones Cientificas, CSIC) отмечают, что государственная научно-техническая политика с начала 1980-х годов осуществляется в условиях международной конкуренции. При этом высшее образование и наука рассматриваются как факторы развития инновационного потенциала и экономического роста в долгосрочной перспективе. В начале 1990-х годов возникла проблема будущего дефицита научных кадров, прогнозы заставили переориентировать политику в целом ряде стран. В 2004 г. страны ОЭСР определили человеческие ресурсы в области науки и технологии как важнейшую составляющую инновационной политики¹.

1. OECD. *Science and innovation policy: Key challenges and opportunities*. - Paris: OECD, 2004.

Среди множества различных подходов и мер государственной кадровой научно-технической политики авторы выделяют два основных направления: 1) политику в области образования, способствующую расширению программ подготовки специалистов в аспирантуре (докторантуре) и создания соответствующих учебных и научных подразделений в высших учебных заведениях и государственных научно-исследовательских центрах; 2) политику финансирования исследований с помощью субсидий, грантов и стипендий, выделяемых отдельным лицам и группам исследователей. В качестве нового направления возникла политика занятости, воздействующая на рынок труда ученых, которая, с одной стороны, нацелена на устранение барьеров для международной мобильности кадров и стимулирование притока специалистов в частный сектор, с другой – на расширение занятости ученых в государственном секторе.

В Испании в последние два десятилетия произошли существенные количественные и качественные изменения рынка научного труда. В 90-е годы стала очевидной основная проблема – низкий уровень финансирования сферы науки и технологии, наличие существенного разрыва между Испанией и ЕС. В 2001 г. показатель среднедушевого ВВП Испании составлял 85% от среднего показателя по ЕС, а расходы на научные исследования и разработки – 48,5% от уровня ЕС (в Испании они составляли 0,96% ВВП, в ЕС – 1,98%) (с. 40). Также существенными оказались проблемы в области научных кадров. В 2001 г. их доля по отношению к численности работающего на-

селения составила 80% среднего показателя по ЕС. Обнаружился разрыв между спросом и предложением на кадры специалистов, особенно по некоторым дисциплинам и специальностям. Многочисленные группы исследователей работали по временным контрактам и с низким уровнем заработной платы. Многие из них не имели перспектив долговременной занятости и научной карьеры даже при высоких научных достижениях. Объяснение этого явления кроется как на стороне спроса (ограниченное число рабочих мест в частном и государственном секторах), так и на стороне предложения (существенный рост количества выпускников университетов и лиц с ученой степенью). В то же время профессиональная структура готовящихся кадров оставалась деформированной. По численности новых специалистов в области естественных наук и техники Испания значительно отстает от среднего уровня по ЕС (табл. 1).

Согласно выводам рабочей комиссии ОЭСР по проблемам финансирования научных исследований, сфера науки и технологии испытывает три типа проблем, связанных с кадровыми ресурсами: низкий уровень эффективности работы высококвалифицированных ученых; значительный дисбаланс между спросом и предложением; низкий спрос и низкие перспективы занятости квалифицированных специалистов. Для Испании характерны все три проблемы, но особенно остра последняя. В течение двух последних десятилетий сотни молодых специалистов уехали за границу на временную или постоянную работу. Согласно оценкам, только в США работают примерно

2 тыс. испанских ученых с докторской степенью.

Испанская политика в области научно-технических кадров за последние десятилетия претерпела существенные изменения. В 70-е годы в условиях финансовых затруднений подготовка новых научных кадров стала одним из направлений государственной политики. В 80-е годы одним из ее механизмов стала масштабная централизованная программа предоставления финансовой поддержки в виде грантов и заработной платы большому числу соискателей ученой степени (*Formacion de Personal Investigador, FPI*), которая позволила многим молодым специалистам, работавшим за границей, вернуться в Испанию. В дальнейшем большее внимание было уделено проблеме занятости. В 90-е годы масштабные усилия предпринимались на уровне региональных органов власти в рамках их политики формирования квалифицированной рабочей силы в регионах.

Новым инструментом государственной научно-технической политики, предложенным в рамках Государственного плана по исследованиям, разработкам и инновациям (2000–2003) явилась программа, предложенная Министерством науки и технологии с целью улучшения условий труда, возвращения в Испанию специалистов, работающих за рубежом, и решения других проблем занятости научных кадров (*Ramon y Cajal Programme, RCP*). При ее принятии пришлось преодолеть сопротивление со стороны некоторых подразделений министерства, связанное с увеличением их рабочей нагрузки, а также со стороны Министерства образования и культуры, осуществля-

Таблица 1

**НЕКОТОРЫЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
СФЕРЫ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ (2001) (с. 41, 45)**

	<i>Число научных работников на 1 тыс. человек работающего населения</i>	<i>Число новых докторов (PhD) в области естественных наук и техники на 1 тыс. человек населения в возрасте от 25 до 34 лет</i>
Финляндия	13,77	1,01
Исландия	11,14	...
Швеция	11,10	1,37
Япония	9,14	0,27
Люксембург	8,78	...
Норвегия	8,34	0,13
США	8,08	0,41
Бельгия	6,96	0,49
Дания	6,86	0,48
Германия	6,55	0,80
Франция	6,55	0,71
Швейцария	6,46	1,11
15 стран ЕС	5,68	0,55
Великобритания	5,49	0,68
Нидерланды	5,21	0,38
Ирландия	4,98	0,60
Австрия	4,88	0,65
Испания	4,52	0,35
Португалия	3,51	0,30
Греция	3,30	0,19
Италия	2,82	0,18

Источник: European Commission. Key figures 2003–2004: Towards a European research area: Science, technology, and innovation. – Brussels: EC, 2003 (EUR 20735).

ющего ряд регулирующих функций в отношении университетов и планировавшего в этот период реформы. Программа явилась результатом процесса взаимодействия между политиками, юридическими и финансовыми экспертами и пользователями.

Программа RCP в целом призвана воздействовать на спрос и предложение на рынке труда ученых и расширить участие государственных научно-исследовательских центров (ГНИЦ) и университетов в осуществлении кадровой политики. Программа предусматривает создание 2 тыс. рабочих мест

для ученых в ГНИЦ и университетах на условиях пятилетних контрактов. В соответствии с программой, субсидии и гранты будут предоставляться не отдельным лицам, как раньше, а учреждениям для найма отобранных специалистов. Субсидии ГНИЦ будут предоставляться в убывающей пропорции (с сокращением на 10% в год) с тем, чтобы обеспечить частичное финансирование контрактов самими учреждениями. Такая система должна, кроме того, способствовать научному обмену и повышению долгосрочной мобильности персонала. Общий объем государствен-

ных субсидий на период 2001–2007 гг. должен составить 315 млн. евро (с. 47).

Реализация программы строится на ряде принципов, среди которых конкурсная основа, оценка по научным результатам и т.п. При этом, если отбор специалистов является целиком компетенцией научного сообщества, то стратегические решения о распределении средств по различным научным направлениям остаются в сфере политики. Критериями принятия таких решений являются имеющиеся научные достижения, соответствие приоритетным направлениям государственного плана, а также структура спроса со стороны научно-исследовательских учреждений и университетов.

Размер минимальной годовой заработной платы специалиста по пятилетнему контракту в соответствии с программой в 2001 г. был определен в размере 28 550 евро (до налогообложения), что соответствует зарплате специалиста на постоянной должности (без надбавок и премиальных). Оплата труда контрактника может включать премии, выплачиваемые научным учреждением в соответствии с общим положением. Кроме того, он может заниматься преподавательской работой. Размер субсидии, предоставляемой научному учреждению в первый год действия программы, составляет 43 750 евро на одного исследователя, работающего по программе. В эту сумму помимо заработной платы входят затраты на социальное обеспечение и на организацию исследований (с. 48).

За три первых года реализации программы (2001–2003) было заключено 196 контрактов. 117 научных учреждений получили возможность заклю-

чить хотя бы один контракт, однако большая часть контрактов сконцентрировалась в ведущих центрах, среди которых CSIC (522), университеты Барселоны, Мадрида, Валенсии и др. Доля университетов составила 59,5%, ГНИЦ – 32,3%, других государственных исследовательских институтов – 8,2% (с. 49). Важными факторами явились средний возраст ученых, с которыми были заключены контракты (35,5 лет), и возрастающее число испанцев, возвращающихся работать на родину (табл. 2). Что касается привлеченных иностранных специалистов, то их численность за три года составила 334 человека, а доля 16,9%. Среди них преобладают ученые из стран ЕС (171), Аргентины (30), России (20), США (14), а также Венесуэлы (6), Болгарии (4), Австралии (3), Китая (3) (с. 49).

С точки зрения поставленных задач, результатом осуществления программы является, прежде всего, улучшение условий занятости специалистов и перспектив развития их научной карьеры. Число привлеченных иностранных специалистов превзошло ожидания, что свидетельствует о том, что в ряде стран условия научной деятельности уступают испанским. В 2004 г. их доля среди участников программы еще более возросла, составив 47%. В структуре специализации привлеченных специалистов преобладают молекулярная биология и генетика, физика, химия, науки о земле, материаловедение, биология растений и животных, экология, сельскохозяйственные науки, медицина, физиология и фармакология. Эта структура явилась в основном результатом решений, принятых Министерством науки и технологии, на нее оказали

Таблица 2

ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММЫ RCP (с. 49, 50)

	2001 г.	2002 г.	2003 г.
Число плановых контрактов	800	500	700
Число заявок научно-исследовательских учреждений	2064	2059	1898
Число учреждений, подавших заявки	151	155	131
Число соискателей, подавших заявки	2807	3025	3408
Число учреждений, заключивших контракты	84	74	88
Число специалистов, заключивших контракты, в том числе:	774	480	706
иностранцев	105	99	130
испанцев, проживающих за рубежом	108	114	202
Средний возраст специалистов, заключивших контракты	35,8	35,5	35,4

влияние также запросы научных учреждений и сложившаяся в прошлом структура научных кадров с преобладанием гуманитарных дисциплин. Региональное распределение контрактов отразило существующую концентрацию научного потенциала, что ставит вопрос о дополнительных мерах, направленных на его укрепление в менее развитых регионах.

Хотя, отмечают авторы, еще рано подводить итоги, ясно, что программа внесла существенный вклад в решение ключевых проблем государственной системы научных исследований Испании, укрепление репутации научных учреждений и их способности привлекать специалистов различных областей знания. Она послужила стимулом для государственных научно-исследователь-

ских центров к выработке кадровой политики, соответствующей задачам развития конкурентного научно-исследовательского потенциала. В то же время не были решены вопросы распределения кадрового потенциала в соответствии с национальными приоритетами в сферах, испытывающих дефицит высококвалифицированных специалистов (в области технологии и инжиниринга). В последующие годы потребуются меры по укреплению стабильности занятости и изменения в системе трудовых отношений, что потребует определенных бюджетных затрат. В противном случае изменение традиционных принципов занятости научных кадров может оказать негативное влияние на их будущее предложение.

И.Г. Минервин